

ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНАТОРСТВО Н. Н. МУРАВЬЕВА ВЪ СИБИРИ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

ВТОРЪ печатаемыхъ ниже записокъ, Борисъ Алексѣевичъ Милютинъ, скончался 13-го января 1886 г., передавъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ въ редакцію воспоминанія о своей службѣ въ Сибири. Б. А. Милютинъ былъ наименѣе талантливымъ изъ даровитой семьи Милютиныхъ, такъ какъ братья его, Николай Алексѣевичъ и Дмитрій Алексѣевичъ, съ честью и пользою служили въ высшихъ сферахъ государственной дѣятельности. По окончаніи курса наукъ въ Петербургскомъ университетѣ въ 1851 году, Б. А. Милютинъ до 1854 года служилъ въ Петербургѣ, но, по разнымъ обстоятельствамъ, не сумѣлъ составить себѣ карьеры въ столицѣ, не смотря на сильную поддержку, хотя бы со стороны брата, Николая Алексѣевича, и отправился искать счастья въ Восточной Сибири. Въ этой отдаленной части имперіи онъ провелъ, на разныхъ служебныхъ постахъ, лучшую пору своей жизни, при трехъ генераль-губернаторахъ, графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ, Корсаковѣ и Синельниковѣ. Во время управленія послѣдняго Восточною Сибирью, Б. А. Милютинъ вынужденъ былъ, отношеніемъ къ нему генераль-губернатора, покинуть Иркутскъ и возвратиться въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ назначенъ товарищемъ главнаго военнаго прокурора и за тѣмъ вышелъ въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника лѣтъ шесть тому назадъ. Продолжительное пребываніе Б. А. Милютина въ Восточной Сибири, его близкое знакомство съ тамошними административными, судебными и иными порядками, придаютъ особенное значеніе и своего рода колоритъ его воспоминаніямъ о пребываніи въ Иркутскѣ.

I.

Пріѣздъ въ Иркутскъ.—Поиски помѣщенія.—Хозяинъ-горбунъ.—Затруднительное положеніе.—Маіоръ Баркъ-Петровскій.—Его чудачества.—Генералъ Венцель.—Оригинальный пріемъ.—Обѣдъ у Венцеля.—П. П. Сукачевъ.—А. С. Савинскій.—Мое назначеніе чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ управленіи.—Первое порученіе.—Отѣздъ на слѣдствіе.

Вечеромъ, 3-го іюня 1859 года, послѣ продолжительнаго и утомительнаго путешествія, я и сотоварищъ мой очутились, наконецъ, на рѣкѣ Ангартъ, въ виду достославнаго города Иркутска.

«Самолетъ» — такъ называется оригинальное судно, посредствомъ котораго производилась переправа, въ то время, черезъ Ангарту, — былъ на другой сторонѣ. Волей-неволей пришлось обождать. Я вылъзъ изъ экипажа, закурилъ папироску и задумчиво оглядѣлъ откывшуюся передо мною панораму.

Вечеръ былъ чудный, тихій, свѣтлый. Красавица Ангарты была спокойна. Вдали чернѣлъ Иркутскъ. Если не весь городъ, то лучшая сторона его была какъ на ладони. Низменный берегъ, на которомъ мы стояли, окутывалъ поднимавшійся туманъ. Влѣво отъ насъ, Ангарты дѣлала крутой поворотъ, смывая подошву горы, на вершинѣ которой одиноко стояло двухъэтажное зданіе.

Впечатлѣніе, произведенное картиной, было безусловно пріятное.

Но если природа манила насъ, что скажутъ люди? Что ожидаетъ меня, странника, на томъ берегу? Успѣхъ или разочарованіе?

«Самолетъ» намъ поданъ, грузный экипажъ безъ отпряжки прямо въѣхалъ на него. Ни суеты, ни криковъ, ни ругани, ни тревоги за экипажъ, какъ обыкновенно на паромахъ. Прошло нѣсколько минутъ, мы опять въ экипажѣ, бойко выѣхали въ гору и катимъ по мягкимъ улицамъ города.

На улицахъ ни души!

Ямщикъ привезъ насъ въ какую-то гостинницу. Посмотрѣли номеръ. Онъ ужаснулъ насъ. Темный, сырой, пахнетъ гробомъ, а въ виду — новая жизнь.

— Куда же васъ везти? — спрашиваетъ ямщикъ. — Къ Красавицѣ что ли?

— Хоть къ уродихѣ, — сострилъ мой товарищъ.

И покатили мы опять. Къ счастью недалеко. Проѣхали мимо гауптвахты, плаца, церкви, двухъэтажнаго зданія, стоящаго особнякомъ, повернули въ широкую улицу.

На углу встрѣтились двое гуляющихъ. Они остановились, посмотрѣли, конечно, не на колеса, а на экипажъ, отличавшійся, дѣйствительно, нѣкоторыми особенностями.

Останавливаемся у запертыхъ воротъ красиваго, деревяннаго, двухъэтажнаго дома. Нѣтъ ни какой выѣски. Ямщикъ слѣзаетъ съ козелъ, скрывается во дворъ и пропадаетъ. Прошло нѣсколько

минуть. Ворота открываются. Мы въѣзжаемъ, останавливаемся у подъѣзда. Насъ встрѣчаетъ какой-то горбунчикъ со свѣчей въ рукахъ.

— Просимъ покорнѣйше,—говоритъ онъ намъ, отворяя дверцы экипажа, и вводитъ насъ въ просторную комнату въ три окна.

Мы съ радостью принимаемъ предложеніе, не спрашивая о цѣнѣ. Насъ гораздо болѣе интересуеетъ вопросъ: найдемъ ли мы что поѣсть.

— Найдется, найдется, — отвѣчаетъ горбунчикъ, рекомендуясь намъ. Онъ оказывается супругомъ Красавихи¹⁾; нашъ хозяинъ.

Свѣчи зажжены. Оглядываемъ комнату. Она еще болѣе удовлетворяетъ насъ и чистотой, и благообразіемъ.

Мигомъ выдвигается на середину столъ, покрывается чистой скатертью, появляется чайный приборъ, кипящій самоваръ, хлѣбъ, домашнія печенія, всевозможныя соленья, водка, наливки. Самъ горбунчикъ у самовара разыгрываетъ роль хозяйки. Мы усаживаемся и принимаемся за трапезу. Начинаются съ тѣмъ вмѣстѣ взаимныя разспросы. Оказывается, что генераль-губернатора графа Муравьева нѣтъ и что онъ будетъ не ранѣе какъ въ августѣ.

Это извѣстіе было для насъ полнѣйшимъ разочарованіемъ.

У обоихъ насъ три рубля съ мелочью. Оба мы поѣхали изъ Петербурга причисленными, я—къ главному управленію Восточной Сибири, товарищъ мой—къ Читинскому областному правленію. Моя судьба зависѣла исключительно отъ графа Муравьева. Положимъ, въ виду имѣется полученіе полугодовыхъ окладовъ жалованья, но когда еще?

Набѣгаетъ на насъ облако раздумья, но его разсѣваетъ гостепріимный хозяинъ. Если судьба отказала ему въ ростѣ, дородствѣ, красотѣ, то, надѣливъ его горбомъ, она не обидѣла его умомъ и неистощимымъ запасомъ веселости. Не привѣтливо сложилась его семейная жизнь вообще. Сынъ генерала, бывшаго когда-то иркутскимъ комендантомъ, онъ послѣ долгаго, безутѣшнаго странствованія по житейскому морю, думалъ найти себѣ тихую пристань въ семейной жизни, но его угораздило избрать себѣ подругой какую-то современную Мессалину, принесшую ему въ приданое и домъ, въ которомъ мы помѣщались, и незаконныхъ дѣтей. Относительно послѣднихъ, горбунчикъ и самъ не положилъ охулки на руку. Составилась преоригальная семья. Если въ горбунчикѣ, какъ я сказалъ, за отсутствіемъ красоты, находились извѣстныя нравственныя достоинства, то что онъ нашелъ въ своей супругѣ—трудно было объяснить. Толстая, уродливая, но, въ сущности, добрая женщина. Онъ же былъ всегда одинаковъ, всегда веселъ.

Дверь открывается. Видимъ на порогѣ мужчину средняго роста, съ большими усами, въ бѣломъ кителѣ. Расшаркивается.

¹⁾ Въ Сибири не говорятъ Красавина, Иванова и т. д.; а Красавиха, Иваниха.

— Вашъ сосѣдъ, майоръ Баркъ-Петровскій, рекомендуюсь. Самъ переживалъ такія же минуты, какъ вы. Сочувствую и предлагаю услуги...

Протягиваются руки, завязывается знакомство. Бесѣда, услаждаемая виномъ, а потомъ гитарой, (нашъ новый знакомецъ—пѣвецъ, также какъ и мой сотоварищъ) затягивается, и только хозяинъ напоминаніями, что мы устали съ дороги и что изъ насъ мнѣ, крайнейней мѣрѣ, придется встать рано, разгоняетъ насъ.

Кидаемся въ постель, усталость беретъ свое...

Прошло болѣе 25-ти лѣтъ послѣ этого вечера, а мнѣ живо припоминается этотъ первый день, проведенный въ Иркутскѣ, за пять тысячъ верстъ отъ родины. Сотоварищъ мой уже въ могилѣ, тамъ же и хозяинъ квартиры. Гдѣ-то ты, дорогой Сергѣй Ивановичъ Баркъ-Петровскій, человѣкъ со странностями, съ причудами, человѣкъ, которому можно бы было посвятить особый этюдъ? Продолжаешь ли ты попрежнему услаждать «милыхъ дамъ» прелестями своего разговора, а въ особенности, пѣньемъ, или и тобою овладѣлъ наслѣдственный недугъ—помѣшательство?

Многіе общіе знакомые, къ которымъ Баркъ-Петровскій былъ менѣе довѣрчивъ, обыкновенно смѣялись надъ нимъ за усвоенную имъ привычку—безпрестанно подсказывать къ зеркалу и вглядываться въ него. Увы! это вызывалось не кокетствомъ, а тѣмъ обстоятельствомъ, что, по словамъ его, и мать его, и сестра окончили жизнь помѣшательствомъ, начинавшимся съ какихъ-то наростовъ на носу: ихъ-то и боялся почтенный Сергѣй Ивановичъ. Его преслѣдовала мысль, что онъ неминуемо кончитъ тѣмъ же. О своемъ прошломъ онъ распространяться не любилъ. Въ то время, когда мы съ нимъ познакомились, онъ былъ, послѣ командованія казачьимъ полкомъ за Байкаломъ, прикомандированъ къ штабу, будто бы за жестокое обращеніе съ людьми. Самъ же Баркъ-Петровскій объяснялъ это удаленіе тѣмъ, что, по проискамъ начальника штаба, это мѣсто понадобилось для другого. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней послѣ нашего приѣзда, проѣхало черезъ Иркутскъ семейство полковника Вакульскаго ¹⁾, игравшаго впоследствии не маловажную роль. Онъ и занялъ мѣсто Баркъ-Петровскаго.

Изъ множества чудачествъ послѣдняго не могу не припомнить слѣдующаго. Въ 1860 г. у графа Муравьева былъ официальный балъ, на которомъ, конечно, былъ и Баркъ-Петровскій. Наступило время разъѣзда. Графъ Муравьевъ стоялъ по срединѣ залы, окруженный ближайшей свитой. Гости, дамы и мужчины, подходили къ нему, раскланивались, благодарили, пожимали руки и проч. То же предстояло сдѣлать и Баркъ-Петровскому, но такъ какъ онъ

¹⁾ Впоследствии полиціймейстера въ Иркутскѣ. Вдова его во второмъ бракѣ была замужемъ за генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, Корсаковымъ. Ред.

не любилъ дѣлать что-либо проста, то не безъ аффектаціи надѣлъ саблю, выбралъ моментъ поудачнѣе, чтобы всѣ его видѣли, подошелъ торжественно къ графу Муравьеву и расшаркался передъ нимъ. Когда Муравьевъ протянулъ ему руку, то онъ долго жалъ ее и такъ сильно, что графа какъ-то покорило, а затѣмъ торжественно и, поднявъ высоко голову «вотъ, молъ, я каковъ» — направился къ выходу. Нельзя было удержаться отъ улыбки, до того была комична эта сцена. На другой день я спрашиваю у Баркъ-Петровскаго объясненіе, что вызвало съ его стороны такое выходящее изъ ряда обыкновенныхъ рукопожатіе.

— Помилуйте,—говорить онъ,—могъ ли я поступить иначе. Когда я подошелъ къ графу... вы видѣли онъ протянулъ мнѣ руку... и пожалъ мою, хотя и слегка, но на столько тепло, на столько дружески, что могъ ли я, въ виду такого для себя почета, не отвѣтить ему крѣпкимъ, благодарственнымъ, чисто русскимъ рукопожатіемъ. Вѣдь я, какъ вы знаете, люблю графа нескончаемо, и если между нами послѣдовали недоразумѣнія, то въ этотъ моментъ онъ ясно указалъ мнѣ, что насъ разлучили злые люди. Могъ ли я не поблагодарить его отъ души за оказанное мнѣ вниманіе?

Настало утро. Хозяинъ предложилъ мнѣ свой, весьма приличный экипажъ. Облекшись въ мундиръ, я направилъ свои стопы къ исправлявшему должность генераль-губернатора К. К. фонъ-Венцелю¹⁾, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо.

Меня ввели въ небольшую комнату, гдѣ находились дежурный чиновникъ, нѣсколько просителей и два или три господина съ портфелями.

Отворяется дверь изъ кабинета.

Все подтягивается. Выбѣгаетъ генераль и прямо ко мнѣ. Заявляю о своей личности.

— Еще одинъ!—воскликаетъ генераль,—да, что вы это бѣлены обѣлись! Чего вы лѣзете къ намъ? Ну, что я съ вами буду дѣлать?

Озадаченный такимъ пріемомъ, я пробормоталъ...

— Михаилъ Семеновичъ²⁾...

— Михаилъ Семеновичъ, Михаилъ Семеновичъ, — продолжалъ генераль...—А что это у васъ въ шляпѣ?

— Письмо, ваше...

— Письмо, ко мнѣ? Отъ кого?

Я отвѣтилъ, подавая письмо. Генераль скрылся въ кабинетъ. Совершенно сконфуженный, я не рѣшался даже поднять глаза на присутствующихъ.

Не прошло минуты, какъ генераль Венцель показался на порогѣ, съ раскрытымъ письмомъ...

¹⁾ Умеръ сенаторомъ межевого департамента.

²⁾ Михаилъ Семеновичъ Корсаковъ, бывший тогда забайкальскимъ губернаторомъ, а впослѣдствіи генераль-губернаторомъ Восточной Сибири. Ред.

— Такъ бы вы и сказали,—послышалось мнѣ. Не помню какъ я очутился въ кабинетѣ въ объятіяхъ генерала; затѣмъ уже началась бесѣда, вертѣвшаяся сперва около Петербурга, политическихъ извѣстій, общихъ знакомыхъ и т. д. Венцель заключилъ эту бесѣду тѣмъ, что обо мнѣ никакого распоряженія нѣтъ, что о моемъ пріѣздѣ онъ не былъ предупрежденъ и что, безъ согласія графа Муравьева, онъ никакихъ распоряженій сдѣлать не можетъ.

— Да что же я буду дѣлать?—сорвалось у меня съ языка.

Венцель усмѣхнулся:

— Э, mon cher, отдохнете. Иркутскъ у насъ хорошій городъ. Вотъ что! сегодня приходите ко мнѣ обѣдать. Я васъ познакомлю съ женой. Знайте, что приборъ за моимъ столомъ всегда въ вашемъ распоряженіи. Я обѣдаю въ 4 часа.

Аудіенція кончилась. Всякій, кому случалось бывать въ подобномъ мнѣ положеніи, пойметъ, что возможность обѣдать у генерала Венцеля, какъ сегодня, такъ и каждый день, хотя и льстила мнѣ, но впередъ не подвигала. Понятно въ какомъ нравственномъ настроеніи вернулся я домой. Спасибо Сергѣю Ивановичу Баркъ-Петровскому и хозяину. Они нѣсколько развеселили и меня, и со товарища, который въ свою очередь принесъ и о себѣ не совѣмъ благопріятное извѣстіе. Получить полугодовой окладъ онъ могъ лишь по пріѣздѣ въ Читу. А какъ добраться до нея. Съ хозяиномъ послѣдовало откровенное объясненіе. Онъ обѣщалъ ждать терпѣливо и тотчасъ же, на случай, если я останусь въ Иркутскѣ, предложилъ мнѣ квартиру, у себя же, во флигелѣ, которая мнѣ понравилась.

Гостепріимный и радушный пріемъ, который я встрѣтилъ у Венцеля за обѣдомъ, совершенно развлекъ и успокоилъ бы меня, если бы только добродушнѣйшій Карлъ Карловичъ Венцель не подлилъ масла въ огонь. Прощаясь уже со мною и напоминая объ утреннемъ приглашеніи, онъ вдругъ объявилъ, что послѣ меня былъ у него съ докладомъ Сукачевъ и что, какъ оказывается, графъ Муравьевъ оставилъ обо мнѣ какое-то распоряженіе, но какое—Сукачевъ не вспомнилъ.

— Могу ли я сходить къ нему?—спросилъ я.

— Да, да... вы ходите завтра и завтра же за обѣдомъ скажите мнѣ въ чемъ дѣло.

Утромъ, въ субботу, я отправился въ главное управленіе. Мнѣ объявили, что его превосходительство Платонъ Петровичъ Сукачевъ по субботамъ на службѣ не бываетъ, но что я могу застать его дома. Иду къ нему и застаю его въ халатѣ, въ саду. Принимаетъ меня самымъ радушнымъ образомъ, подтверждаетъ, что дѣйствительно обо мнѣ есть какое-то распоряженіе, но справиться не успѣлъ, такъ какъ наканунѣ, послѣ доклада, въ главное управленіе не заѣзжалъ; сегодня же суббота, когда имѣетъ привычку отдыхать

Въ заключеніе онъ самымъ любезнымъ образомъ просилъ завернуть къ нему въ главное управленіе въ понедѣльникъ, въ часъ.

Я рѣшился воспользоваться праздничнымъ днемъ и сдѣлать официальные визиты членамъ совѣта главнаго управленія, какъ моимъ начальникамъ. Мнѣ доставали списокъ, въ который, однако, не включили исправлявшаго должность Иркутскаго губернатора; ошибка, въ которую я вовлеченъ былъ невольно, и которая могла отразиться на мнѣ очень неблагопріятно, если бы къ несчастію, я имѣлъ дѣло съ лицомъ иного закала.

Визиты мои начались съ одного, жившаго наискосокъ моей квартиры. Я не засталъ его дома, какъ не засталъ и прочихъ.

Возвращаясь домой въ третьемъ часу, застаю незнакомую личность высокаго роста, въ гражданской формѣ горнаго вѣдомства, и застаю его въ живой бесѣдѣ съ сотоварищемъ моимъ и Сергѣемъ Ивановичемъ Баркъ-Петровскимъ.

Незнакомецъ оказался членомъ совѣта, завѣдывающимъ горнымъ отдѣленіемъ, тотъ самый, которому я сдѣлалъ первый визитъ. Съ его стороны послѣдовало тотчасъ же приглашеніе идти къ нему обѣдать, что, конечно нами и было принято.

Заносся это знакомство въ свою лѣтопись, я считаю долгомъ со- вѣсти, попадутся ли эти строки на глаза Аѳанасію Степановичу Савинскому¹⁾ или нѣтъ, заявить, что оно было однимъ изъ крѣпчайшихъ узловъ, которые приходилось мнѣ затягивать въ жизни. Многимъ и многимъ обязанъ я этому знакомству. Въ домѣ Савинскаго, отъ него и отъ его супруги, я всегда находилъ самый радужный, болѣе—самый родственныи пріемъ. Не проходило дня, чтобы мы не видѣлись: то онъ у меня, то я у нихъ. Не скрою, что Савинскій оказалъ мнѣ не мало самыхъ сердечныхъ услугъ. Узелъ казался неразрывнымъ, но! и ему пришлось быть разрѣзаннымъ, только не Александромъ Македонскимъ и не людскими даже сплетнями. И онъ и я стояли выше послѣднихъ, да и какое вліяніе могли имѣть на наши отношенія сплетни? И по положенію, и возрасту, мы стояли крайне далеко. Дѣловыя столкновенія положили нашимъ отношеніямъ конецъ и, не смотря на попытки къ примиренію, они не могли возобновиться. Мы разстались чуть не врагами, хотя, съ моей стороны, къ враждѣ не могло быть причинъ, тѣмъ болѣе, что къ попыткамъ помириться я всегда относился добродушно и мстить не умѣлъ.

Въ понедѣльникъ, 7 іюня, въ часъ дня, наконецъ, разрѣшились всѣ недоразумѣнія. Оказалось, что, причисленный къ главному управленію Восточной Сибири съ 8-го февраля, я, въ апрѣлѣ, былъ

¹⁾ Аѳанасій Степановичъ Савинскій, въ отставкѣ тайный совѣтникъ, игралъ замѣчательную роль въ Восточной Сибири, особенно по отношенію къ золотопромышленникамъ.

назначенъ младшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ управленіи, мѣсто, исполнѣе соотвѣтствовавшее и моему прежнему служебному положенію, и личнымъ желаніямъ.

Не прошло и дня, какъ, возвращаясь домой поздно вечеромъ, я нашелъ у себя на столѣ запечатанный конвертъ. Первымъ служебнымъ порученіемъ было предписаніе принять отъ члена совѣта, Гаупта, порученное ему слѣдствіе, которое и закончить въ возможно непродолжительномъ времени. Слѣдствіе приходилось производить въ верстахъ 100 отъ Иркутска, въ деревнѣ.

Я былъ крайне обрадованъ этому первому порученію. Какъ ни пріятны были первыя знакомства, заведенныя въ Иркутскѣ, но, привыкнувъ къ труду, я рвался опять за дѣло. Къ тому же было лѣто и довольно жаркое.

На другой же день, я отправился къ указанному мнѣ члену совѣта. Свѣрились предписаніями. Онъ объяснилъ, что дѣло слишкомъ велико, что мнѣ трудно будетъ его захватить, что онъ распорядится отсылкой его ко мнѣ, теперь же можетъ передать мнѣ только свою переписку. Съ этими словами вручилъ онъ мнѣ казенную обложку, на которой значилось, что дѣло поступило къ нему чуть ли не въ апрѣлѣ, въ самомъ же дѣлѣ, кромѣ предложенія, подписаннаго гр. Муравьевымъ—ничего. Я не могъ скрыть удивленія.

— Вы удивляетесь, что я не приступалъ къ слѣдствію,—послышалось мнѣ.—Да, я не приступалъ къ нему въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

Я молчалъ.

— Вотъ вы ознакомитесь съ дѣломъ,—продолжалъ мой собесѣдникъ, не глядя на меня... Вообще, вскинулъ онъ на меня глаза... вы какъ молодой человѣкъ, вы недавно пріѣхали сюда... не смѣю спросить съ какими видами...

Я отвѣчалъ, что меня интересуетъ край, что...

Онъ улынулся.

— Позвольте мнѣ, прослужившему болѣе васъ, дать вамъ совѣтъ... Поменьше усердія,—проговорилъ онъ съ какимъ-то тяжелымъ чувствомъ и далъ явственно замѣтить, что къ дальнѣйшему разговору не представляется основаній.

Я раскланялся, унося съ собою драгоцѣнную обложку.

Невольное недоумѣніе, возникшее во мнѣ, не кому было разъяснить. Не Сергѣю же Ивановичу Баркъ-Петровскому или чудаку хозяину. А. С. Савинскій уклонился отъ положительнаго отвѣта, сказавъ мнѣ только, что онъ радуется, что мнѣ дано такое порученіе и что онъ всегда къ моимъ услугамъ. Заголовокъ дѣла не представлялъ ничего особеннаго. «Дѣло о растратѣ», гласилъ заголовокъ, что подтверждалось массой приложенныхъ къ нему, опечатанныхъ чуть ли не 10 печатями, денежныхъ книгъ. Карлъ

Карловичъ Венцель, не смотря ни на какія мои усилія получить отъ него напутствія, повторялъ лишь одно: «Поѣзжайте, потрудитесь; дѣло надо кончить до пріѣзда графа. Онъ имъ интересуется».

И вотъ, вечеромъ 12 іюня, я, съ вѣрнымъ псомъ своимъ «Непиромъ», и съ дѣлами въ чемоданѣ, сидѣлъ уже на почтовой тройкѣ, которая помчала меня къ мѣсту моего временнаго пребыванія. Странное совпаденіе обстоятельствъ! Восемь лѣтъ тому назадъ, въ тотъ же день 12-го іюня я получилъ свой университетскій дипломъ, а 13-го сидѣлъ уже на службѣ.

II.

Сибирскіе обычаи того времени. — Запутанное дѣло. — Злоупотребленія чиновниковъ. — Допросы. — Голова Мейеръ и его дѣятельность. — Его арестованіе и впечатлѣніе этого ареста. — Вызовъ меня въ Иркутскъ. — Объясненія съ Венцелемъ, Извольскимъ, исправникомъ, по поводу ареста Мейера.

На разсвѣтѣ 13-го іюня, изрядно постранствовавъ по селу, для розысканія десятника, ямщикъ привезъ меня къ дому, въ которомъ мнѣ пришлось прожить безъ малаго 4 мѣсяца. Ввели меня въ горницу. Я попросилъ самоваръ, попросилъ, чтобы убрали массу перинъ, долженствовавшихъ поглотить меня, и, замѣнивъ ихъ дорожнымъ складнымъ тюфякомъ и своими подушками, заснулъ богатырскимъ сномъ.

На утро первымъ моимъ дѣломъ было разяснить свои отношенія къ хозяевамъ. Къ величайшему моему удивленію, мы долго не могли сойтись съ старухой-хозяйкой. Утромъ я застаю на столѣ не только самоваръ, но заваренный уже чай съ аккомпанементомъ густѣйшихъ сливокъ, прелестнѣйшаго масла, массы разнаго рода, съ пыла поданныхъ, печеній. На столѣ стояла кипѣвшая верещага¹⁾. Все это было прекрасно, все это мнѣ напоминало поѣздку по «дружкамъ» въ Западной Сибири, гдѣ въ тѣ времена считали постыднымъ предложить ржаной хлѣбъ, а тѣмъ менѣе взять денежное воздаяніе за угощеніе, гдѣ возили чуть не даромъ²⁾. Но то, что хорошо проѣздомъ, не можетъ же быть терпимо при болѣе или менѣе продолжительномъ пребываніи на мѣстѣ. Съ хозяйкой, повторяю, я никакъ не могъ сговориться. Ни она меня не понимала, ни я ее. Пришелъ сынъ и, наконецъ, выяснилось, что я на общественной квартирѣ и, что за квартиру и за дальнѣйшее, останав-

¹⁾ Такъ называется въ Сибири выпускная яичница. Иначе—вамъ подадутъ какую-то кашу изъ яицъ и молока. Творогъ переименованъ въ кокорочки и т. д.

²⁾ Не прошло и 10 лѣтъ, какъ при тѣхъ же условіяхъ, кредитный рубль за угощеніе принимался уже съ неудовольствіемъ.

ливающихся на ней, т. е. чиновниковъ, содержаніе,—отвѣтчикомъ общество. «Мы же не имѣемъ права брать ни копѣйки». Послѣ долгихъ переговоровъ я объяснилъ, что квартира пусть будетъ безплатная, но, что за содержаніе свое я буду уплачивать такую-то сумму помѣсячно: въ расчетъ не входитъ чай, сахаръ и живительная влага, которые будутъ приобрѣтаемы мною особо. Оговоривъ эти первыя существенныя условія, я думалъ воспользоваться инкогнито, чтобы обозрѣть мѣстность, въ которой мнѣ придется дѣйствовать. Но я видѣлъ, что меня обѣгаютъ, сторонятся, на разспросы отвѣчаютъ какъ-то не хотя, пугливо, мотая себѣ на усъ. Этой же политики держались и торговецъ бакалеей, къ которому я зашелъ, и станціонный смотритель, и священникъ. Очевидно, что цѣль моего приѣзда уже огласилась.

Нагулявшись вдоволь и пообѣдавъ, я принялся, на свободѣ, за изученіе дѣла, которое мнѣ предстояло вести. Оказалось, что въ концѣ истекшаго года былъ срокъ выбора волостныхъ начальниковъ. Выборамъ предшествовалъ учетъ, совершенный довѣренными. Явился крупный недочетъ въ казенныхъ и въ мірскихъ суммахъ, а такъ какъ волостные начальники отказались отъ пополненія его, то довѣренные составили приговоръ (онъ былъ написанъ рукою волостного писаря), въ замѣнъ старыхъ волостеначальниковъ избрали новыхъ, дѣлу дали законный ходъ и довѣренные разѣхались вполнѣ спокойные. Но тутъ-то и начались курьёзы. Налетѣлъ исправникъ, произвелъ провѣрку безъ довѣренныхъ, составилъ свой учетъ, по которому недостатка не оказалось, и улетѣлъ въ Иркутскъ. Въ результатѣ выборы по отношенію къ головѣ были кассированы и старый голова утвержденъ вновь. Крестьяне взволновались, полетѣли жалобы. Въ отвѣтъ на нихъ явились на мѣсто, одинъ за другимъ, совѣтникъ губернскаго правленія и начальникъ отдѣленія общаго губернскаго управленія. Оба составили по учету, матеріаломъ для которыхъ служили однѣ и тѣ же данныя, и странно:— по одному вышелъ недостатокъ, значительно меньшій противъ введеннаго самими довѣренными, по другому—все обстояло благополучно. Прошло еще нѣсколько недѣль. Прибылъ старшій чиновникъ особыхъ порученій главнаго управленія. Онъ вызвалъ довѣренныхъ, произвелъ при нихъ учетъ, четвертый по счету, обнаружилъ недостатокъ, запечаталъ сундукъ и сдѣлалъ распоряженіе о подвергнутія головы домашнему аресту. Дѣло это было къ ночи: довѣренные были отпущены по домамъ. На утро чиновникъ особыхъ порученій вскрываетъ кассу и, о удивленіе—вся касса налицо. Онъ составляетъ краткій протоколъ, освобождаетъ голову и уѣзжаетъ. Проходитъ опять нѣсколько времени и уже самъ графъ Муравьевъ назначаетъ слѣдствіе, поручая его, какъ сказано выше, члену совѣта главнаго управленія и дѣлая съ тѣмъ вмѣстѣ распо-

ряженіе объ устраненіи отъ должности головы и замѣнѣ его избраннымъ довѣренными.

Дѣло само по себѣ не подсказало мнѣ ничего иного, и хотя было ясно, что оно имѣло какую-то особенную подкладку, но въ дѣлѣ никакихъ разъясненій, никакихъ данныхъ для обнаруженія этой подкладки не было. Мнѣ пришлось заняться скучной работой: вытребовавъ волостныхъ начальниковъ и снявъ при нихъ печати съ пріобщенныхъ къ дѣлу, болѣе чѣмъ 20 шнуровыхъ книгъ, произвести по этимъ даннымъ самому учетъ. Работалъ я до глубокой ночи и имѣлъ удовольствіе убѣдиться, что учетъ довѣренныхъ, если исключить маловажныя ошибки, былъ наиболѣе близокъ къ истинѣ; всѣ же остальные учеты грѣшили противъ нея настолько, что руководившая выводами поблажка дѣлалась очевидной. Столь же очевиднымъ дѣлалось и то, что чудесное пополненіе сундука не достигло цѣли: оставался не возмѣщеннымъ довольно крупный кушъ. Открылись съ тѣмъ вмѣстѣ серьезныя упущенія въ счетоводствѣ, на которыя, однако, учетчики - чиновники не обратили должнаго вниманія. Меня, какъ новичка, знакомаго съ обстановкой волостныхъ правленій въ столичной губерніи, поразила, кромѣ того, масса книгъ и сложность формъ счетоводства, которую я нашелъ на мѣстѣ. Не мудрено, что канцелярія волостного правленія, какъ убѣдился я послѣ, состояла изъ писаря и чуть ли не восьми помощниковъ, содержимыхъ писаремъ, не мудрено послѣ того, что, по находившейся при дѣлѣ книжкѣ, на которую, однако, не обратилъ никто вниманія, въ замѣнѣ нѣсколькихъ сотенъ рублей, ассигнованныхъ по гласной смѣтѣ на содержаніе управленія, въ дѣйствительности расходовалось нѣсколько тысячъ рублей.

На утро (это былъ уже третій день моего пребыванія въ селеніи) доложили мнѣ о засѣдателѣ.

Явился молодой человѣкъ, весьма приличный, съ ополченскимъ крестомъ. Онъ объяснилъ, что въ ночь вернулся изъ разъѣздовъ по участку и счелъ долгомъ представиться и узнать: не понадобится ли его содѣйствіе. Я обрадовался этому случаю, надѣясь разъяснить нѣсколько недоразумѣній, запавшихъ мнѣ въ голову. Но оказалось, что г. Строевъ за мѣсяцъ до меня прибылъ въ Сибирь и только за пять дней до порученія мнѣ дѣла получилъ мѣсто засѣдателя, при чемъ открылось, что прежній засѣдатель, равно и исправникъ, по распоряженію графа Муравьева, смѣщены, первый съ причисленіемъ къ губернскому управленію, а второй уже уѣхалъ въ Россію. Такимъ образомъ, какъ совершенно новый человѣкъ, Строевъ помочь мнѣ не могъ, а на вопросъ мой: чѣмъ объяснить ту странную недовѣрчивость, съ которой отнеслись ко мнѣ крестьяне, которые должны бы были напротивъ идти ко мнѣ на встрѣчу, онъ сослался на то, что самъ еще мало знакомъ съ сибирскими крестьянами, которые его также чуждаются.

На слѣдующій день я рѣшился приступить къ слѣдствію, начавъ допросомъ бывшаго волостного писаря. Онъ оказался продувной бестіей, да и не могло быть иначе. Происходилъ онъ изъ духовнаго званія. Окончивъ курсъ духовнаго училища, онъ съ успѣхомъ подвизался на гражданской службѣ и совершилъ, за крупную взятку, подлогъ. Отбывъ десять лѣтъ поселенія, писарь вышелъ въ такъ называемые крестьяне изъ поселенцевъ и три трехлѣтія сряду при старомъ головѣ пробылъ волостнымъ писаремъ. Послѣдствіемъ этого девятилѣтняго служенія было то, что онъ обзавелся и домомъ и хозяйствомъ не изъ послѣднихъ. Любилъ онъ выпить и въ особенности поиграть въ картишки. Ему было уже за 50 лѣтъ. Передѣлки, въ которыхъ онъ бывалъ не разъ, вызвали въ немъ скептическое отношеніе къ начальству; на меня же, какъ юношу, онъ посмотрѣлъ съ перваго раза такъ: видали, молъ, такихъ. Не объѣдешь.

Съ первыхъ словъ у него былъ отвѣтъ: знать не знаю и вѣдать не вѣдаю. Растраты никакой быть не могло, а вывели ее довѣренные изъ-за неудовольствія на него и на голову, потому что послѣдній былъ строгъ и не любилъ потачки. Онъ же, писарь, въ денежную часть и не вмѣшивался, а по указаніямъ головы и старосты, собиравшихъ деньги, велъ только книги, при содѣйствіи помощниковъ.

Не оставалось ничего болѣе, какъ приступить къ допросу по пунктамъ. Цѣлый день (съ 10 часовъ утра до 12 ночи) мы съ писаремъ сидѣли другъ противъ друга. Я—занимался своимъ дѣломъ, пациентъ мой—выводилъ крупнымъ, писарскимъ почеркомъ—отвѣты. Конечно, ему было позволено курить; мало того, онъ участвовалъ въ моихъ трапезахъ, отдыхалъ. Самонадѣянность долго не оставляла его, но, по мѣрѣ того, какъ допросъ шелъ, по мѣрѣ того, какъ руки выводили отвѣты на безконечные вопросы, онъ началъ понимать, что имѣетъ дѣло не съ простачкомъ. Когда всѣ отвѣты, кромѣ послѣдняго заключительнаго, были даны, я перенумеровалъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ было нужно, и прочелъ ихъ вслухъ. Получивъ удостовѣреніе, что все написанное подтверждается, я тотчасъ же указалъ на противорѣчія въ отвѣтахъ. Тутъ только несчастный увидалъ, въ какую ловушку онъ попалъ. Сперва его кинуло въ жаръ, потомъ онъ поблѣднѣлъ и, наконецъ, прошепталъ: «виновать». Напомнивъ ему все значеніе признанія, я предоставилъ ему полное право, отвѣчая на послѣдній вопросъ: «не имѣете ли чѣмъ дополнить свое показаніе», сгладить противорѣчія. Онъ схватился за эту вѣтвь спасенія и сталъ писать на этотъ разъ не такъ какъ прежде медленно, обдумывая всякую фразу. Не прошло и получаса, какъ онъ подалъ мнѣ отвѣтъ, въ которомъ, выговаривая свою отвѣтственность, онъ призналъ фактъ растраты, разоблачивъ весь механизмъ ея вполнѣ и выдавъ мнѣ руками и ногами

голову, сознавшись въ то же время, что онъ былъ съ нимъ въ дружбѣ до послѣдняго времени, но, обиженный въ раздѣлѣ какой-то суммы и въ карточной игрѣ, онъ выдалъ своего друга довѣреннымъ, указавъ имъ самъ всѣ прорухи и погрѣшности.

Я обрадовалъ писаря тѣмъ, что, хотя по существу обвиненія, я былъ бы въ правѣ арестовать его, но оставляю его на свободѣ, подѣ условіемъ не выѣзда съ мѣста жительства безъ моего вѣдома, и не имѣнія никакихъ сношеній съ подслѣдственными лицами.

На другой день я приступилъ къ допросу волостного старосты. Оказался онъ недалкимъ мужичкомъ, отчасти спившимся. Между тѣмъ, до избранія онъ былъ зажиточнымъ хозяиномъ и не бралъ въ ротъ хмельного. Не знаю, есть ли этотъ фактъ—исключительное, сибирское явленіе или повсемѣстное, но я убѣждался въ послѣдствіи не разъ, что избираемые въ общественныя должности, какъ наиболѣе надежныя лица, не успѣютъ отслужить трехлѣтія, какъ сопыются съ круга и разорятъ въ конецъ свое хозяйство. Последнее—т. е. саморазореніе—понятно. Собственное хозяйство ввѣряется наемщику, а грѣшная нажива, вызванная необходимостью (надо же дѣлиться и съ другими), проходитъ между рукъ. Исключенія бывають, но рѣдкія и преимущественно со стороны тѣхъ, которые сразу измѣняютъ крестьянскимъ интересамъ. Съ перваго же приступа къ допросу старосты оказалось, что онъ, если и виноватъ, то былъ жертвой такихъ ловкачей, какъ писарь и голова. Да и роль волостного старосты, по крайней мѣрѣ въ Сибири, не особенно блестящая.

За тѣмъ, мнѣ предстоялъ третій и самый важный актъ—допросъ головы. Убѣжденіе, которое сложилось во мнѣ объ этой личности, было таково, что я рѣшился принять особенныя мѣры предосторожности. Прежде всего оказалось, что обвиняемый въ растратѣ устранный отъ должности головы, по распоряженію высшей власти въ краѣ, тѣмъ не менѣ завѣдывалъ покупкой хлѣба для казны и орудовалъ десятками тысячъ рублей, довѣренныхъ ему подѣ простую росписку. Въ виду этого порученія,—онъ разѣзжалъ по волости свободно, на соблазнъ крестьянъ, хвастаясь передъ ними (много, молъ, взяли) и угрожая, что распорядится съ доносчиками посвойски. Черезъ нарочнаго я запросилъ земскій судъ: въ какой степени обезпеченъ казенный интересъ, прося принять соотвѣтственныя мѣры на случай, если бы по ходу слѣдствія, мнѣ пришлось ограничить свободу обвиняемаго. Къ допросу, кромѣ депутата отъ крестьянъ, я пригласилъ засѣдателя и священника. Голова былъ выкрестомъ изъ жидовъ (отецъ его былъ изъ поселенцевъ) и носилъ фамилію Мейера.

Передо мною предсталъ мужчина высокаго роста, съ пренепріятной дерзкой фizioноміей, въ которой не сохранилось и слѣда жидовства. Онъ держалъ себя не только самоувѣренно, но нахально,

какъ только можетъ держать себя человѣкъ, убѣжденный въ своей безнаказанности. Въ глазахъ его читалось: «видалъ я, братъ, и почище тебя. Не поладишь со мной—уберутъ и тебя». По всему было видно, что это—человѣкъ одаренный энергіей, не дюжиннымъ умомъ, къ сожалѣнію, направленнымъ на зло. Добиться отъ него сознанія, нечего было и думать. При допросѣ мнѣ приходилось нѣсколько разъ осаживать его, до того онъ держалъ себя дерзко. Писать самъ—онъ не изъявилъ желанія. Пришлось записывать самому, а черезъ это—лишаешься возможности слѣдить за обвиняемымъ. Чуть не на каждое слово мною записанное, слышались отъ него возраженія. Приходилось дѣлать безчисленныя оговорки. По его словамъ растраты никакой нѣтъ и не было. Все дѣло возникло изъ происковъ писаря и глупости довѣренныхъ, которые имѣютъ противъ него зубъ, за то, что какъ голова, онъ обращался съ ними круто. Въ теченіе девяти лѣтъ голоствованія онъ умѣлъ заслужить къ себѣ расположеніе начальства, которое не разъ объявляло ему благодарность, и онъ представленъ даже къ медали... Вотъ сущность показаній, данныхъ головой. Не безъ видимаго удовольствія онъ расчеркнулся подъ послѣднимъ отвѣтомъ и, вставъ съ мѣста, самоувѣренно окинулъ меня взоромъ, и, очевидно такъ для формы, спросилъ меня: понадобится ли онъ мнѣ?

— А что?—спросилъ я.

— Да у меня, сами знаете, какія казенныя дѣла. Десятками тысячъ пахнеть. У меня идетъ пріемка хлѣба. Мнѣ изъ-за слѣдствія не засиживаться же на мѣстѣ.

Я сдержалъ себя.

— Теперь часъ поздній,—сказалъ я, вставая.—Придешь ко мнѣ завтра въ 10 часовъ утра, а васъ—я обратился къ засѣдателю—я попрошу наблюсти, чтобы это распоряженіе мое было въ точности выполнено.

Боже! съ какимъ презрѣніемъ голова взглянулъ на меня, и, прошептавъ сквозь зубы «и самъ приду», повернулся и вышелъ изъ комнаты съ торжествующимъ видомъ.

Ночью я получилъ желаемый отвѣтъ. Земскій судъ писалъ, что ни о какомъ казенномъ порученіи, данномъ такому-то, онъ не знаетъ, что закупомъ хлѣба завѣдываетъ лично исправникъ, который въ настоящее время на Амурѣ, но долженъ пріѣхать надняхъ, а потому, за просимыми свѣдѣніями и съ сдѣланнымъ суду предудрежденіемъ мнѣ слѣдуетъ обратиться къ исправнику.

Въ 10 часовъ ко мнѣ собралась вчерашняя компанія съ присоединеніемъ сельскаго старшины.

Голова явился въ назначенный часъ съ тою же самоувѣренностью, чтобы не сказать, нахальствомъ. Для вида я сдѣлалъ ему нѣсколько дополнительныхъ вопросовъ, а въ заключеніе, тоже мелькомъ, спросилъ его, допускаетъ ли онъ къ спросу, при предстоя-

щемъ о немъ повальномъ обыскѣ, служившихъ при немъ волостныхъ и сельскихъ начальниковъ, списокъ которыхъ я держалъ въ рукахъ для предъявленія ему.

— Допускаю всѣхъ,—отвѣчалъ онъ, не заглядывая даже въ списокъ.

— Желаетъ ли ты,—продолжалъ я,—воспользоваться предоставленнымъ по закону правомъ очнаго свода съ обыскными людьми?

— Нѣтъ, не желаю,—былъ отвѣтъ.

— Т. е. ты предоставляешь мнѣ, какъ слѣдователю, въ твоёмъ отсутствіи, при депутатѣ отъ волостного правленія, приводить обыскныхъ людей къ присягѣ и опрашивать ихъ?

— Да, предоставляю,—отвѣчалъ онъ столь же рѣшительно.

— Дай подписку.

Подписалъ... и взялся за шапку.

Я, нарочно, заглянувъ въ бумаги, помѣшкалъ, поглядывая изъ подлѣбья на него. Онъ стоялъ самоувѣренно, спокойно.

— Теперь,—сказалъ я медленно,—выслушай со вниманіемъ мое постановленіе.

И я прочелъ громогласно постановленіе о томъ, что, въ силу такихъ-то статей закона, въ виду важности обвиненія, подвергающаго виновнаго такому и такому-то наказанію, несомнѣнности собранныхъ доказательствъ и т. д., я признаю нужнымъ подвергнуть такого-то предварительному заключенію, на первый разъ при арестантской волостного правленія.

Боже, что сдѣлалось съ Мейеромъ. Мнѣ показалось, что онъ бросится на меня... Депутатъ и старшина вскочили съ мѣста какъ ужаленные и смотрѣли на меня въ недоумѣніи.

— Меня арестовать?—пробормоталъ Мейеръ сквозь зубы.

— Я прочелъ тебѣ законъ. Отъ тебя зависѣло, чистосердечнымъ признаніемъ, предупредить эту мѣру и воспользоваться тою же свободой, какую я предоставилъ, въ виду признанія, твоимъ соучастникамъ. Теперь же роспишись, что тебѣ постановленіе мое объявлено.

Весь дрожа отъ злобы, онъ взялъ изъ рукъ моихъ перо, и какъ будто вспомнивъ что-то, не глядя на меня, тихо пробормоталъ:

— Но вѣдь у меня казенное порученіе... деньги... бумаги...

— Г. засѣдателю мною предлагается,—отвѣчалъ я, передавая засѣдателю заготовленную бумагу,—завтра же поѣхать съ тобой на домъ, отобрать бумаги, деньги и сохранить ихъ до пріѣзда исправника.

Передавъ тогда сельскому старшинѣ предписаніе на имя волостного правленія и напомнивъ ему, что на кухнѣ ждутъ двое десятскихъ, я приказалъ ему свести Мейера въ правленіе и въ сдачѣ его принести росписку мнѣ тотчасъ же.

Повели... Я выглянулъ въ окно. Улица кипѣла народомъ. Мейеръ шелъ самоувѣренно. Тащились за нимъ старшина и двое де-

сятскихъ. Встрѣчные сторонились, останавливались, глядѣли вслѣдъ, очевидно не понимая, для чего понадобились Мейеру сопровождающіе. Нѣкоторые—похрабрѣе—потащились за нимъ.

Въ этотъ день была гулянка въ селѣ. Сколько народа перебывало у хозяйки. Когда я вышелъ погулять, стало ясно, что на меня смотреть нѣсколько иначе, а вечеромъ за чаемъ, пожаловала ко мнѣ и старуха-хозяйка, подъ предлогомъ, что молодухи ушли гулять и не кому самоваръ подать. Долго какъ-то примѣривалась она и, наконецъ, высказалась.

— Баютъ,—спросила она,—что Мейера ты въ кутузку засадилъ.

— Да, а что, бабушка?

— Да ладно ли тебѣ будетъ?

Я улыбнулся. Живо припомнился мнѣ извѣстный анекдотъ съ Сперанскимъ.

Не дождавшись отъ меня никакого отвѣта, старуха постояла, постояла и сказала:

— Извергъ онъ былъ, ухъ, какой извергъ,—и скрылась.

Слѣдующій день я далъ себѣ отдыхъ. Къ вечеру прискакалъ нарочный. Записка отъ Савинскаго. «Что вы надѣлали,—писалъ онъ мнѣ.—Говоръ страшный. Я убѣжденъ, что вы дѣйствуете правильно, но приготовьтесь къ массѣ запросовъ»...

Прошелъ еще день. Я дѣлалъ надлежащія распоряженія къ производству повального обыска, при чемъ, не желая отвлекать крестьянъ въ рабочую пору для дачи показаній, я рѣшился объѣхать самъ деревни, производя спросы по вечерамъ.

Утромъ я узналъ отъ хозяйки, что за ночь пріѣзжалъ къ за-сѣдателью исправляющій должность исправника, побылъ, потолковалъ о чемъ-то и ускакалъ опять въ Иркутскъ.

Засѣдатель подтвердилъ мнѣ это, пояснивъ, что исправникъ принялъ отъ него деньги и бумаги, отобранныя отъ Мейера, и выражалъ крайнее неудовольствіе на его заарестованіе.

Этотъ день былъ почтовый и къ вечеру я получилъ отъ 2-го отдѣленія главнаго управленія бумагу, въ которой сообщалось мнѣ, что предсѣдательствующій въ совѣтѣ главнаго управленія желаетъ, чтобы я выѣхалъ для объясненія съ нимъ по дѣламъ службы.

На другой же день я былъ въ Иркутскѣ.

Карла Карловича Венцеля я засталъ въ саду. Онъ былъ страстный садоводъ. Венцель принялъ меня попрежнему любезно. Я ходилъ за нимъ, такъ какъ вооруженный ножичкомъ, онъ не прерывалъ своего занятія—очищенія деревьевъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, остановившись передъ какимъ-то цвѣткомъ и не глядя на меня, онъ пропѣдилъ какъ-то сквозь зубы:

— Я слышалъ, вы арестовали Мейера?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— На какомъ же основаніи?

— На основаніи закона,—отвѣчалъ я,—и твердо сложившагося убѣжденія, что Мейеръ виновенъ въ преступленіи, влекущемъ за собой...

— На основаніи закона... закона,—послышался отвѣтъ, и Венцель, какъ-то круто повернулся ко мнѣ.—Дѣло не въ законѣ... Вы молоды, можете ошибаться въ людяхъ. Я вотъ, по крайней мѣрѣ, знаю Мейера сколько лѣтъ и знаю съ отличной стороны. Вѣдь правда, обратился онъ къ подходившему полиціймейстеру, вѣдь правда, что Мейеръ отличный человѣкъ?

Полиціймейстеръ, съ которымъ я уже былъ знакомъ, покрутилъ усы и, не отвѣчая на обращенный къ нему вопросъ, протянулъ руку съ дневнымъ рапортомъ.

— Да, — продолжалъ, воодушевляясь, Карлъ Карловичъ Венцель,—я сколько лѣтъ управляю губерніей и нѣтъ и не будетъ у меня такого головы. Подати всегда оплачены, дороги въ исправности. Наконецъ, вы знаете: почему онъ мнѣ поставляетъ овесъ?

Я сталъ положительно втупикъ отъ подобнаго, совершенно неожиданнаго вопроса.

— Но,—отвѣчалъ я...

— Дѣло не въ но, а надо немедленно освободить Мейера.

— Къ сожалѣнію, я не могу этого сдѣлать.

— Что вы сказали?

— Я сказалъ, что не могу исполнить вашего желанія.

— Не можете... не можете,—повторилъ онъ,—но если я вамъ прикажу.

— Если бы, ваше превосходительство дали мнѣ это приказаніе и на бумагѣ, я бы затруднился исполнить его и счелъ бы себя обязаннымъ сдѣлать вамъ представленіе о неудобствахъ...

— Но я васъ посажу на гауптвахту.

— Это въ вашей волѣ.

— Я отберу отъ васъ слѣдствіе.

— Это въ вашей волѣ, но, передавая слѣдствіе, я приложу къ нему соотвѣтственное постановленіе, въ поясненіе необходимости принятой мною мѣры и въ огражденіе своей отвѣтственности.

К. К. Венцель очевидно не нашелся, что отвѣтить. Онъ круто отвернулся отъ меня и пошелъ по дорожкѣ.

Я и полиціймейстеръ слѣдовали за нимъ. Прошло нѣсколько минутъ довольно тяжелаго молчанія. Венцель вдругъ наклонился, срѣзалъ какой-то цвѣтокъ, понюхалъ его и, повернувшись ко мнѣ (я шелъ непосредственно за нимъ), показалъ мнѣ этотъ цвѣтокъ.

— Что хорошъ?

Я похвалилъ.

— Да, mon cher, самъ выходилъ.

Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы спросить, не будетъ ли какихъ приказаній.

Послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ и, вслѣдъ затѣмъ, вопросъ когда я поѣду?

— Сегодня же,—былъ мой отвѣтъ.

— Ну, съ Богомъ, работайте и кончайте скорѣе.

Я обѣдалъ въ этотъ день у А. С. Савинскаго. Пріѣхалъ и полиціймейстеръ, невольный свидѣтель нашего объясненія. Тотъ и другой, не высказываясь ни за, ни противъ моихъ дѣйствій, посовѣтывали мнѣ съѣздить къ члену совѣта, завѣдывающему вторымъ (судебнымъ) отдѣленіемъ, чтобы предупредить его, по крайней мѣрѣ, отзываясь о немъ съ отличной стороны. Я нашелъ, что это забѣганіе будетъ едва ли умѣстно, тѣмъ болѣе, что если бы у меня и отобрали слѣдствіе, то оно поставлено мною въ такое положеніе, что едва ли какой слѣдователь можетъ свернуть его съ истиннаго пути.

Чтобы нѣсколько пояснить происшедшее между мною и К. К. Венцелемъ объясненіе, я бы долженъ былъ посвятить нѣсколько строкъ его характеристикѣ, но вся она можетъ быть очерчена нѣсколькими словами. Онъ былъ рыцарь въ душѣ, добрѣйшій отъ природы человѣкъ и слабѣйшій до невѣроятности характеромъ. Эта слабость, какъ у всѣхъ безхарактерныхъ людей, не мѣшала ему и очень часто горячиться, но вмѣстѣ съ горячностью пропадала и энергія. Мудрено ли, что онъ былъ орудіемъ въ рукахъ каждаго, кому только приходило въ голову вертѣть имъ. Въ глазахъ администраторовъ того времени, къ сожалѣнію и послѣдующихъ, отъ волостныхъ головъ и высшихъ надъ ними полицейскихъ чиновъ, не требовалось ничего болѣе, какъ исправности дорогъ, безнедоимочности въ податяхъ; а въ этомъ отношеніи Мейеръ дѣйствительно отличался. Чего стоила крестьянамъ эта исправность — вопросъ другой! Вникать въ него никому не было надобности и охоты. Но Мейеръ шелъ далѣе: онъ сумѣлъ удружить каждому нужному человѣку, стоящему во главѣ мѣстной администраціи.

Съ одними онъ покумился, благо семья у него была большая, другимъ—онъ услуживалъ поставкой, на примѣръ, овса за такую цѣну, за которую не мыслимо было гдѣ-либо купить его, съ третьими—онъ не церемонился, а прямо вносилъ ежегодную подать. Добродушнѣйшему К. К. Венцелю, хотя онъ и былъ прямымъ хозяиномъ губерніи, а потому и долженъ бы былъ знать цѣны, по крайней мѣрѣ, на важнѣйшіе продукты, не приходило и въ голову, что, пользуясь, и съ такой благодарностью, услугами Мейера, какъ комиссіонера, онъ въ существѣ бралъ взятки. А окружающихъ его непосредственныхъ совѣтниковъ и руководителей, характеръ установившихся между ними и Мейеромъ отношеній, нисколько не затруднялъ. Они считали своей моральной обязанностью поддерживать его во что бы то ни стало.

Когда я возвратился къ мѣсту своего слѣдствія, то утромъ зашелъ ко мнѣ засѣдатель, съ очевиднымъ намѣреніемъ разузнать, что

произошло въ Иркутскѣ. Я не считалъ нужнымъ скрывать истину. Затѣмъ, нѣсколько пожавшись, Строевъ обратился ко мнѣ съ вопросами: имѣю ли я что противъ П. А. Изв...го. Я отвѣчалъ, что этой фамиліи я даже не знаю.

— Какъ?—да вѣдь онъ управляетъ губерніей...

— Губерніей... По дорогѣ въ Иркутскъ не его ли я встрѣтилъ?—
Фуражка съ краснымъ околышемъ.

— Онъ самый.—Семья его живетъ въ 12-ти верстахъ отсюда, на солеваренномъ заводѣ... на дачѣ. Онъ пріѣзжаетъ навѣщать ее.

— Скажите откровенно, что побудило васъ задать мнѣ вопросъ о моихъ отношеніяхъ къ И...у.

— Видите: я давно знакомъ съ Петромъ Александровичемъ. Ему обязанъ я и вызовомъ сюда и мѣстомъ. Я принялъ очень хорошо и въ семьѣ. Жена его высказывала уже не разъ удивленіе, почему вы не удостоили ее визитомъ. Мужъ же ея, въ свою очередь, раздраженъ тѣмъ, что, производя слѣдствіе въ предѣлахъ его губерніи, вы не явились къ нему официально. Арестованіе Мейера еще болѣе подлило масла въ огонь... Я не признаю себя въ правѣ давать какіе-либо совѣты, но знаю, что графъ Муравьевъ очень цѣнитъ Петра Александровича, а съ другой стороны домъ его одинъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ... въ Иркутскѣ...

Я откровенно объяснилъ въ чемъ дѣло. Послѣдовало обсужденіе способа исправить ошибку. Рѣшено было, что сдѣлать первый шагъ придется мнѣ, что удобнѣйшимъ средствомъ представляется сдѣлать визитъ на дачѣ. Сомнѣніе о неимѣнии мундира устранилось само собой. Обусловлено было ѣхать въ тотъ же день, при чемъ приготовить къ моему визиту принялъ на себя Строевъ, который и поѣхалъ ранѣе.

Въ 2 часа дня и я подкатилъ къ казенному дому, въ которомъ жилъ Петръ Александровичъ. Обо мнѣ доложили. Я тотчасъ же былъ принятъ его супругою, Авдотьей Григорьевною, обворожившей меня своей любезностью. Это была одна изъ тѣхъ женщинъ, которая умѣла съ перваго же раза обставить новое знакомство такъ, что представившемуся не приходило и въ голову, что онъ еще новичекъ.

Визитъ, какъ первый, продолжался, сравнительно, столько времени, что мнѣ становилось не ловко. Авдотья Григорьевна взглянула въ окно.

— А вотъ и Пьеръ идетъ,—сказала она мнѣ, вставъ съ мѣста и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по направленію къ двери. Дверь открылась и въ комнату вступили Петръ Александровичъ и Строевъ. Они о чемъ-то разсуждали и, повидимому, горячо.

Съ перваго взгляда на Петра Александровича, можно было убѣдиться, что онъ человѣкъ желчный и раздражительный, но съ тѣмъ вмѣстѣ отходчивый.

Послѣдовало представленіе. Онъ не протянулъ мнѣ руки и, не глядя на меня, спросилъ:

— Вы, какъ я знаю, давно въ Иркутскѣ?

Я отвѣтилъ, пояснивъ, что черезъ 4 дня по пріѣздѣ, я получилъ порученіе, а потому...

— Но, начиная слѣдствіе въ управляемой мною губерніи...

Авдотья Григорьевна не дала ему докончить фразы.

— Тутъ произошло маленькое недоразумѣніе, — вмѣшалась она. — Мы объяснились и...

— Да ты, матушка, имѣй какія хочешь объясненія: мнѣ до нихъ нѣтъ дѣла, тутъ служебныя отношенія. Арестовали бывшего голову... желательно бы было знать...

— Основанія, — перебилъ я. — О томъ же разспрашивалъ меня и Карлъ Карловичъ еще вчера...

— А, вы его видѣли? — Ну, и что же? — Старикъ распустилъ васъ.

И онъ усмѣхнулся. Авдотья Григорьевна, очевидно, успокоенная, обратилась ко мнѣ.

— Вы, вѣроятно, у насъ отобѣдаете?!

Я поклонился.

— Еще бы, — сказалъ Петръ Александровичъ, — въ деревню, матушка, не ѣздить съ визитами. Ты отправься-ка по хозяйству, а мы тутъ потолкуемъ.

И тутъ только онъ указалъ мнѣ на стулъ, самъ усялся и начался дѣловой разговоръ.

Петръ Александровичъ сознался, что о Мейерѣ онъ самъ неблагоприятнаго мнѣнія, но...

— Что же дѣлать? — прибавилъ онъ. — Его поддерживали со всѣхъ сторонъ. Изъ-за этого дѣла и я потерпѣлъ много непріятностей. Меня обвиняли, что все дѣло возникло изъ-за того, что я самъ не поѣхалъ на мѣсто, вначалѣ. Но, что же я бы сдѣлалъ?

Затѣмъ крутой переходъ.

— А вотъ что... я слышалъ, что вы у меня завалили все волостное правленіе письменными требованіями.

— Удивляюсь, отъ кого вы это могли слышать. Пока я ограничивался личными справками и требованіемъ нѣкоторыхъ дѣлъ къ себѣ.

— Я попрошу васъ не забывать, что вы производите слѣдствіе въ рабочую пору и что крестьянъ надо пощадить. А, скажите, что за оригинальный способъ передвиженія вы придумали. Вообрази, — обратился онъ къ вошедшей женѣ, — ѣду я изъ Иркутска и вдругъ встрѣчаю, въ Сибири-то, туриста въ шарабанѣ въ одну лошадь, съ собакой...

— Этимъ туристомъ, — обратился я къ Авдотѣ Григорьевнѣ, — былъ вашъ покорнѣйшій слуга.

Я пояснилъ, что, не любя неминуемыхъ остановокъ изъ-за ло-

шадей на почтовыхъ станціяхъ, а тѣмъ болѣе на обывательскихъ и, щадя въ тяжелую рабочую пору крестьянъ и пользуясь удобствами тракта, я придумалъ съѣздить въ послѣдній разъ въ Иркутскъ, въ одноконномъ шарабанѣ безъ проводника, конечно, на перемѣнныхъ лошадяхъ.

— Отправляясь наднихъ въ объѣздъ по деревнямъ,—адресовался я къ Петру Александровичу,—я предполагаю дѣйствовать тѣмъ же способомъ. Въ экономіи двѣ лошади и проводникъ. Такимъ образомъ, я могу быть застрахованъ противъ обвиненія, вами только что высказаннаго, что нарушаю интересы крестьянъ въ дорогую для нихъ пору, хотя съ другой стороны, я нисколько не виноватъ, что меня послали производить слѣдствіе именно въ эту пору. Наконецъ, я освобождаюсь отъ бывшихъ между мною и крестьянами пререканій. Представьте себѣ вначалѣ, когда мнѣ предстояло ѣздить на обывательскихъ или междудворныхъ, мнѣ стоило немовѣрнаго труда понудить ямщика взять прогоны. У насъ этого не водится, говорили мнѣ. Напрасно разубѣждалъ я ихъ тѣмъ, что я, какъ и всякій чиновникъ, командиремый по дѣламъ службы, получаю для расплаты съ ними за взятыхъ лошадей — прогонныя деньги, которыя не имѣю права присвоивать себѣ, такъ какъ взятіе даромъ подводы составляетъ нарушеніе, закономъ предусмотрѣнное и подвергающее виновныхъ отвѣтственности. Они стояли и стоятъ на своемъ. При новой, установившейся системѣ передвиженія, недоразумѣнія исчезли, такъ какъ на мнѣ лежитъ прокормъ препровождающихъ меня лошадей.

— Отсюда прямой выводъ,—сказалъ Петръ Александровичъ,—что вамъ не сдобровать. Нововводителей, бьющихъ по карманамъ, побиваютъ камнями. Да,—продолжалъ онъ, вздохнувъ,—мы стоимъ на злоупотребленіяхъ, а какъ пресѣчь и отвратить ихъ. Однихъ добрыхъ намѣреній мало. Необходимы люди, а гдѣ ихъ взять?

— Ну, не философствуй,—прервала его Авдотья Григорьевна.— Пойдемъ лучше обѣдать.

Едва въ десятомъ часу вечера мы разстались. Ъдучи назадъ съ Строевымъ, я не могъ не выразить ему глубочайшей благодарности. Если бы не онъ, облачко, которое легло между мною и Петромъ Александровичемъ совершенно случайно, по моей собственной неосторожности, могло бы разростись въ грозовую тучу. А на войнѣ пріобрѣтеніе каждаго лишняго союзника — шагъ къ побѣдѣ.

Мнѣ пришлось на другой же день имѣть другой щекотливый разговоръ.

Пожаловалъ ко мнѣ исправляющій должность исправника. Молодой человѣкъ, лицейскъ, не безъ апломба — вотъ все, что я могъ замѣтить въ немъ по первому впечатлѣнію. Выразивъ сожалѣніе, что онъ не засталъ меня въ Иркутскѣ и что, вообще, я пріѣхалъ въ такое время, когда всѣ ближайшіе сотоварищи мои по службѣ

въ разгонѣ, — онъ перевелъ разговоръ на тему, имѣвшую интересъ дня.

— Вы арестовали Мейера. Мнѣ кажется, не ошиблись ли вы...

— Позвольте,.. я арестовалъ его на основаніи такихъ неопровержимыхъ данныхъ его виновности.

— Не смѣю спорить, но вся подкладка дѣла такова...

— Что я имѣю полное основаніе заключить, что если въ дѣлѣ и есть жертва, то, конечно, не Мейеръ..

— Не спорю... но дѣло вотъ въ чемъ. Я пріѣхалъ покорнѣйше попросить васъ, потоварищески, выпустить его.

— Т. е. какъ выпустить?

— Видите, онъ мнѣ крайне нуженъ. Вамъ извѣстно, что я поручилъ ему закупъ хлѣба.

— Но я вѣдь принялъ мѣры къ обезпеченію интересовъ казны. Развѣ вы ими не довольны?

— Нѣтъ, благодарю васъ...—и собесѣдникъ мой сконфузился.

— Но я задалъ ему, — продолжалъ исправникъ черезъ нѣсколько секундъ, — такое количество денегъ безъ росписокъ даже, что для приведенія въ порядокъ нашихъ расчетовъ, необходимо, чтобы онъ, съ новымъ довѣреннымъ моимъ, объѣхалъ волость.

— Понимаю. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, вашъ личный интересъ требуетъ, чтобы мною были принесены въ жертву интересы слѣдствія.

Видя крайне затруднительное положеніе, въ которое поставленъ мой собесѣдникъ, я, подумавъ нѣсколько, рѣшился пойти на компромиссъ.

— Собственно говоря, мнѣ, какъ слѣдователю, кромѣ исполненнаго мною въ интересахъ казны и пострадавшихъ по дѣлу, не было бы законнаго основанія входить въ побужденія, руководяція вами и приведшія васъ къ необходимости входить въ сдѣлку, столь важную для казны, съ человѣкомъ, находившимся подъ гнетомъ тяжелаго обвиненія. Но, какъ человѣкъ, я не могу не принять участія въ вашемъ положеніи, а потому...

— А потому? — переспросилъ меня исправникъ.

— Собираясь съ завтрашняго же дня объѣзжать деревни для опроса обыскныхъ людей, — продолжалъ я, — поѣздка моя, по расчету, продлится не менѣе восьми дней, въ теченіе которыхъ надобности мнѣ въ Мейеръ не будетъ, я готовъ отдать его на эти дни на ваше поручительство.

— Ахъ, какъ я вамъ благодаренъ.

— Позвольте.. у меня есть оговорки. Я предвижу, что безъ очныхъ ставокъ слѣдствію не обойтись. Я назначу ихъ на такой-то праздничный день, здѣсь. Такимъ образомъ, вы обяжетесь поредо мной, конечно, честнымъ словомъ, что, наканунѣ этого дня Мейеръ будетъ сидѣть въ томъ же самомъ помѣщеніи, откуда вы его возьмете.

— Даю вамъ, не задумываясь, это честное слово.

— Мало того: вы общаете мнѣ, что, для сохраненія нравственнаго значенія принятой мною мѣры, въ разъѣздахъ по волости, Мейеръ будетъ сопровождаемъ постоянно двумя провожатыми, дабы крестьяне видѣли, что онъ все-таки арестантъ.

— Общаю и это.

— Наконецъ, послѣднее. Я уѣду завтра и, только послѣ моего отъѣзда, вы предъявите волостному правленію бумагу, которую я вамъ вручу.

Исправникъ согласился и на это. Мы разошлись.

На другой день, къ вечеру, я отправился въ объѣздъ по деревнямъ.

III.

Откуда явился Мейеръ.—Разсказы крестьянъ объ истязаніяхъ и злоупотребленіяхъ Мейера.—Засѣченные имъ невинные люди.—Фальшивая подорожная по высочайшему повелѣнію.—Покровительство ловкачамъ въ Сибири.

Съ объѣзда я вернулся съ достаточнымъ запасомъ матеріаловъ, увѣ, не утѣшительнаго свойства. Сердце содрагалось отъ того, что мнѣ пришлось выслушать и записать. Прошнурованная тетрадь, заключавшая въ себѣ громадное число листовъ записанныхъ мною показаній обыскныхъ людей, въ числѣ которыхъ были люди, съ честью отслужившіе по два трехлѣтія въ обязанности головъ, люди, отличенные и жалованными кафтанами и медалями, людей, показывавшихъ мнѣ подѣ священническими увѣщаніями—представляла цѣлую драму девятилѣтнихъ страданій, страданій, отъ которыхъ у постороннихъ, не привыкшихъ къ слѣдственнымъ драмамъ, застыла бы кровь. Растрата, какъ она ни затрогивала крестьянскіе карманы, теряла всякое значеніе. Въ этой тетради, что ни строка,—заключалось тяжелое, уголовное обвиненіе. И все это, въ теченіе 9 лѣтъ, совершалось изо дня въ день, въ какихъ-нибудь 100 верстахъ отъ резиденціи главнаго начальства края, представителемъ котораго была такая личность, какъ графъ Муравьевъ.

Волость, о которой идетъ дѣло, самой природой была раздѣлена какъ бы на двѣ половины. Демаркаціонной линіей служила рѣка. Одна половина—лѣсная и горная—тяготѣла къ городу, другая—степная и ровная, прилегавшая къ Ангарту, какъ болѣе отдаленная отъ города, стояла какъ бы особнякомъ. Естественныя условія на столько благопріятствовали обѣимъ половинамъ, что имъ приходилось жить припѣваючи.

«И жили мы, какъ у Христа за пазухой... припѣваючи,—говорилъ мнѣ старикъ, бывшій два раза головою.—И было у насъ, батюшка, условлено, для облегченія общественной службы: одно трехлѣтіе—

служить одной половинѣ волости, другое трехлѣтіе—другой. И такое раздѣленіе намъ было совершенно безобидно. И отецъ мой служилъ головой, и я, въ возрастъ придя, отслужилъ и старшиной, и старостой лѣтъ пять—въ довѣренныя избирали, головой два трехлѣтія былъ.

«Появился въ волости еврей, поселенецъ. За что онъ былъ посланъ—неизвѣстно. Привезъ онъ мальчишку, сына. Подростъ онъ у насъ на глазахъ. Жилъ себѣ еврей спокойно, никого не обижалъ. Свое дѣло велъ хорошо. Богатѣлъ, но не въ обиду намъ. Росъ и мальчуганъ сынъ. Приняли мы отца въ свое общество. Сына онъ женилъ, выдѣлилъ ему хозяйство. Человѣкъ ничего себѣ—юркій, хоть куда. Вотъ мы его попробовали: прошелъ онъ всѣ низшія должности. Выбрали его, наконецъ, головой.

«Смотримъ, съ первыхъ дней повелъ дѣло разумно. Намъ не обижаетъ. Держить себя ровненько. Съ начальствомъ то покумится, то какую другую услугу окажетъ. Къ намъ благоволитъ. Самъ не пьетъ.

«Отслужилъ трехлѣтіе. Дѣло близится къ сроку. Обѣхалъ онъ насъ. Говоритъ такъ-то и такъ-то: служилъ я вамъ вѣрой и правдой, никого не обижалъ. Такъ поберегите и меня. Хозяйство я поразстроилъ: выручите. Посудили, порядили. Что же, быть такъ. И выбрали его добровольно на второе трехлѣтіе.

«Смотримъ: дѣло пошло что-то не такъ. Хозяйство его начало поправляться, а намъ что-то жутко становилось. Смотримъ: тотъ охаетъ, тотъ пожимается. Недоимки нѣтъ. Говоритъ, свои внесъ. Ладно, говоримъ, да зачѣмъ же вносилъ? Мы бы и сами внесли, а тутъ съ надбавочкой приходится оплачиваться. Попивать началъ, началъ подчасъ и драться, и зазнался... знай нашихъ. Опять срокъ подходит: мы было сговорились смѣстить. Начальство наѣхало, уговорило, подмаслило. Какого вамъ другого голову? Уступили: выбрали на третье трехлѣтіе.

«Но ужъ тутъ пошли чудеса. Удержаніе не стало. Извергомъ сталъ. Сколько хозяйствъ разорилъ, сколько по міру пустилъ, сколько на тотъ свѣтъ извелъ. Попоречить не думай: изобьетъ, издеретъ, а пойдешь съ жалобой... въ Якутскую область.

«Сколько такихъ у насъ пропало: вызовутъ въ земскій, и слѣдъ простылъ. Самъ наживается: хлѣбъ поставляетъ въ казну, а какъ? свой сбудетъ по настоящей цѣнѣ, а нашъ—будто по объявленной. Задастъ деньжатъ бѣдняку, а затѣмъ и выколачиваетъ хлѣбную недоимку, да какъ выколачиваетъ. Приѣдетъ, сейчасъ въ сборную. Бѣда, коль пьяненькій. Вызоветъ должника, и ну надъ нимъ чурфортиться.—«За тобой, молъ, должёкъ есть? Что же принесешь?» Мужикъ въ ноги кланяется, а онъ его то самъ по рождѣ, то велитъ десятскимъ бить, то разложить... и, ну, драть. А самъ потѣшается. Оберетъ подати, смотришь—недоимка. Откуда взялась? Добраться

нельзя. Писарь—свой. Онъ по правдѣ не обижаетъ, тоже вотъ и баринъ, Александръ Максимовичъ, довольствуется положеннымъ. Посуловъ не берутъ, а съ головой заедино. Въ зашей изъ волостнаго правленія. Поборы растутъ, на что, почему. Всѣмъ отъ насъ въ губерніи положено... Нѣтъ: найдутъ они подь праздникъ, будто въ гости, къ головѣ. Цѣлыми семьями: тарантасъ за тарантасомъ. И пойдеть у нихъ гульба, разливное море, картежъ. Скачутъ по деревнямъ—полупьяные. На рыбалку ѣздятъ—цѣлыми таборами. Оберутъ рыбы страхъ и увезутъ съ собой. Намъ и не вдомѣкъ: думаешь, вѣдь на свои деньги хороводится. Какъ же: смотришь, съ насъ лишняго то копѣечка, то грошикъ, то и цѣлый пятакъ. Мірскіе-то сборы, темные, за его-то время, чуть не вдесятеро увеличились. Ну, а съ пріискателями. У насъ споконъ вѣка велось—лучше міромъ помочь бѣдняку-крестьянину, чтобы только на пріиски не уходилъ. Крестьянское ли это дѣло. А у него съ писаремъ не то на умѣ. Хороводятся съ пріискателями. Чуть недомка на мужичкѣ и сбудутъ его пріискателю, инъ разъ, силой уволочутъ. А ужъ разъ угодилъ туда... не вернется. Чай замѣтили, сколько заколоченныхъ домовъ. И все это добрые хозяева были. Не втерпѣжъ намъ стало, и порѣшили мы общимъ совѣтомъ на четвертое трехлѣтіе избрать другого».

Какъ иллюстрацію къ этому безыскусственному разсказу, позволимъ себѣ, изъ массы приведенныхъ въ доказательство фактовъ, упомянуть слѣдующее:

Въ одной деревнѣ полупьяный, а въ этомъ видѣ Мейеръ обращался въ какого-то изверга, изъ-за грошевой недомки, былъ имъ подвергнутъ экзекуціи крестьянинъ: черезъ каждые три часа, даже ночью, давали ему извѣстное количество розогъ. Экзекуція продолжалась двое сутокъ и окончилась тѣмъ, что подь послѣдними ударами—жертва отдала Богу душу. Дѣло скрыто. Нашлись, однако, свидѣтели, сами исполнявшіе это истязаніе и подтвердившіе фактъ буквально.

Мужичекъ просить отсрочки до перваго базарнаго дня,—продать коровку повыгоднѣе. У него корову отбираютъ. Онъ хватается за нее, не отдаетъ: его отрываютъ. Черезъ часъ—мужикъ повѣсился. Увидѣвъ трупъ, Мейеръ толкнулъ его ногой. «Собака—собачья смерть»,—проговорилъ онъ. А смерть уважаемаго всѣми крестьянина Голубушкина. Человѣкъ лѣтъ подь 60. Имѣлъ несчастье повздорить съ головой. Его вызываютъ въ волостное правленіе. Видѣли, какъ онъ вошелъ, но вынесли его уже трупомъ. Я требовалъ дѣло изъ окружнаго суда. Оказалось, что окружный врачъ далъ заключеніе, что упоминаемый крестьянинъ страдалъ аневризмомъ и, подымаясь въ жаркій день въ гору, на которой расположено волостное правленіе, будучи въ нетрезвомъ видѣ, подвергся разрыву чего-то. Судъ рѣшилъ: предать дѣло волѣ Божіей. Рѣшеніе

это утвердилъ въ качествѣ губернатора Венцель. Ему не пришло въ голову вспомнить расположеніе мѣстности, въ которой, однако, онъ бывалъ неоднократно. Смѣхъ, при всякомъ другомъ случаѣ, пробралъ бы всякаго, знающаго мѣстность. Въ воображеніи врача, простой приговоръ оказался горой. Къ тому же надо принять во вниманіе, что вскрытія не происходило, что покойный хмельнаго въ ротъ не бралъ. Жертва была за просто застѣчена въ волостномъ правленіи по распоряженію и подъ непосредственнымъ руководствомъ Мейера. Мнѣ было поставлено въ вину, что я вытребовалъ это дѣло, произвелъ по немъ дознаніе и приобщилъ къ слѣдствию. Это было посягательствомъ на власть губернатора.

«Подошелъ срокъ,—продолжалъ старикъ,—четвертыхъ выборовъ. Мы порѣшили покончить съ Мейеромъ. Съѣхались вечеромъ: приходитъ на общественную квартиру писарь. «Такъ, молъ, старики, много я передъ вами повиненъ. Не хочу болѣе на совѣсть грѣхъ брать. А въ деньгахъ у насъ нехватка, и все я это вамъ покажу». Произвели на утро учетъ и точно нехватка. Какъ это такъ, обращаемся къ головѣ, а онъ насъ обругалъ и пригрозилъ. Мы бумагу составили, сундукъ запечатали и выбрали другого голову и другихъ начальниковъ. Разъѣхались по домамъ спокойные, зная, что противузаконнаго ничего не сдѣлали. Не проходитъ трехъ дней, вызываютъ насъ въ волость. Видимъ: исправникъ. «Что вы, молъ, курицы дѣти, какую тутъ нехватку нашли. Я самъ все повѣрилъ. Бумагу вашу вотъ я привезъ назадъ», и всунулъ ее намъ. А теперь подписывайте приговоръ, что выбирается Мейеръ. Мы стѣной стали, не хотимъ. Обругалъ онъ насъ тутъ на чемъ свѣтъ стоитъ, кое-кому далъ по затрепичѣ... ускакалъ. Смотримъ—выборы не утверждены и Мейеръ опять головой... Мы жалобу губернатору и бумагу, исправникомъ оставленную, и учетъ—приложили. Требуютъ насъ опять въ волость. И исправникъ, и совѣтникъ убѣждаютъ. Мы свое. Къ вечеру отвели насъ всѣхъ въ арестантскую и заперли всѣхъ вмѣстѣ. За что?—понять не можемъ. Въ числѣ насъ, довѣренныхъ, были и молодые. Они, было шумѣть. Мы, старики, ихъ уговорили. Уговорились стоять крѣпко за свои права, не сдавать, но не бунить. Нѣтъ, нѣтъ—къ намъ постукиваютъ въ окно. То баринъ Александръ Максимовичъ (засѣдатель): что вы, молъ, братцы, противъ сильнаго не борись. Священника отрядили. Мы свое: продержали еще сутокъ трое. Наѣзжаетъ жандармскій. Ужъ онъ намъ грозилъ, грозилъ; и царю-де будетъ извѣстно, и бунтовщики-то мы. Просидѣли еще дня два. Приказъ вышелъ—заковать и везти въ Иркутскъ. И заковали, батюшка ваше благородіе; эти самыя руки въ кандалахъ были. И Господи Боже! Какого срама мы натерпѣлись! Повезли насъ, какъ преступниковъ, въ Иркутскъ, днемъ...

«Ну, и привезли. Посадили во 2-ю часть. Ждемъ, сутки прошли,

двое. Входятъ приставъ и исправникъ, солдаты розги несутъ. Если, молъ, сейчасъ приговора не подпишете, драть будемъ, и вотъ съ тебя, старика, начнемъ, ты, молъ, всему дѣлу зачинщикъ. Что же, говорю, Христось пострадалъ, а уже мнѣ чего же? Дерите... Скинулъ я съ себя кафтанъ. Не стерпѣла молодежь. Нѣтъ, кричатъ, дѣда въ обиду не дадимъ. А, говорятъ, такъ-то вы, собачьи дѣти, бунтовать. Схватили одного, повалили, выдрали здорово. Мы не дрогнули. За первымъ всталъ другой... раздѣлся и легъ. Тутъ-то, милостивецъ, явился Г. А . . . въ (тотъ самый, который производилъ послѣдній учетъ). «Что, молъ, у васъ тутъ происходитъ?» Опѣшили, вышли... Много времени прошло... приходитъ частный. Говорить, что драть не будутъ, а пойдемъ мы всѣ въ Якутскую область. Перекрестились мы. На людяхъ и смерть красна. Продержали насъ еще съ сутки и отпустили въ волость.

«Прослышали мы, что ѣдетъ графъ. Приготовили прошенія. Не тутъ-то было, ночью ѣхалъ. Нагнали на станцію—казаковъ. Приступа не дали. А Мейеръ-то хорохорится. Впереди скачетъ. Голова—молъ, тиге воды. Попробовали въ Иркутскъ съ прошеніями ѣхать. Какъ подъѣзжаемъ къ перевозу—обыскъ, найдутъ прошеніе—въ кутузку и по этапу назадъ. Не вытерпѣлъ сынъ, что у васъ тамъ торгуетъ. Вплавъ Ангарау переплылъ, да и къ графу. Дѣло было вечеромъ. Онъ—изъ собранія пріѣхалъ. Принялъ жалобу, прочелъ, вспыхнулъ. «Правду ли ты пишешь?»—спросилъ. «Ну, иди, съ Богомъ, самъ разберу». Пріѣзжаетъ сынъ ко мнѣ, рассказываетъ. Помолитесь мы съ нимъ Богу. Думаемъ, дѣло христіанское выиграемъ.

«Уѣхалъ сынъ домой. Черезъ недѣлю, проѣзжіи мужичекъ привозитъ вѣсточку: сынъ, молъ, арестованъ, увезли закованнаго въ Иркутскъ. Взялъ онъ себѣ въ работники—поселенца. Подвели дѣльце: поселенецъ показалъ, что сынъ—фальшивую монету стряпаетъ. Подвели, какъ слѣдуетъ, обыскъ... нашли. Тутъ ужъ я не вытерпѣлъ. Кровь заговорила. Пробрался въ Иркутскъ съ другой стороны и прямо къ графу, въ ноги. Такъ-то и такъ-то. Онъ поднялъ меня, послалъ за губернаторомъ. Толковали, толковали. Выходитъ графъ. «Ступай, говорить, по фамиліи назвалъ, въ обиду васъ не дамъ». Черезъ нѣсколько дней вернули сына, а потомъ Мейера убрали, затѣмъ и вы, милостивецъ, пріѣхали, да за наше дѣло взялись».

Іюль близился къ окончанію. Во все это время, если я и выѣзжалъ въ Иркутскъ, то, каждый разъ, на нѣсколько часовъ, преимущественно для закупа хозяйственныхъ принадлежностей. К. К. Венцеля, со дня происшедшаго между нами объясненія, я видѣлъ раза два или три: официальные приемы тѣ же, за обѣдомъ—каждый разъ я получалъ отъ него приглашеніе—тоже радушіе. О дѣлѣ ни полслова. Буря, казалось, затихла: умолкли всякіе слухи и говоръ.

Не могу, слѣдуя хронологическому порядку изложенія, не упомянуть объ одномъ эпизодѣ, отозвавшемся впоследствии.

Разъ, за обѣдомъ, К. К. Венцель спросилъ меня, не познакомился ли я съ Ѳ...

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.—Кто это такой?

— Это, mon cher, пріѣзжій. Что за человѣкъ! Какъ о политикѣ, о Петербургѣ разсуждаетъ. Заслушаешься. Онъ былъ у меня вчера.

Я не обратилъ вниманія на эти слова, тѣмъ болѣе, что въ Иркутскѣ наѣзжало много народу и служилаго и не служилаго, считавшаго обязанностью являться къ Венцелю. Фамилія вновь прибывшаго мнѣ была совершенно неизвѣстна, а ласковость пріема, за рѣдкими исключеніями, была присуща К. К. Венцелю.

Бывая въ Иркутскѣ и оставаясь въ немъ на ночлегъ, я, если не могъ обѣдать у Савинскихъ, всегда бывалъ у нихъ вечеромъ, тѣмъ болѣе, что, въ то время, они одни изъ жившихъ открыто были въ городѣ. У нихъ по вечерамъ всегда былъ кто-нибудь. Полиціймейстеръ же Сухотинъ былъ обычнымъ гостемъ.

За чаемъ я спросилъ, что за личность этотъ Е. Ѳ..., о которомъ съ такимъ восторгомъ отзывается К. К. Венцель.

Полиціймейстеръ насупился, затеребилъ свои громадныя усы, что онъ дѣлалъ всегда, когда бывалъ чѣмъ-нибудь недоволенъ и отвѣчалъ:

— Ужъ этотъ мнѣ Карлъ Карловичъ. Восхищаются онъ—восхищается какъ ребенокъ, а между тѣмъ этотъ Ѳ...къ надѣлаетъ намъ хлопотъ. Даютъ мнѣ знать съ перевоза, что пріѣхалъ кто-то, предъявившій подорожную по высочайшему повелѣнію, и что онъ остановился въ гостинницѣ. Я тотчасъ къ нему. Не застаю дома: уѣхалъ къ Карлу Карловичу.

— Предъявлялъ подорожную?

— Нѣтъ еще.

— Ну, не спрашивайте: я самъ заѣду за ней.

Черезъ полчаса заѣзжаю вновь. Дома. Велю о себѣ доложить. Выбѣгаетъ ко мнѣ на встрѣчу. Смотрю я на него и думаю, что-то странно: съ личностью, передъ мной стоящей, какъ-то не вяжется—высочайшее повелѣніе. Предлагаетъ выпить и закусить. Я, конечно, отказываюсь. Изъ разговоровъ оказывается, что онъ завтра же ѣдетъ по якутскому тракту на пріиски, высматривать, нельзя ли приобрести какой-либо, потомъ возвратится и поселится въ Иркутскѣ надолго. Выпишетъ жену. ѣдетъ же изъ Варшавы. Болтаетъ, дѣйствительно, занимательно. Я прерываю эту болтовню просьбой отдать мнѣ подорожную для прописки. Онъ замѣтно смущается, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ столу, потомъ вдругъ спрашиваетъ: «да вамъ зачѣмъ же подорожная?» «Какъ зачѣмъ»,—объясняю ему... «Я не знаю, куда я ее дѣлать... У меня есть аттестатъ». Подорожная, вижу, лежитъ на столѣ и дѣлаю нѣсколько шаговъ къ столу,

чтобы взять ее. Такъ какъ онъ стоялъ ближе, то схватываетъ ее и моментально разрываетъ въ куски. Я такъ и остолбенѣлъ. А онъ суетъ мнѣ въ руки аттестатъ свидѣтельствующій объ отставкѣ... Что оставалось дѣлать? Беру изъ рукъ аттестатъ и удаляюсь. Оказывается, отставной гусарскій штабсъ-ротмистръ. Сегодня докладываю объ этой исторіи Карлу Карловичу. Онъ улыбается добродушно и увѣряетъ меня, что это шалость молодого человѣка... «Я пожурю его»... Оказывается, что для поѣздки на пріиски ему выдана изъ главнаго управленія казенная подорожная. Заѣзжаю въ гостиницу: Ѳ...ко слѣдъ простылъ, уѣхалъ по якутскому тракту. Нѣтъ, думаю, что-то не ладно. Сейчасъ командирую полицейскаго чиновника на ближайшую станцію провѣрить: какъ была прописана подожная. Вотъ жду и не могу дожидаться посланнаго...

— Можетъ быть, говорю я, на послѣдней станціи, такъ какъ Ѳ... проезжаетъ ее ночью, подорожную не прописали.

— Всего вѣрнѣе и мой посланный, потерпѣвъ неудачу на первой станціи, поѣхалъ на слѣдующую.

На этотъ разъ дѣло съ Ѳ...ко окончилось, но оказалось, что онъ дѣйствительно предъявлялъ и подорожную по высочайшему повелѣнію, выданную ему будто бы изъ Варшавы, для проѣзда черезъ Петербургъ, въ Иркутскъ и обратно. Послали справку въ Варшаву, отвѣтили, что подорожная за такимъ-то № выдана другому лицу, а Ѳ...ѣ никакой подорожной не выдавалось. Между тѣмъ, съ пріисковъ получено было свѣдѣніе, что Ѳ...ко, въ мундирѣ флигель-адъютанта, призводитъ опросы командъ, выставляя себя какъ бы нарочно посланнымъ ревизоромъ; денегъ не беретъ, но въ карты играетъ усиленно и особенно счастливо. По пріѣздѣ въ Иркутскъ его накрываютъ, находятъ прямую улику: флигель-адъютантскій мундиръ. Казалось бы чего болѣе? Ѳ...ко проситъ аудіенціи у Карла Карловича и послѣдній пріостанавливаетъ всякое слѣдствіе, находя, что это все юношескія шалости, что Ѳ...ко знаетъ хорошо начальникъ артиллеріи Кондратьевъ, который былъ въ то время на Амурѣ, слѣдовательно, ручательство будетъ совершенно достаточно. Въ довершеніе всего онъ, Карлъ Карловичъ, пожурилъ молодого человѣка и довольно съ него. Поселяется Ѳ...ко въ Иркутскѣ, знакомится, живетъ роскошно и открыто, къ осени пріѣзжаетъ жена его. Надо замѣтить, что, по возвращеніи съ Амура добрейшаго Кондратьева, который, конечно, не обидѣлъ въ жизни мухи, онъ подтверждаетъ, что хортшо зналъ отца Ѳ...ко, заслуженнаго артиллерійскаго генерала, и помнить нашего героя еще юношей; этого отзыва оказалось достаточно, чтобы Ѳ...ко былъ принятъ въ лучшемъ обществѣ. Впрочемъ, на вечера къ нему стекалась преимущественно молодежь, такъ какъ вечера эти были исключительно игорные. По усиленной просьбѣ Ѳ...ко, на этихъ вечерахъ показывался и

Кондратьевъ. Между тѣмъ, пошелъ говоръ и о томъ, что Ѳ...ко играетъ слишкомъ счастливо, явились факты явнаго съ его стороны мошенчества, какъ напримѣръ разрывъ векселя, наконецъ, его изобличили въ шулерствѣ, въ отвѣтъ—онъ выстрѣлилъ и ранилъ изобличителя. Замять дѣло было нельзя. Подвиги Ѳ...ко, за два года его пребыванія въ Иркутскѣ, я рассказываю сжато, потому что, хотя мнѣ и пришлось судить его, но подробностей я не удержалъ въ памяти. Знаю только, что Ѳ...ко ушелъ на поселеніе. Привелъ же я его исторію, какъ доказательство, съ одной стороны — дальновидности К. К. Венцеля, съ другой—милыхъ порядковъ, существовавшихъ въ Иркутскѣ и дававшихъ возможность проходимцамъ, подобнымъ Ѳ...ко, проникать въ высшее общество, играть роль.

IV.

Свиданіе съ Михаиломъ Семеновичемъ Корсаковымъ.—Новое порученіе.—Первая аудіенція у графа Муравьева-Амурскаго.—Пребываніе въ Читѣ у М. С. Корсакова.—Шуга на рѣкѣ.—А. Д. Шелеховъ.—Увеселенія въ Иркутскѣ.—Иванъ Степановичъ Хаминъ.—Общій приѣмъ у графа Муравьева.

Наступилъ августъ. Въ первыхъ же числахъ его, я получилъ свѣдѣніе, что прибывшій въ Иркутскъ Забайкальскій военный губернаторъ М. С. Корсаковъ желалъ бы видѣть меня, пока онъ въ Иркутскѣ.

М. С. Корсаковъ остановился въ генераль-губернаторскомъ домѣ. Доложили ему обо мнѣ. Вхожу. Онъ идетъ ко мнѣ на встрѣчу съ словами:

— Что вы надѣлали, что вы надѣлали?

Я былъ озадаченъ.

— Помилуйте,—поясняетъ онъ мнѣ,—Карлъ Карловичъ противъ васъ озлобленъ, жалуется, что вы идете на перекоръ его желаніямъ. Вооружили противъ себя товарищей.

— Какихъ?

— А Г...ва и Ан...ва. За ними тянется рядъ лицъ, приближенныхъ къ графу. Вѣдь я васъ предупреждалъ, что я принялъ васъ на службу безъ вѣдома графа... Удастся ли мнѣ оградить васъ...

— Позвольте вамъ замѣтить, что въ особенныхъ огражденіяхъ я не нуждаюсь, а если графу Муравьеву угодно будетъ вникнуть въ суть дѣла...

— Будетъ ему время вникать. И что это за несчастная мысль была поручить вамъ слѣдствіе. А вы заваливаете волостное правленіе требованіями, отрываете крестьянъ въ рабочее время...

— Эти аргументы, Михайлъ Семеновичъ, я уже слышалъ отъ Изв...скаго и фактически опровергъ.

— Я съ Изв...скимъ и не видѣлся.

— Тѣмъ пріятнѣе мнѣ это слышать. Этого нарождавшагося врага я обезоружилъ, а затѣмъ выслушайте меня и убѣдитесь, что ничего такого страшнаго съ моей стороны не дѣлалось и не дѣлается.

И я вкратцѣ разсказалъ ему дѣло. Онъ выслушалъ, подумалъ... и пришелъ къ заключительному выводу.

— Во всемъ этомъ виноватъ Из...ій.

— Да, конечно. Если бы онъ выѣхалъ на мѣсто, то иркутскихъ безобразій не было бы; но вѣдь въ предшествующихъ событіяхъ виноватъ не онъ... Из...ій лишь временно управляетъ губерніей.

М. С. прервалъ меня.

— Вамъ нужно сейчасъ же отказаться отъ слѣдствія.

— Какъ отказаться?

— Такъ, откажитесь. Пусть поручатъ, кому знаютъ.

— Что же это поможетъ дѣлу. Оно теперь въ такомъ положеніи, что если бы не справочныя свѣдѣнія, то было бы совершенно окончено. Записку же изъ него, требуемую генераль-губернаторомъ, всего легче составить мнѣ. Да и, наконецъ, отказываться въ силу какихъ соображеній? Страхъ ради іудейскаго или по болѣзни?

— Вотъ что,—подумавши сказалъ Корсаковъ.—Я пріѣхалъ сюда между прочимъ, чтобы просить К. К. Венцеля командировать въ мое распоряженіе особаго чиновника по тому случаю, что мнѣ поручено отъ графа произвести серьезное слѣдствіе по горному вѣдомству, а потомъ—для разработки, по моимъ указаніямъ, вопроса объ устройствѣ быта ссыльныхъ. Хотя при отношеніяхъ вашихъ къ Карлу Карловичу я и не ручаюсь за успѣхъ, но я буду просить его откомандировать васъ въ мое распоряженіе. Этимъ путемъ вы загладите...

— Хотя мнѣ и нечего заглаживать,—прервалъ я,—но за ваше предложеніе я глубоко благодаренъ, хотя и боюсь: въ силахъ ли буду исполнить оба указанные вами порученія, по недостатку специальныхъ свѣдѣній. Но и тутъ я позволю себѣ высказать одно условіе: нынѣшнее слѣдствіе не должно быть отъ меня отбираемо. Недѣли въ двѣ я приведу его въ такое положеніе, что могу смѣло взять его съ собой за Байкаль для составленія записки, которую желалъ бы лично подать графу.

— Вы упрямы. Дѣлать нечего: попытаюсь. Были ли вы у Карла Карловича?

— Нѣтъ, не былъ.

— Поѣзжайте сейчасъ же.

— Да вѣдь пріемный часъ его кончился.

— Ничего, постарайтесь быть съ нимъ попочтительнѣе. Не проговаривайтесь, что меня видѣли. Онъ самъ пошлетъ васъ ко

мнѣ. Вечеромъ я буду у него и наведу разговоръ. Затѣмъ предупредию васъ, что если мнѣ удастся, то вамъ слѣдуетъ быть въ Читѣ не позже 15-го сентября. Иначе я уѣду, да и вы не окончите дѣла.

Мы разстались. Я исполнилъ совѣтъ и былъ тотчасъ же у Венцеля.

Онъ принялъ меня по обыкновенному. Ни намека. Спросилъ: видѣлъ ли я Михаила Семеновича Корсакова и, получивъ отрицательный отвѣтъ, пригласилъ меня обѣдать, пояснивъ, что, вѣроятно, и Михаилъ Семеновичъ будетъ. Что за двуличный человѣкъ, пришло мнѣ въ голову. Оставшимся промежуткомъ времени я воспользовался, чтобы сдѣлать отвѣтный визитъ Г...ву. Оказалось, что онъ уѣхалъ на Амуръ достраивать станціи, изъ которыхъ одна успѣла сгорѣть.

На обѣдѣ Корсакова не было. Обѣдъ прошелъ благополучно. К. К. былъ, по обыкновенію, любезенъ, шутилъ, рассказывалъ анекдоты.

Прощаясь, я доложилъ ему официальнымъ тономъ, что предполагаю въ ночь уѣхать.

— Не выдавшись съ Михаиломъ Семеновичемъ?

— Нѣтъ, я его видѣлъ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте... да заканчивайте скорѣе слѣдствіе. Вѣроятно... соскучились тамъ... надо и отдохнуть...—сказалъ онъ самымъ добродушнѣйшимъ образомъ.

— «О, люди, люди!»—думалъ я, сидя въ своемъ шарабанѣ.

Прошло дней десять и я получилъ подписанную К. К. Венцелемъ бумагу, въ которой мнѣ сообщалось, что я командируюсь въ распоряженіе М. С. Корсакова, для производства слѣдствій по горному вѣдомству и, съ тѣмъ вмѣстѣ, для разработки, по его указаніямъ, соображеній объ устройствѣ быта ссыльныхъ въ Восточной Сибири, при чемъ мнѣ указывалось, что необходимыя, для исполненія этого послѣдняго порученія, данныя, я долженъ получить изъ главнаго управленія, и что выѣздъ свой я долженъ расположить, хотя и соотвѣтственно положенію производимаго мною слѣдствія, но по такому расчету времени, чтобы быть въ Читѣ не позже 15-го сентября.

Я, конечно, не оглашалъ полученнаго предписанія, тѣмъ не менѣе вѣсть о немъ разнеслась по волости съ быстротой молніи. Всѣ заинтересованныя въ ходѣ слѣдствія лица, конечно, обезпокоились. Послѣдовали робкіе запросы, и утѣшеніемъ послужило лишь завлѣченіе мое, что дѣло я представляю, изъ рукъ въ руки, только графу Муравьеву.

Усиленно поработавъ въ теченіе августа, я привелъ слѣдственное дѣло въ то положеніе, въ какомъ желалъ его видѣть, и въ послѣднихъ числахъ августа возвратился въ Иркутскъ. Какъ ни

старался я скрыть день своего выѣзда изъ села, тѣмъ не менѣе, съ одной стороны—мнѣ пришлось слышать опять угрозы, что у меня дѣло отобьютъ, а съ другой—уѣхать съ скромными оваціями благодарныхъ крестьянъ.

По приѣздѣ въ Иркутскъ, меня ждало анонимное письмо отъ Петрашевскаго, почеркъ котораго я очень хорошо зналъ еще по Петербургу. Онъ выражалъ мнѣ «свое благоволеніе» за безукоризненныя въ пользу крестьянъ дѣйствія.

Пришлось намъ долго ждать въ Иркутскѣ графа Муравьева. По особымъ причинамъ онъ отсрочивалъ возвращеніе, отвергъ готовящійся ему особый фестиваль въ видѣ рождественской елки, предпочелъ высидѣть праздники въ Посольскомъ и только поздно вечеромъ 1-го января 1860 года прибылъ въ Иркутскъ. На другой день графъ Муравьевъ принялъ лишь Совѣтъ Главнаго Управленія. Затѣмъ разнеслось въ официальныхъ сферахъ, что будетъ назначенъ особый приѣмъ, и въ томъ числѣ для вновь прибывшихъ. Такъ какъ я имѣлъ определенное мѣсто, слѣдовательно, принадлежалъ уже къ составу управленія, къ тому же предвидѣлъ, что мнѣ придется отдать отчетъ какъ по слѣдствію, такъ и по другому дѣлу, произведенному за Байкаломъ, которое, по странному теченію обстоятельствъ, мнѣ пришлось направить совершенно не такъ, какъ предполагалъ графъ Муравьевъ, то я и предпочелъ, не дожидаясь общаго приѣма, пойти къ нему въ первый день, когда онъ будетъ принимать просителей. Я такъ и сдѣлалъ. Хотя совѣсть моя и была чиста, но я зналъ, что графа встрѣчали и сопровождали тоже Г....вы и Ан....вы, которые, въ извѣстной мѣрѣ, имѣли зубокъ противъ меня. На М. С. Корсакова я не могъ вполнѣ надѣяться.

Когда я стоялъ въ приѣмной комнатѣ, ожидая выхода Муравьева, я былъ взволнованъ до нелзя. Стоялъ я третьимъ отъ двери. Народа была масса. Минута въ минуту, дверь распахнулась, показался графъ Муравьевъ, окинулъ взоромъ всю залу, принялъ рапортъ отъ полиціймейстера, что-то ему сказалъ и затѣмъ, въ сопровожденіи незнакомаго мнѣ адъютанта, пошелъ по направленію ко мнѣ. Выслушалъ одного, другого, наконецъ, стоитъ передо мной. Я назвалъ свою фамилію. Я видѣлъ графа Муравьева еще студентомъ, за 9 лѣтъ до этой официальной встрѣчи.

— А, здравствуйте, — произнесъ онъ, протягивая мнѣ руку. — Съ вами мнѣ нужно побесѣдовать. Оставайтесь.

И онъ перешелъ къ слѣдующему лицу. Какъ бы гора свалилась съ моихъ плечъ. Если будетъ бесѣда, то чѣмъ бы она не кончилась... она не такъ опасна.

Отпустивъ послѣдняго просителя, графъ Муравьевъ, направляясь къ двери, показалъ мнѣ рукой, чтобы я слѣдовалъ за нимъ. Пройдя одну узкую комнату, я очутился въ кабинетѣ. Оглядѣлся, вижу:

Карлъ Карловичъ Венцель, Пл. Петр. Сукачевъ и Изв....ій. Графъ обернулся ко мнѣ.

— Вы, я слышалъ,—началъ онъ,—не даромъ потеряли время. Поработали... Вѣдь вы производили такое-то слѣдствіе?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Что же обнаружили?

Я пояснилъ, сколько было можно, не вдаваясь въ излишнія подробности. Графъ прослушалъ внимательно, не прерывая. Когда я замолчалъ, онъ, глядя мнѣ прямо въ глаза и положивъ руку на плечо, спросилъ:

— Я убѣжденъ, что дѣло вы вели такъ, что комаръ носа не подточитъ.

— Во всякомъ случаѣ, по совѣсти, графъ.

Отвернувшись отъ меня, графъ Муравьевъ обратился къ Сукачеву съ словами:

— А что у насъ, Платонъ Петровичъ, есть, какъ кажется, свободная вакансія старшаго чпновника...

— Точно такъ, ваше сіятельство, вакансія Большакова.

— Назначить его,—сказалъ онъ,—отпуская меня, и немедленно обратился къ К. К. Венцелю, такъ что я понялъ, что дѣло не въ благодарности и что аудіенція кончена.

Прошло послѣ того много лѣтъ. Муравьева уже не было въ Сибири, не было ни Венцеля, Из....го; царствовалъ тамъ Корсаковъ.

Слѣдствіе о Мейерѣ, пройдя всѣ мытарства, совѣтъ губернскаго и главнаго управленій, пройдя, какъ говорили тогда, цензуру самого Корсакова, поступило, наконецъ, въ губернской судъ, въ которомъ я въ то время служилъ. Разумѣется, въ рѣшеніи дѣла я не участвовалъ. Рѣшеніе состоялось снисходительное, почти равное для трехъ подсудимыхъ: въ арестантскія роты. Ожидали, что губернаторъ, при утвержденіи, повернетъ иначе дѣло, но, въ ущербъ подсудимымъ и на зло доброжелателей одного изъ нихъ, существовалъ уже законъ, по которому дѣла, подлежащія по существу ревизіи сената, не отсылались уже къ губернатору. Дѣло пошло въ сенатъ, залежалось тамъ и вернулось, наконецъ, съ маленькими измѣненіями. Мейеръ присужденъ былъ на поселеніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ вѣдѣно было возбудить въ законномъ порядкѣ отвѣтственность тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя попускали злоупотребленія, въ томъ числѣ и Г...ва. Изъ этихъ лицъ никого уже не было налицо. Такова участь всѣхъ такъ называемыхъ слѣдственныхъ дѣлъ въ Сибири. Пока судятся непосредственные виновные,—подстрекавшіе и укрывавшіе ихъ успѣваютъ испариться, и резолюція высшей судебной инстанціи, — о привлеченіи ихъ къ отвѣтственности,—остается не выполнимой.

Для меня рѣшеніе сената было важно въ томъ отношеніи, что оно сняло съ меня всякія обвиненія въ пристрастности дѣйствій.

Мейеру, какъ я слышалъ, и послѣ приговора было оказано снисхожденіе. Его назначили на поселеніе на Амуръ. Онъ и тамъ обдѣлывалъ свои дѣлишки, занимаясь торговлей. Затѣмъ, по особому ходатайству, ему былъ сокращенъ срокъ поселенія, и онъ вернулся на свое пепелище. О соучастникахъ его, болѣе или менѣе вовлеченныхъ въ преступленіе, особыхъ ходатайствъ не было, а о жертвахъ произвола — нечего и вспоминать.

Скажу въ заключеніе, что въ теченіе пятилѣтняго служенія моего въ губернскомъ судѣ, при завѣдываніи тѣмъ самымъ отдѣленіемъ, въ которое поступали такъ называемыя слѣдственные дѣла, т. е. дѣла по представленіямъ должностныхъ лицъ, мнѣ случалось не разъ наталкиваться на подвиги головъ и другихъ должностныхъ лицъ крестьянскаго и инородческаго управленій, но я такихъ вопіющихъ преступленій, какими сопровождалось дѣло Мейера, не встрѣчалъ.

Въ первыхъ числахъ сентября я изъ Иркутска направился за Байкаль. Мнѣ предстояло въ первый разъ ознакомиться съ краемъ, привлекившимъ всѣ мои симпатіи.

Переправа чрезъ Байкаль въ то время была въ рукахъ двухъ соперничествовавшихъ между собой пароходныхъ компаній—братьевъ Мясликовыхъ и Рукавишникова. Соперничество это проявлялось развѣ только въ томъ, что къ обѣимъ компаніямъ можно было примѣнить извѣстное выраженіе: обѣ—лучше. Дѣло велось обѣими на столько покоммерчески, что я не могу не повѣрить разсказу одного своего пріятеля, убѣдившаго капитана парохода, что, для обезпеченія показаній компаса, всего лучше смазывать стрѣлку саломъ. И капитанъ чуть-чуть не выполнилъ этого рецепта.

Въ то время пароходъ приставалъ къ Посольскому монастырю. Успѣхъ причала зависѣлъ отъ погоды: иной разъ волненіе не допускало высадки и бѣднымъ пассажирамъ, стремившимся за Байкаль, приходилось испытывать муки Танталя: видѣть гостепріимный берегъ передъ собой и удаляться вспять къ иркутскому берегу. И въ благопріятную погоду высадка и посадка производились на Забайкальскомъ берегу довольно не удобно—на лодкахъ. Избранію другой, болѣе удобной, пристани препятствовали своекорыстные интересы монастыря, который могъ бы лишиться части своихъ доходовъ.

Отъ Посольска до Читы хотя я и проскакалъ покурьерски, такъ что на этотъ разъ не останавливался въ Верхнеудинскѣ, тѣмъ не менѣе я не могъ не восхищаться степью съ ея разнообразной, богатой растительностью. Лиліи росли въ чистомъ полѣ безъ всякой культуры, тогда какъ у насъ, въ тѣ времена, онѣ составляли украшеніе однихъ садовъ.

Въ Читѣ, бывшемъ Читинскомъ острогѣ, преобразовавшемся въ областной городъ, съ предвзятой мыслью убить и Верхнеудинскъ

и Нерчинскъ, я нашелъ въ то время нѣкоторое оживленіе, благодаря тому обстоятельству, что онъ былъ исходнымъ пунктомъ такъ называемыхъ Амурскихъ сплавовъ. Въ Читѣ строились баржи и грузились для дальнѣйшаго слѣдованія на Амуръ. Этими сплавами завѣдывали и военные, и гражданскіе чины, посылаемые изъ Иркутска, получавшіе содержаніе, въ видѣ суточныхъ и столовыхъ, хоронее, и сверхъ того имѣвшіе на рукахъ не малыя казенныя деньги. Государственного контроля тогда не существовало. Понятно, что въ Читѣ жилось хорошо и широко. Шампанское лилось рѣкой, а карты улаживали не одни часы досуга, но и ночи.

По прибытіи въ Читу я, было, остановился у своего сотоварища, пріѣхавшаго въ Сибирь вмѣстѣ со мной, и уже пристроившагося въ читинскомъ казначействѣ. Жилъ онъ съ знакомымъ коммисаріатскимъ чиновникомъ. Но М. С. Корсаковъ, какъ только я къ нему явился, потребовалъ, чтобы я переселился къ нему. Атаманскій его домъ пріютилъ меня съ тѣмъ же гостепріимствомъ, съ которымъ двери его отверзались сотнямъ лицъ, прибывавшихъ въ Читу и пользовавшихся расположеніемъ его хозяевъ. Мнѣ отвели хорошенькую комнату въ нижнемъ этажѣ, имѣвшую сообщеніе и съ внутренними апартаментами, занятыми самимъ М. С. Корсаковымъ, и выходную дверь прямо въ садъ, что представляло не малое удобство.

Въ теченіе трехъ дней, прожитыхъ въ Читѣ въ первый разъ и трехъ же дней на обратномъ пути, я убѣдился, что М. С. Корсаковъ держалъ себя очень хорошо. Жилъ онъ довольно открыто. Къ обѣду его собиралось человѣкъ до десяти разнообразной публики. Послѣ обѣда, проходившаго болѣе или менѣе сдержанно, всѣ удалялись въ кабинетъ, и тутъ за куреніемъ и мѣстными наливками начинались, безъ всякаго стѣсненія, разговоры. М. С. Корсаковъ умѣлъ какъ-то втравливать въ споры и самъ, не принимая въ нихъ участіе, только выслушивалъ. Разговоры и споры, конечно, вертѣлись преимущественно около мѣстныхъ интересовъ, тѣмъ не менѣе, они не лишены были извѣстной заманчивости, такъ какъ въ нихъ принимали участіе и старые, и молодые, и обжившіеся въ Сибири, и новички, и высоко образованные, и учившіеся на мѣдный грошъ. Надо замѣтить, что, какъ губернаторъ, М. С. Корсаковъ умѣлъ окружить себя людьми, въ полномъ смыслѣ этого слова, дѣльными. Въ этой системѣ дѣйствій многіе видѣли искусный пріемъ дипломата: втравливая въ разговоры и споры, говорили иные, М. С. Корсаковъ вызнавалъ будто бы людей. На мой взглядъ подобная задача была слишкомъ широка. Скорѣе, что М. С. Корсаковъ этимъ способомъ довершалъ самообразование.

За Байкаломъ, на этотъ разъ, мнѣ предстояло выполнить два порученія. Одно состояло въ производствѣ слѣдствія, которому, какъ предварилъ меня М. С. Корсаковъ, придавалъ особое значеніе

графъ Муравьевъ. Другое состояло въ собраніи и разработкѣ, по указаніямъ его же, Корсакова, матеріаловъ для преобразованія управленія ссыльными вообще и спеціально-хозяйственнаго и юридическаго быта ссыльно-каторжныхъ.

Когда я вернулся въ Читу и доложилъ о результатахъ слѣдствія по горному дѣлу, то М. С. Корсаковъ съ видимымъ неудовольствіемъ сказалъ мнѣ:

— Ну, графъ не погладитъ насъ по головѣ, а скажетъ только: тамъ, гдѣ замѣшается горное вѣдомство, тамъ и умные люди обращаются въ дураковъ.

Надо знать, что графъ Муравьевъ съ особеннымъ недовѣріемъ относился въ то время къ горному вѣдомству, вообще, а къ Кабинетскому—въ особенности. Недовѣріе это простиралось до невозможныхъ предѣловъ. Достаточно сказать, что завѣдывающій пріисками,—горный офицеръ или чиновникъ, въ какомъ бы чинѣ ни былъ—не имѣлъ права подойти къ вашгерду и взглянуть на пробное золото, чтобы его не сопровождалъ казачій урядникъ, на лицѣ коего ясно выражалось «хоть ты и офицеръ, а все-таки причастенъ извѣстной заповѣди». Горные чины были тогда связаны по рукамъ, отданы всецѣло подъ надзоръ казачьихъ офицеровъ, голосъ которыхъ имѣлъ преобладающее значеніе. А между послѣдними много ли было въ то время порядочныхъ людей? Стоило только не сойтись съ приставникомъ, какъ нарождался доносъ, слѣдствіе. Таковъ былъ характеръ и порученнаго мнѣ слѣдствія. На Шахтаминскомъ пріискѣ управляющій, скромный горный чиновникъ, не сошелся съ своимъ приставникомъ, и какъ слѣдовало предположить изъ-за того, что приставъ не пошелъ на предложенную ему сдѣлку: совмѣстными трудами попытаться разработать завалы. Надо замѣтить, что пріискъ, о которомъ идетъ дѣло, принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые разрабатывались хищнически во времена Р...ва, когда поставлено было задачей выработать во что бы то ни стало сто пудовъ, что и достигалось цѣною тысячи жизней, погибшихъ отъ тифа и истощенія. Изъ пріисковъ выбрали все, что могли, заваливали берега, не смотря на то, что въ нихъ погребалось при этой системѣ масса золота. При экспертизѣ, произведенной по моему распоряженію, при самомъ первобытномъ способѣ работы, на Шахтамѣ, изъ заваловъ получалось крупное содержаніе золота. Дѣло объ этой хищнической разработкѣ было передано забвенію, по особому высочайшему повелѣнію. Частное же дѣло возникло изъ доноса казачьяго офицера, обвинившаго пристава, что онъ крадетъ золото изъ заваловъ въ свою пользу. Изъ заваловъ, дѣйствительно, крали золото, но не приставъ, а всякій, кому хотѣлось, потому что охранять завалы, въ особенности въ ночное время, не предстояло возможности, тѣмъ болѣе, что и казаки охранявшаго отряда были не прочь, подъ покровомъ ночи, поработать въ свою пользу. Съ перваго же приступа

къ слѣдствію, производившемуся при депутатѣ отъ горнаго вѣдомства и Нерчинскомъ стряпчемъ, обнаружилась вся фальшь дѣла. Доносчикъ - офицеръ (впослѣдствіи золотопромышленникъ и капиталистъ) вломился въ амбицію изъ-за того, что, исполняя существовавшій въ то время законъ, я предложилъ ему дать подписку, что отвѣтственность за доносы ему извѣстна.

— Я не доносчикъ,—объявилъ—онъ, я доноситель по долгу службы.

Пошли пререканія, посыпались доносы и на меня, а, между тѣмъ, слѣдствіе не обнаружило ничего болѣе, кромѣ факта общеизвѣстнаго, примѣнимаго ко всѣмъ подобнымъ заброшеннымъ приискамъ.

На несчастіе, и при ознакомленіи съ бытомъ ссыльно-каторжныхъ, находившихся въ то время въ непосредственномъ вѣдѣніи горныхъ начальниковъ, по долгу совѣсти, мнѣ не пришлось открыть какихъ-либо злоупотребленій, кои бы клонились въ ущербъ матеріальнымъ интересамъ каторжныхъ. Напротивъ, я усмотрѣлъ такіе факты попечительности, о которыхъ не могъ умолчать.

Мрачное предсказаніе Михаила Семеновича Корсакова не осуществилось. Слѣдствіе не только не было поставлено мнѣ въ вину, но на сколько мнѣ извѣстно, оно было прекращено.

Не могу не занести въ свою лѣтопись случая, сопровождавшаго слѣдствіе. Оно тянулось съ недѣлю. Жить приходилось при самой скверной обстановкѣ. И нравственныя непріятности, и матеріальныя невзгоды, и суровыя климатическія условія сопровождали эту обстановку. Сопутствовавшій меня стряпчій былъ человѣкъ семейный, уже не молодой, а потому пріобыкшій къ извѣстному домашнему комфорту. Весьма понятно, что мы несказанно обрадовались окончанію слѣдствія и возможности выбраться изъ негостепріимной Шахтамы. Еще болѣе удовольствія почувствовали мы, когда послѣ утомительныхъ переѣздовъ то верхомъ, то въ таратайкахъ по камнямъ, намъ удалось выбраться на почтовый трактъ и на послѣдній перегонъ къ Нерчинску. Когда мы двое: я и Поповъ, подъѣзжали къ предпоследней станціи, воображенію нашему рисовалась пріятная перспектива отдыха въ хорошо протопленной комнатѣ, не на полу, а на постели, послѣ домашнего чая и ужина, вкусно поданныхъ. Поповъ просилъ меня остановиться у него, такъ какъ дѣло приближалось къ ночи.

По обыкновенію, выскакивая изъ перекладной, я задалъ вопросъ: есть ли лошади?—Отвѣтъ получился удовлетворительный, а потому, передавъ подорожную, я вошелъ на станцію. Проходитъ четверть часа, полчаса... насъ не зовутъ. Конечно, появляется извѣстнаго рода волненіе, которое, какъ всегда, вымѣщается на первомъ попавшемся.

— Что же не дадутъ лошадей?

— Лошади-то есть,—отвѣчаетъ мнѣ появившійся староста,—да на той сторонѣ.

— Какъ на той сторонѣ?

— Переправиться-то нельзя... Идетъ шуга.

— Какая такая шуга?

— Никакимъ образомъ нельзя переправиться.—Самъ исправникъ приказалъ... Я бы что, съ превеликимъ удовольствіемъ...

— Что ты мнѣ врешь? Какая тамъ шуга? Если тутъ переправа, значитъ паромъ есть или лодка. Перетаскивайте вещи.

Взглянулъ я на Попова. Вижу: онъ совершенно упалъ духомъ.

— Шуга,—говоритъ онъ мнѣ,—это значитъ, ледъ пошелъ. Переправляться, къ тому же въ такую темень, положительно нельзя. Придется переждать.

— А много ли времени?—спрашиваю я.

— А кто про это знаетъ. Какъ Богу угодно... и дня по два ждуть, и по недѣлѣ...

— По недѣлѣ... задамъ я тебѣ трезвона, такъ будешь знать, какъ задерживать на недѣли. Покажи мнѣ, что за шуга такая?

Вышли мы. Темень была страшная. Прошли нѣсколько шаговъ. Слышу какой-то ревъ. При свѣтѣ фонарей, взглядываюсь въ сумракъ. Вижу... дѣйствительно рѣка. Ширины ея не разглядѣть. По ней такъ и несутся громадныя льдины, то сталкиваясь и поднимаясь одна на другую, то разбиваясь. Вижу... и свободныя водяныя пространства и громадную лодку у берега.

Я хватаюсь за послѣднюю какъ за якорь спасенія и настаиваю, чтобы насъ переправили въ ней. Лодочники соглашаются. Одинъ стряпчій протестуетъ и молить меня Христомъ Богомъ остаться.

— Что же оставайтесь,—говорю я ему,—я привезу поклонъ отъ васъ вашей супругѣ и скажу ей, что вы не пріѣхали изъ-за трусости.

Пока мы съ нимъ препираемся, вещи наши перенесены на лодку, я взбираюсь на нихъ. Поповъ, весь съежившись, ни живъ, ни мертвъ, помѣщается въ кормѣ. Четыре гребца хватаются за весла.

Черезъ какіе-нибудь четверть часа,—мы были уже на другомъ берегу, а потомъ—опять въ перекладной. Не скрою, что на водѣ минутами было жутко.

Порядочно отъѣхали мы отъ рѣки, какъ вдругъ Поповъ схватываетъ меня за руку, начинаетъ жать ее и искренно благодарить меня.

— За что?—спрашиваю я въ недоумѣніи.

— Если бы не вы,—отвѣчаетъ онъ,—я бы ни за что не поѣхалъ и остался бы, и сидѣлъ тамъ. А теперь... Нерчинскъ близехонько!

Выше я говорилъ, что изъ ближайшихъ сотоварищей своихъ, чиновниковъ особыхъ порученій, я не засталъ ни одного въ Иркутскѣ и познакомиться мнѣ пришлось лишь съ Г—мъ. Между

тѣмъ въ спискѣ ихъ стоялъ А. Д. Шелеховъ, свидѣться съ которыми мнѣ хотѣлось, потому что я зналъ его еще по Петербургу. Онъ былъ товарищемъ по университету моего брата и по курсу я былъ моложе его на четыре года. Шелеховъ всегда привлекалъ меня своимъ открытымъ характеромъ. Онъ былъ отличнымъ товарищемъ. Человѣкъ онъ былъ со средствами, что не мѣшало ему служить, и къ тому же въ довольно суровой школѣ—въ главномъ «шкафѣ» его величества, какъ любилъ онъ острить. Намъ пришлось, въ лицѣ П. Н. Игнатѣева имѣть общаго начальника. Относительно сибирской его дѣятельности я слышалъ очень хорошіе отзывы отъ Изв—го. Отправляясь за Байкалъ я зналъ, что и онъ находится тамъ же на какомъ-то слѣдствіи.

Какова же была моя радость, когда на обратномъ пути изъ Читы, пріѣхавъ въ верхнеудинскую гостинницу, я на доскѣ прочелъ фамилію Шелехова. Не раздумывая долго, въ томъ же дорожномъ одѣяніи, я бросаюсь къ нему. А. Д. Шелеховъ принялъ меня съ распростертыми объятіями. Оказалось, что порученіе, возложенное на него окончено, что онъ зажилъ въ Верхнеудинскѣ во-первыхъ потому, что въ Иркутскѣ лѣтомъ дѣлать нечего, во-вторыхъ, такъ себѣ, и какъ пароходъ отходить черезъ день, и мнѣ, если бы я выѣхалъ тотчасъ же, пришлось бы ждать его въ Посольскѣ, а ему уже надоѣло въ Верхнеудинскѣ, то мы условились ѣхать на другой день вмѣстѣ, послѣ ранняго обѣда, благо у Шелехова свой собственный тарантасъ.

Съ того времени воцарились между нами тѣсныя, пріязненные отношенія, такъ какъ изъ всѣхъ сослуживцевъ, Шелеховъ былъ наиболѣе подходящимъ къ моимъ требованіямъ. Съ прочими, такъ называемой золотой молодежью, окружавшей графа Муравьева, я не сошелся ни характеромъ, ни убѣжденіями. Шелеховъ, хотя и принадлежалъ къ ихъ кружку, разыгрывая въ немъ роль патріарха, но не долюбивалъ ихъ. Онъ отлично умѣлъ уживаться съ людьми. По поговоркѣ: и нашимъ, и вашимъ. Единственной чертой характера Шелехова, крайне не симпатичной, было, какъ я прозвалъ, остерманство, которое, хотя и уравнивалось другими, несомнѣнными достоинствами, тѣмъ не менѣе созидало ему не мало недоброжелателей. Черта эта была тѣмъ болѣе не понятна и тѣмъ болѣе кидалась въ глаза, что, при самостоятельности средствъ, ему не было надобности заискивать въ людяхъ, преклоняться передъ ними, ступевываться, стоя въ наилучшемъ положеніи, тѣмъ болѣе, что и по природнымъ способностямъ и по служебной предшествовавшей дѣятельности, онъ былъ вполне обезпеченъ. Эта-то несчастная черта характера едва не разсорила и насъ, если бы Шелеховъ не оставилъ Сибири и послѣдующія между нами отношенія не возобновились на иной почвѣ.

Чтобы покончить съ 1859 годомъ скажу, что, возвратившись

въ Иркутскѣ къ ноябрю, я воспользовался остающимися до пріѣзда графа Муравьева временемъ, чтобы съѣздить на заводы — Николаевскій желѣзо-дѣлательный, Иркутскій солеваренный и Александровскій винокуренный, бывшіе въ то время въ казенномъ управленіи. Поѣздки эти вызваны были тѣмъ же порученіемъ о ссыльныхъ. Въ то же время я заканчивалъ записки изъ произведенныхъ слѣдствій для представленія ихъ графу Муравьеву. Но занятія эти не поглощали всего моего времени.

Какъ ни было томительно ожиданіе графа, тѣмъ не менѣе, кромѣ частныхъ знакомствъ, были и другія развлеченія въ зиму 1859 г.

Первымъ стоялъ, конечно, театръ, въ то время помѣщавшійся въ отдѣльномъ деревянномъ зданіи, расположенномъ на площади, устроенномъ со всѣми удобствами. Театръ поддерживался тогда значительной субсидіей отъ откупа. Управлялся онъ особой дирекціей, во главѣ которой стоялъ чиновникъ особыхъ порученій С—съ. Труппа была, хотя не изъ первостатейныхъ, тѣмъ не менѣе около нея образовались соперничающія партіи: одни стояли за Николаеву, драматическую артистку не изъ первыхъ, но поддерживаемую потому, что она была женой В. Д. Карпова, занимавшаго въ то время должность кяхтинскаго пограничнаго комиссара, другая партія стояла за Соболеву, актрису по профессіи, выписанную изъ Казани, въ существѣ танцовку и водевильную, которая бралась, однако, и за отвѣтственныя роли. Послѣдняя партія была многочисленнѣе, такъ какъ Соболева, конечно, держала себя свободно, а потому за нее стояла вся молодежь. Театръ въ то время группировалъ около себя все общество: онъ былъ, такъ сказать, нейтрализующимъ элементомъ, въ одно время связующимъ политическихъ враговъ и раздѣляющимъ исконныхъ друзей.

Послѣ театра компанія собиралась въ клубѣ, или такъ называемомъ благородномъ собраніи, въ то время имѣвшемъ свое сравнительно роскошное помѣщеніе. Чего стоила одна зала. Но, какъ и вездѣ, въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ существуетъ раздѣленіе общества и чиновники сторонятся купцовъ, собраніе едва влачило свое существованіе. Оно поддерживалось ужинами послѣ театра, сопровождавшимися всегда изрядной выпивкой и крупной карточной игрой, благо въ ту зиму жили въ Иркутскѣ и нѣкоторые золотопромышленники и довѣренныя ихъ, не клавшіе охулки на руки. Въ этихъ ужинахъ и выпивкахъ, происходившихъ и въ частныхъ домахъ, конечно, у холостыхъ, принималъ участіе и я, но отъ карточной игры серьезной я стоялъ далеко и по недостатку средствъ и потому, что никогда не имѣлъ къ ней расположенія.

Наконецъ, изъ дома Из—хъ вышло предложеніе объ устройствѣ на святкахъ общественной елки. Разсчитывали встрѣтить ея графа Муравьева, такъ какъ пріѣзда его ожидали къ Новому году. Образовался спеціальныя для устройства этого праздника комитетъ,

предсѣдателемъ котораго былъ самъ Изв—ій, въ казначеи выбрали Хаминова, бывшаго въ то время иркутскимъ городскимъ головой. Въ комитетѣ участвовалъ и я, при чемъ на меня упала вся распорядительная часть.

Упомянувъ объ И. С. Хаминовѣ или Jean Chaminow, какъ мы его въ послѣдствіи прозвали, я не могу не остановиться на немъ, какъ на личности, игравшей громадную роль не въ одномъ Иркутскѣ. Онъ умеръ въ 1884 году, чуть ли не тайнымъ совѣтникомъ, имѣвшимъ Анну 1 степени и оставившимъ послѣ себя громадное состояніе.

Родомъ онъ былъ не сибирякъ. Родина его, которую онъ часто посѣщалъ и которой, какъ говорятъ, благодѣтельствовалъ, была кладеземъ племянницъ, которыхъ И. С. Хаминовъ привозилъ въ Иркутскъ, гдѣ и пристраивалъ ихъ, выдавая замужъ. Его самого въ Иркутскѣ помнили ловкимъ приказчикомъ у богатаго купца (фамиліи не помню). Послѣ смерти хозяина, Хаминовъ былъ назначенъ и опекуномъ надъ его дѣтьми, и продолжателемъ торговли. То и другое, какъ говорили, онъ исполнялъ на столько успѣшно, что оказался при собственномъ капиталѣ (при чемъ оказались опекаемые—легенда умалчиваетъ), который округлил женитьбой на богатой купеческой дочери. Ко времени моего появленія въ Иркутскѣ, онъ уже не жилъ съ женой, при чемъ всѣ близко стоявшіе къ Хаминову, да и самъ онъ порой, не обвиняли жены: на столько невыносимъ былъ его характеръ и образъ его жизни. Въ мое время вначалѣ онъ любилъ покутить, и подъ хмелькомъ самодурствовалъ, но, къ концу моего пребыванія въ Сибири, лѣта и болѣзнь взяли свое, и онъ значительно остепенился. Продолжая торговлю весьма разнообразную, Хаминовъ состоялъ въ званіи иркутскаго городского головы, при чемъ главнымъ интересомъ его служебной дѣятельности было заручиться расположеніемъ начальства, что онъ и достигалъ съ одной стороны путемъ услужливости и угодливости, съ другой—обширнаго гостепріимства. Небольшой домикъ его, который онъ называлъ избушкой, былъ ареной, на которой происходило это сближеніе съ нужными людьми. Ежедневно въ 2 часа происходили небольшіе домашніе обѣды для избранныхъ, которыхъ онъ приглашалъ собственноручными записочками, при чемъ на сочетаніе лицъ онъ не обращалъ вниманія. Фраза его: «покорнѣйше прошу соленьякаго», которой онъ приглашалъ къ закускѣ, сдѣлалась поговоркою. По временамъ онъ устраивалъ лукулловскіе пиры въ своемъ домикѣ или балы въ собраніи. Первые раздѣлялись на аристократическіе и демократическіе. Раздѣленіе это основывалось на табели о рангахъ. Сверхъ того были общественныя кормленія, которыхъ Хаминовъ не былъ инициаторомъ; они завелись ранѣе его, но онъ ихъ продолжалъ. Каждый пріѣздъ и отъѣздъ генераль-губернатора, каждый особенный случай сопровождался подобными кормленіями.

Устроивались они на счетъ такъ называемыхъ трехсловныхъ суммъ. Хроника говоритъ, что, въ теченіе 10 лѣтъ, на эти пиршества потрачено было до 85,000 руб. Но и тутъ, какъ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, Хаминовъ умѣлъ извлекать себѣ личную выгоду. Вѣдь онъ торговалъ иностранными винами, а на какую сумму выпивалось ихъ на подобныхъ обѣдахъ? Если, по отношенію къ чиновному люду, Хаминовъ прибрѣталъ на него вліяніе закармливаніемъ, а впослѣдствіи благотворительностью и самой широкою, то надъ трехсловнымъ городскимъ обществомъ Иркутска онъ царилъ тѣмъ, что въ тогдашнемъ купечествѣ было мало лицъ, которыя не состояли бы его кредиторами, вѣрившими ему, какъ ловкому банкиру, свои капиталы въ оборотъ, благо въ тѣ времена банкъ былъ одинъ Медвѣдниковскій. Сверхъ того, въ распоряженіи Хаминова, какъ головы, были вышеупомянутые капиталы трехсловнаго общества. Въ нихъ онъ умѣлъ черпать и самъ, и ими помогать тѣмъ, которыхъ, за послушаніе себѣ, выводилъ въ люди. При такой оборотливости мудрено ли, что дѣла его расширялись все болѣе и болѣе, и что онъ мало по малу захватывалъ въ свои руки всѣ отрасли мѣстной торговли. Благотворительность, направленная имъ преимущественно на народное образованіе и за которую нельзя было не благодарить его при жизни, какъ нельзя не поминать его послѣ смерти, окупалась ему не одними регаліями и чинами, которые онъ получалъ до тайнаго совѣтника и Анны 1 степени включительно, а кое-чѣмъ болѣе существеннымъ; но и въ благотворительности онъ былъ своеобразенъ. Съ одной стороны эта благотворительность являлась стремленіемъ души. Я пріѣхалъ какъ-то поздравить Хаминова съ полученной за благотворительный подвигъ наградой. Хаминовъ въ восторгѣ, отзывается меня въ сторону и спрашиваетъ: научите, на чтобы еще пожертвовать?—и говорилъ это искренно. Съ другой стороны—благотворительность эта являлась плодомъ разсчета. Попросите Хаминова пожертвовать на что-нибудь. Если онъ не долюбливаетъ просящаго или просящій не гарантируетъ ему нравственной прибыли, въ видѣ награды—упрется, какъ быкъ, и ничего не дастъ. Скорѣе поможетъ сорвать вамъ съ другого кого-либо, а самъ не дастъ. Удастся ему, по торговымъ дѣлишкамъ или инымъ разсчетамъ, прибрѣсти дешево домъ, онъ столь же дешево его отремонтируетъ, чтобы пустить пыль въ глаза, и заявить начальству, что онъ жертвуетъ этотъ домъ подъ такое-то учебное заведеніе, необходимости въ которомъ не сознавалось. Начальство, не разобравъ дѣла, представляетъ жертвователя къ наградѣ, и въ одинъ прекрасный день—городскому обществу сюрпризъ. Извольте принять домъ и содержать въ немъ такое-то училище. Тщетно протестуетъ общество, ссылаясь на недостатокъ средствъ, на ненадобность, на то, что дому можно бы

было дать болѣе соотвѣтственное назначеніе,—указываютъ на утвержденный уставъ и дѣлу конецъ.

Я не владѣю на столько талантливымъ перомъ, чтобы нарисовать во всей красѣ образъ человѣка, который былъ типомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, сомнѣваюсь даже, чтобы какое-либо перо, безъ помощи кисти, могло исполнить подобную задачу. Въ теченіе дальнѣйшаго разсказа мнѣ придется не разъ возвращаться къ Хаминову, такъ сказать дорисовывать его. Теперь же заключу разсказомъ, чѣмъ былъ Хаминовъ въ 1859 году. Въ «Сибирскомъ Календарѣ», изданномъ на 1885 годъ, напечатанъ перечень сдѣланныхъ Хаминовымъ пожертвованій на народное образованіе въ Сибири. Онъ извлеченъ изъ циркуляровъ по учебнымъ заведениямъ за 1883 годъ. Списокъ этотъ далеко не полонъ. Благотворительность Хаминова была своеобразна. Такъ на обезпеченіе женской прогимназіи въ Иркутскѣ онъ пожертвовалъ лишь 40,000 руб., Читинскій—84,000 а 4-хъ класснаго городского училища 100 т. р.; между тѣмъ, въ женской прогимназіи въ 1884 г. учащихся было 232, а въ 4-хъ классномъ училищѣ лишь 110. Въ ремесленной школѣ, которую онъ навязалъ обществу, всего 44 учащихся, между тѣмъ Хаминовъ обезпечилъ въ ней 13 стипендій, а въ женской гимназіи всего 3.

Въ концѣ ли ноября или началѣ декабря—въ театрѣ было большое торжество: бенефисъ Соболевой. Это былъ день генеральнаго сраженія между соперницами-актрисами. Послѣ театра предполагался ужинъ у Соболевой, на который и я имѣлъ приглашеніе, но мнѣ не здоровилось и я ушелъ домой. Не успѣлъ я раздѣться, какъ вбѣгаетъ хозяинъ и объявляетъ, что пожаръ, и большой, горитъ домъ Кузнецова, (извѣстнаго богача, въ то время умершаго), а по сосѣдству его, съ одной стороны находится губернаторскій домъ, съ другой—дѣвичій институтъ. Въ то время чиновники особыхъ порученій обязаны были являться на пожаръ, не въ качествѣ только зрителей, но и дѣйствующихъ лицъ. Я надѣлъ дорожные сапоги, полушубокъ, выпросилъ у хозяйки топоръ, и мы съ хозяиномъ поспешили. Это былъ часъ двѣнадцатый. Пожаръ оказался дѣйствительно серьезнымъ. Пришлось, какъ слѣдуетъ поработать. Загорѣвшійся домъ, конечно, не отстояли, кое-что поломали, за то отстояли Карла Карловича Венцеля и институтъ.

Опасность миновала. Усталый, покрытый грязью, поплелся я домой пѣшкомъ. По моимъ расчетамъ, было за три часа ночи. Слышу меня нагоняютъ парныя сани. Хаминовъ и Л...въ, начальникъ отдѣленія губернскаго общаго управленія. Предлагаютъ подвезти. Усаживаюсь на козлы.

- Вы куда шли?—спрашиваетъ меня Хаминовъ.
- Разумѣется домой.
- А подкрѣпиться развѣ не хотите?
- Да гдѣ теперь подкрѣпимся... собраніе заперто.

— А я на что,—вмѣшивается въ разговоръ Л...въ, котораго мы называли кочаномъ капусты, благодаря его лысинѣ.

Рѣшено ѣхать къ Л...ву. Явилась приличная закуска, водка. Затѣмъ появилось шампанское. Хаминовъ увѣрилъ насъ, что самое лучшее средство не опьянѣть—пить по рюмкѣ водки и тотчасъ же запивать стаканомъ шампанскаго. Не спорить же. Въ перемежку—разговоры, сперва о пожарѣ, потомъ о томъ, о семъ; наконецъ, Хаминовъ дѣлаетъ умильную улыбку и обращается ко мнѣ:

— Я слышалъ, что у васъ въ хозяйственномъ департаментѣ есть рука.

— Да, есть.

— Такъ вы... не откажите, походатайствуйте за меня... буду благодаренъ.

Оказывается, что Хаминовъ за пожертвованіе 600 фонарей городу представленъ къ Станиславу въ петлицѣ.

Я, разумѣется, обещаю помочь, чѣмъ могу. Дальше я уже ничего не помню.

На утро уже поздно, часу чуть не въ одиннадцатомъ, просыпаюсь. Протираю себѣ глаза и не могу понять, гдѣ я,.. Въ томъ же грязномъ полушубкѣ, въ грязныхъ сапогахъ, лежу я на бархатномъ диванѣ: около меня топоръ. На полу перпендикулярно ко мнѣ, по обѣимъ сторонамъ переддиваннаго стола, съ одного бока Л...въ, съ другого — Хаминовъ, оба лежатъ на спинахъ, носами къверху, Л...въ, не снявши даже очковъ...

Я догадался, что нашъ ночной банкетъ кончился тѣмъ, что мы очутились у Хаминова и лежимъ въ его бархатной гостиной. Фактъ этотъ самъ по себѣ ничего бы не значилъ, но надо знать, что въ тѣ времена бархатная гостиная и въ дни обѣдовъ отпиралась у Хаминова лишь для особъ первыхъ четырехъ классовъ, къ которымъ мы съ Л...мъ не принадлежали.

Изъ рассказаннаго мною видно, что въ концѣ 1859 года, И. С. Хаминовъ, представленный къ Станиславу въ петлицѣ за ничтожное пожертвованіе, считалъ долгомъ искать протекціи почти что незнакомаго человѣка, а чрезъ 25 лѣтъ, повторяю, онъ умиралъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ Анны I-й степени. Говорятъ—нѣтъ крѣпче связей, начатыхъ за рюмкой водки. На мнѣ съ Хаминовымъ этотъ афоризмъ не оправдался.

Мы съ нимъ характерами не сошлись и, странно, первымъ поводомъ къ разрыву была общественная елка. Къ устройству ея приступили, не дождавшись результата подписки, и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, подписка не покрыла расходовъ. Доплатить пришлось Хаминову и при томъ какіе-то пустяки. Онъ не могъ простить мнѣ этого, а почему? Не изъ скупости. На елкѣ не было графа Муравьева, слѣдовательно вся затѣя была пустая. Это первая моя вина. Вторая та, что я не пришелъ къ нему про-

силь: «будьте такъ добры заплатить недостающее», а послалъ къ нему, какъ къ казначею, не оплаченные счета при запискѣ, въ которой писалъ, что по докладѣ этихъ счетовъ предсѣдателью комитета, его превосходительство приказалъ передать ихъ для зависащаго распоряженія вамъ, какъ казначею.

Закончить эту главу мнѣ остается событіями, сопровождавшими описанный мною въ первой главѣ частный приемъ у графа, разрѣшившійся для меня благополучно. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого приема, назначенъ былъ общій. О немъ толковали много. Эти приемы происходили при каждой поѣздкѣ генераль-губернатора и при каждомъ возвращеніи его въ Иркутскъ. Графъ Муравьевъ умѣлъ придавать имъ жизнь и смыслъ. На этотъ разъ накопилось столько электричества въ воздухѣ, что всѣ инстинктивно чуяли грозу, но дѣйствительность превзошла всѣ ожиданія... Мнѣ живо вспоминается этотъ день. Собрались въ залѣ всѣ власти и служащіе въ городѣ, какъ военные, такъ и гражданскіе. Размѣстились всѣ вдоль справа и слѣва рядами, оставивъ середину свободной. Порядка въ размѣщеніи не было ни какого, только къ одному мѣсту приказано было поставить вновь прибывшую молодежь. Въ соседней комнатѣ собралось купеческое общество съ Хаминовымъ во главѣ. Лица всѣхъ были обращены къ дверямъ кабинета.

Изъ нихъ вышли сперва К. К. Венцель и начальникъ штаба Б. К. Кукель. На лицахъ ихъ нельзя было прочесть ничего и они послѣ засвидѣтельствовали, что и не заподозрили графа Муравьева въ какихъ-либо намѣреніяхъ: на столько онъ былъ спокоенъ... Прочитавъ на лицахъ вышедшихъ совершенное спокойствіе, нѣкоторые также успокоились.

Прошло минутъ пять. Изъ кабинета не вышелъ, а какъ бы вылетѣлъ графъ Муравьевъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ глубь залы, подобравъ саблю, графъ оперся на нее и, окинувъ всѣхъ присутствующихъ не гнѣвнымъ, а грознымъ взоромъ, онъ началъ свою рѣчь. Я не прощаю себѣ, что не записалъ ее тотчасъ же. Рѣчь эта, произнесенная прекрасно, громко,—продолжалась не болѣе 20 минутъ, но она произвела сильнѣйшее и на большинство подавляющее впечатлѣніе, какъ призывъ къ Немезидѣ. Основной темой она, пожалуй, подходила къ рѣчи Гоголевскаго генераль-губернатора, но складомъ и тономъ она была иная. Окончивъ рѣчь намъ, графъ быстро прошелъ залу и остановился передъ молодежью. Ей была сказана не рѣчь, а нѣсколько словъ, но словъ такихъ, которыхъ я не пожелалъ бы слышать и злѣйшему врагу отъ своего начальства. Затѣмъ послѣдовала очередь купечества. Чтò говорилъ ему графъ, мы не слышали, но голосъ его, постепенно возвышаясь, гремѣлъ.

Окончивъ назиданіе купечеству, графъ быстро прошелъ мимо насъ и, подходя къ кабинету, повернулся, сдѣлавъ общій поклонъ и исчезъ.

Разошлись и мы... Вечеромъ сошлись мы у Шелехова. Явился къ нему и Хаминовъ.

— Скажите, батюшка, за что на меня - то онъ осерчалъ. Отдѣльно не принялъ, сегодня руки не подалъ,—сказалъ Хаминовъ.

— Это, Иванъ Степановичъ,—отвѣтилъ ему Шелеховъ,—обозначаетъ, что вы... козель очищенія.

— Т. е. какъ это козель?—переспросилъ обиженнымъ тономъ Хаминовъ.

— У древнихъ евреевъ,—объяснилъ ему Шелеховъ,—былъ одинъ день въ году, когда народъ приносилъ въ жертву козла. Онъ назывался козломъ очищенія, потому что смертью своей снималъ съ народа грѣхи его... Вотъ такъ и вы... На васъ обрушилось все, значить, вы козель очищенія...

Кличка эта подошла на столько къ Хаминову, что онъ долго не могъ отъ нея отдѣлаться. А онъ-то подбилъ общество предложить обѣдъ, да и самъ выписалъ цѣлый караванъ рыбы изъ Томска, предполагая кормить и въ своей избушкѣ. Рыба эта, впрочемъ, не пропала, такъ какъ черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ курьеръ и привезъ назначеніе Карла Карловича Венцеля въ сенатъ, а Из...го губернаторомъ, при чемъ само собой разумѣется предсѣдательствованіе въ совѣтѣ главнаго управленія возлагалось на М. С. Корсакова. Явился слѣдовательно вполне законный поводъ для кормленій, которыя и состоялись, но по отъѣздѣ графа Муравьева.

Оставалась не замѣщенной должность предсѣдателя Иркутскаго губернскаго правленія. Доброжелатели мои распустили слухъ, что должность эта предназначается мнѣ. Я былъ у графа Муравьева съ докладомъ. Когда онъ кончился, графъ затѣялъ частный разговоръ и совершенно неожиданно для меня сказалъ:

— Въ большомъ я затрудненіи. Не знаю, кого назначить предсѣдателемъ губернскаго правленія...

— А Шелехова,—отвѣтилъ я.

Графъ взглянулъ на меня... и протянулъ мнѣ руку.

— Благодарю. Изъ ума вонъ. Если бы не вы, я можетъ быть сдѣлалъ бы громадную несправедливость. За Шелеховымъ всѣ права...

Онъ подвинулъ листъ бумаги и взялъ карандашъ.

— А въ какихъ отношеніяхъ онъ съ Из...мъ?

— Прекраснѣйшихъ.

— Какъ со всѣми,—прервалъ меня графъ Муравьевъ и, начавъ писать, не глядя на меня, но улыбаясь продолжалъ...—Вѣдь это вы прозвали его Остерманомъ?

— Какъ это вы знаете, графъ.

— Мѣтко и вѣрно... На новомъ мѣстѣ остерманство не помѣшается.

Графъ позвонилъ. На другой день вышелъ приказъ о назначеніи Шелехова.

Черезъ нѣсколько дней графъ Муравьевъ оставилъ Иркутскъ безъ всякихъ проводовъ и кормленій, сдѣлавъ распоряженіе, чтобы проектъ о ссыльныхъ, по окончаніи, былъ привезенъ къ нему въ Петербургъ мною.

Между друзьями моими, — это еще подлило масла въ огонь. Курьерская поѣздка въ Петербургъ цѣнилась очень дорого, а я не прослужилъ и года въ Восточной Сибири, успѣвъ уже получить повышеніе. А сколько было охотниковъ проѣхать!

В. Милютинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНАТОРСТВО Н. Н. МУРАВЬЕВА ВЪ СИБИРИ ¹⁾.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

V.

Карьеры служившихъ въ Сибирь.—Сенаторы и губернаторы.—Вопросъ объ устройствѣ быта ссыльных.—Ссылный Зыковъ.—Поѣздка къ графу Муравьеву въ Петербургъ.—Переписка разсмотрѣнія вопроса объ устройствѣ ссыльных.—Карповъ.—Корсаковъ и Муравьевъ.—Положеніе ссыльных.—Практика жизни.

РЕСТРАННЫЯ бываютъ стеченія обстоятельствъ. Путешествуя въ Сибирь, мнѣ приходилось не разъ задаваться вопросомъ: что меня ждетъ въ Сибирь и чего бы я желалъ достигнуть въ ней? Служить въ Сибирь манилъ меня не карьеризмъ. Онъ не былъ въ моемъ характерѣ. Сверхъ того, еще студентомъ, т. е. лѣтъ за восемь, Сибирь меня привлекала. Амурская эпопея была у всѣхъ на языкѣ.

Личность графа Муравьева была какою-то легендарною. Еще въ студенческомъ мундирѣ, за полтора мѣсяца до окончанія курса, безъ всякихъ рекомендацій, я явился къ графу Муравьеву, прося его принять меня на службу въ Восточную Сибирь. Онъ долго со мною разговаривалъ, но, въ заключеніе, окатилъ меня водой.

— Новичковъ,—высказалъ онъ,—намъ не нужно. Ихъ не кому учить! Послужите здѣсь лѣтъ восемь и такъ... въ чинѣ коллежскаго ассессора... пріѣзжайте къ намъ. Тогда найдется вамъ дѣло.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIV, стр. 317.

Въ данномъ случаѣ Муравьевъ былъ пророкомъ. Безъ малаго черезъ восемь лѣтъ, въ томъ самомъ чинѣ, о которомъ случайно упомянулъ графъ, я предсталъ передъ нимъ. Въ чиновничьемъ отношеніи я скорѣе терялъ отъ перевода: меня готовились представить къ слѣдующему чину. Не могу въ этомъ случаѣ не остановиться на томъ, что, присвоенная Восточной Сибири во времена графа Муравьева репутація страны карьеристовъ,—не оправдывается. Если исключить Корсакова и Кукеля, какъ выдающихся въ этомъ отношеніи личностей, при чемъ карьера послѣдняго, какъ я могъ убѣдиться по сличеніи формуляровъ, была быстрѣе корсаковской, что оправдывалось многостороннимъ образованіемъ, полученнымъ Кукелемъ, если исключить эти двѣ личности, то я бы желалъ, чтобы проповѣдывавшіе въ свое время о карьеризмѣ въ Восточной Сибири указали мнѣ лицъ, которыя дѣйствительно подходили бы подъ это обвиненіе. Чинопроизводство между военными дѣйствительно шло быстро, но чинъ, самъ по себѣ взятый, не только не созидаетъ извѣстнаго положенія, а напротивъ, въ большей части случаевъ, вредитъ тому. По моимъ наблюденіямъ за пятнадцать лѣтъ оказывается, что изъ двухъ сослуживцевъ графа Муравьева,—двое, К. К. Венцель и Штубендорфъ, изъ губернаторовъ попали въ сенатъ; П. В. Козакевичъ, продолжая служить по морскому вѣдомству, докончилъ свою карьеру службой внѣ Сибири; Деспотъ-Зеновичъ, бывшій кяхтинскимъ градоначальникомъ, послѣ губернаторства въ Тобольскѣ прошелъ въ члены совѣта министра внутреннихъ дѣлъ; Лохвицкій, съ мѣста енисейскаго губернатора, Карповъ, съ мѣста члена совѣта главнаго управленія, причислены были къ тому же министерству; знаменитый Беклемишевъ не пошелъ далѣе вице-губернаторства; Шелеховъ былъ управляющимъ сперва Варшавской, а потомъ Ярославкой контрольной палаты; Арсеньевъ получилъ камеръ-юнкерство, и, опять службой внѣ Сибири, дошелъ до сената. Большинство же выѣхало изъ Восточной Сибири или умерло въ ней отставными: гдѣ же эти карьеристы, о которыхъ такъ много кричали.

Но дѣло не въ этомъ: мечтая о томъ, что мнѣ предстоитъ въ Сибири и какого рода дѣятельность была бы мнѣ болѣе по сердцу, я останавливался мысленно на ссыльныхъ. Изъ университетскихъ лекцій того времени, мы усвоили себѣ тотъ взглядъ, что ссылка самое соотвѣтственное, самое цѣлесообразное наказаніе и что благо той странѣ, которая, подобно Россіи, имѣетъ возможность устроить ссылку не за морями. Затѣмъ, объ устройствѣ быта ссыльныхъ, намъ въ тѣ времена, если и читалось, то по своду законовъ, и уставъ о ссыльныхъ былъ единственной книгой закона, въ которую, въ теченіе восьмилѣтней службы, мнѣ не приходилось заглядывать. Но на дорогѣ въ Сибирь, встрѣчаясь съ партіями ссыльныхъ, съ бродягами, разговаривая съ ними и о нихъ, я невольно заинте-

ресовался ихъ положеніемъ. И невольно, безотчетно, какой-то бессознательной *ria desideria*—стала для меня мысль, какъ бы было хорошо, если бы на долю мою выпала именно эта чаша. Склонность къ мечтательности, поощряемая скучною дорогой, дѣлала свое дѣло: изъ какихъ-то смутныхъ въ началѣ образовъ выдвигались все болѣе и болѣе точные и опредѣленные.

Какое же должно было произвести на меня впечатлѣніе первое предложеніе мнѣ Корсакова!

Не я же подсказалъ его: мнѣ и въ голову не приходило, что на очереди стоитъ вопросъ, меня заинтересовавшій. Живя въ деревнѣ по сосѣдству съ заводомъ, гдѣ работали каторжные, я имѣлъ возможность ознакомиться съ заинтересовавшимъ меня вопросомъ, но отсюда, до осуществленія мечты, было еще слишкомъ далеко.

Изъ главнаго управленія мнѣ передали цѣлые фоліанты дѣлъ по вопросу о ссыльныхъ. Оказалось, что, начиная съ тридцатыхъ годовъ, и въ Петербургѣ, и въ Сибири, на первой очереди, стоялъ вопросъ объ устройствѣ быта ссыльныхъ. Вслѣдствіе того народилась масса проектовъ, которые писались въ Петербургѣ, въ Западной и въ Восточной Сибири. Въ послѣдней не было свѣжаго чело-вѣка, которому, въ качествѣ причисленнаго къ главному управленію, не выпадало бы на долю внести свою лепту въ этотъ трудъ. Работали въ этомъ направленіи и спеціалисты по горному дѣлу, и управляющіе казенными заводами. Но дѣло все-таки не подвигалось. Петербургъ раскритиковывалъ присылаемые ему съ мѣста предположенія, по несоотвѣтственности ихъ карательному элементу ссылки, а мѣстная администрація клала подъ сукно выработанныя въ Петербургѣ по непрактичности ихъ. Извѣстно, что графъ Блудовъ въ составъ ссылки, какъ наказанія, ввелъ тюремное заключеніе; но, какъ было ввести его, когда съ одной стороны не было тюремъ, а съ другой—не изъ кого было сформировать стражу. Имѣя передъ собой какихъ-нибудь десять дней, я, конечно, не могъ одолѣть всего мнѣ переданнаго, тащить же съ собой всѣ эти фоліанты—не предстояло физической возможности.

Впрочемъ, задача, мнѣ предстоявшая, упрощалась. Она сводилась къ двумъ пунктамъ. Съ одной стороны, къ исполненію сообщеннаго графомъ Блудовымъ высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта о разработкѣ на мѣстѣ, т. е. въ Восточной Сибири, проекта управленія ссыльными, при соблюденіи слѣдующихъ началъ: замѣчено, сообщалъ графъ Блудовъ, что всѣ старанія правительства организовать бытъ ссыльныхъ, оказывались безуспѣшными, потому что проекты, разработывавшіеся въ Петербургѣ, основываясь на требованіяхъ карательнаго закона и интересахъ государственныхъ, не находили себѣ опоры въ мѣстныхъ условіяхъ; проекты же, писанные въ Сибири, опираясь исклю-чительно на экономическіе интересы края, отодвигали на задній

планъ интересы карательнаго закона и частью государственные. Тѣмъ и другимъ не доставало точнаго знанія быта ссыльныхъ, вслѣдствіе того, что, будучи подвѣдомы главному управленію, губернаторамъ, общей полицейской власти, спеціальной въ лицѣ горныхъ и заводскихъ начальствъ, они, ссыльные, въ существѣ оставались внѣ всякаго завѣдыванія, такъ какъ управлявшіе ими фактически и номинально, имѣя множество иныхъ, прямыхъ обязанностей, не имѣли времени и возможности тщательно изучить ихъ бытъ, а слѣдовательно на столько ориентироваться, чтобы выработать для будущаго устройства ссыльныхъ, разумную и цѣлесообразную программу. По этому, заключалъ графъ Блудовъ, необходимо, пріостановившись на время всякими проектными предначертаніями, устроить, въ видѣ попечителей, такое управленіе надъ ссыльными въ обѣихъ частяхъ Сибири, чтобы чины его составляющіе, не отвлекаясь отъ прямой своей обязанности другими служебными и не вмѣшиваясь, такъ сказать, въ исполнительныя распоряженія, могли посвятить себя исключительно охраненію интересовъ ссыльныхъ и изученію ихъ быта, дабы, на основаніи послѣдняго, построить всѣ дальнѣйшія соображенія о благоустройствѣ этой части населенія.

Другой пунктъ предстоящей работы истекалъ изъ личныхъ соображеній графа Муравьева высочайше одобренныхъ и заключавшихся въ необходимости измѣненія отношеній ссыльныхъ, какъ рабочей силы, къ заводскимъ начальствамъ. Въ запискѣ своей, написанной съ рѣзкой, въ тѣ времена, смѣлостью и убѣдительностью графъ Муравьевъ доказывалъ всю несоотвѣтственность, и съ нравственной и съ матеріальной точки зрѣнія, того законоположенія, въ силу котораго всѣ преступники, подвергшіеся извѣстнаго рода наказаніямъ, поступали въ непосредственное распоряженіе Кабинета его величества и заводовъ казенныхъ, въ качествѣ дешевыхъ рабочихъ, на дѣлѣ же обходившихся дороже всякихъ другихъ, въ прямой ущербъ хозяйству, не говоря уже о томъ, что сосредоточеніе въ одномъ лицѣ и власти хозяина, и власти полицейской, и власти судебной, представлялось источникомъ однихъ злоупотребленій. Указывая, вслѣдствіе этихъ соображеній, другую организацію, а именно: сосредоточеніе управленія ссыльныхъ въ рукахъ гражданскаго начальства съ тѣмъ, чтобы оно ставило ихъ на работы въ подлежащія вѣдомства,—графъ Муравьевъ испрашивалъ себѣ право разработать эту основную тему въ подробностяхъ.

Если первая задача сама по себѣ не требовала особыхъ спеціальныхъ знаній, то вторая, наоборотъ, была мыслима лишь подъ условіемъ близкаго ознакомленія и съ технической частью производствъ пріисковаго, желѣзодѣлательнаго, солевареннаго и винокуреннаго, на которыя употреблялись ссыльные, и съ мѣстными условіями, которыя не могли, конечно, оставаться безъ вліянія и на самое производство и на программу дѣятельности предстоящей тю-

ремному управленію. Если для первой задачи были намѣчены важнѣйшія черты, такъ что все ограничивалось приведеніемъ ихъ въ систему, то для второй были намѣчены лишь грани, наполнить пустыя мѣста между которыми приходилось не иначе, какъ по соглашенію съ подлежащими властями, отзвывы которыхъ, однако, нельзя было принимать на вѣру.

Надо ли распространяться въ доказательствахъ, съ какимъ отраднымъ впечатлѣніемъ я полетѣлъ въ Читѣ. И прелесть самой задачи и возможность сразу достигнуть желаемой цѣли—ознакомиться съ краемъ. Мнѣ предстояло побывать и за Байкаломъ, а для ознакомленія съ заводами, объѣхать и Иркутскую, и Енисейскую губерніи.

Хотя по предписанію, мнѣ данному, я и долженъ былъ работать по ближайшимъ указаніямъ М. С. Корсакова, но ни во время перваго пребыванія моего въ Читѣ, ни на обратномъ пути, ни при окончательной отдѣлкѣ проектовъ въ Иркутскѣ, я никакихъ указаній отъ него не получалъ, кромѣ лишь предостереженія относительно горнаго начальства. Это, молъ, Іуды.

Предупрежденія Корсакова, какъ въ слѣдственномъ дѣлѣ, о которомъ я упоминалъ выше, такъ и по отношенію къ ссыльнымъ, въ моихъ, по крайней мѣрѣ, глазахъ не оправдались. Напротивъ, въ горномъ начальствѣ, достойными представителями котораго въ то время были Д—нъ, У—се, Дубр—винъ, Б—ій, я нашелъ себѣ полную поддержку, на столько это были люди здраво отнесшіеся къ задачѣ и оцѣнившіе ее тотчасъ же, безъ всякихъ заднихъ мыслей. Совершенно иное соотношеніе къ дѣлу я встрѣтилъ на заводахъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи министерства финансовъ, т. е. солеваренныхъ и винокуренныхъ.

Относительно Д—на я могу занести въ свою лѣтопись лишь одну черту.

Разговаривая съ нимъ о предстоящей реформѣ, существенно затрогивавшей интересы, если не Кабинета его величества, то представителей его, такъ какъ съ осуществленіемъ предположеній графа Муравьева, въ лицѣ ссыльныхъ они потеряли бы многое, что обезпечивало ихъ личный комфортъ (даровую прислугу), и встрѣтивъ въ немъ горячаго поборника предстоящаго измѣненія, я къ удивленію выслушалъ отъ него, что для исполненія выпавшей на мою долю задачи, мнѣ безусловно необходимо поговорить съ такимъ человѣкомъ, который чуть не Соломонъ...

И вотъ на другой день онъ посылаетъ ко мнѣ съ запиской ссыльнаго Зыкова, прославившагося въ Москвѣ убійствомъ кн. Голицыной, и о которомъ мнѣ приходилось выслушать не мало разсказовъ въ Иркутскѣ. Познакомиться съ подобнымъ человѣкомъ, какъ интереснымъ для изученія субъектомъ, было, положимъ, не бесполезно, но встрѣтиться въ то время, и въ первый еще разъ, съ убійцей,

разыгрывающимъ роль въ обществѣ (да и какую?.. онъ былъ даже учителемъ дѣтей Д—на), видѣть его самоувѣренно толкующимъ о предстоящемъ преобразованіи съ апломбомъ авторитета, мнѣ показалось крайне страннымъ. Не желая обидѣть Д—на, его ко мнѣ приславшаго, я выслушалъ его съ терпѣніемъ и, на предложеніе подать особую записку съ изложеніемъ его взглядовъ, я отвѣчалъ, что не уполномоченъ принимать какія бы то ни были записки и проекты, что задача моя крайне ограничена и что я дѣйствую въ предѣлахъ указаній, данныхъ мнѣ начальствомъ, а потому и рекомендую ему воспользоваться предстоящимъ пріѣздомъ Корсакова, чтобы подать ему все, что онъ заблагоразсудить.

Зыковъ презрительно усмѣхнулся и былъ таковъ.

Часа черезъ два, когда я пришелъ къ Д—ну обѣдать, я замѣтилъ, что онъ предупрежденъ и какъ-будто косится на меня. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и самъ завелъ разговоръ, что я напрасно отнесся съ такимъ пренебреженіемъ къ Зыкову, что онъ умнѣйшій и достойнѣйшій человѣкъ, что преступленіе имъ совершено подъ вліяніемъ аффекта и фанатизма, и что къ подобнымъ преступникамъ слѣдуетъ всегда относиться съ особымъ снисхожденіемъ.

Я ограничился отвѣтомъ, что не понимаю, какъ можно подобнымъ лицамъ, если и справедливо, что они впади въ преступленіе подъ вліяніемъ аффекта и фанатизма, довѣрять судьбу своихъ дѣтей... Это, повидимому, еще болѣе не понравилось моему амфитріону, и между мною и имъ, повидимому, пробѣжало облачко.

Ноябрь и декабрь я посвятилъ группировкѣ собранныхъ данныхъ и, наконецъ, разработкѣ двухъ проектовъ: а) положенія объ управленіи ссыльными и б) инструкціи для употребленія ихъ въ работы на кабинетскихъ и казенныхъ заводахъ. М. С. Корсаковъ, оставшійся послѣ отъѣзда Муравьева управлять краемъ, едва заглянулъ въ мою работу. Графу Муравьеву, торопившемуся въ Петербургъ, было тоже не до проекта.

Поѣздка въ Петербургъ досталась мнѣ не легко. Мнѣ пришлось проводить проектъ въ совѣтъ главнаго управленія и хотя составъ совѣта въ то время былъ, можно сказать, блестящій, до котораго въ послѣдующее время онъ никогда не доходилъ, тѣмъ не менѣе, такіе дѣльцы, какъ Осиповъ, Кокоринъ, Успенскій, были въ существѣ консерваторами до конца ногтей; а изъ молодыхъ, сравнительно, дѣятелей, Савинскій, хотя и не отвергалъ необходимости улучшенія быта ссыльныхъ и не возражалъ противъ технической стороны дѣла, однако, былъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ тѣмъ, что какъ членъ и дѣлопроизводитель существовавшаго ранѣе спеціального комитета изъ горныхъ чиновъ, доказывалъ необходимость казни для ссыльныхъ. Это обстоятельство побудило А. И. Деспотъ-Зеновича, тогда еще кяхтинскаго градоначальника, пользовавшагося особымъ благоволеніемъ графа Муравьева, подать замѣ-

чательную записку, написанную чуть не съ юношескимъ жаромъ, въ которой онъ соединилъ все, что только, съ точки зрѣнія теоріи и сердца, можно и должно было высказать противъ дикой идеи—примѣненія смертной казни. Но основной пунктъ возраженій въ совѣтъ главнаго управленія былъ не тотъ: «заботьтесь прежде о честныхъ людяхъ,—провозгласилъ Успенскій,—и потомъ уже о недобрякахъ». Вотъ около чего вертѣлись всѣ возраженія. Затѣмъ, наши сенаторы не могли помириться съ мыслью объ уничтоженіи экспедицій о ссыльныхъ. Онѣ были оставлены во всей ихъ прелести.

Молодость, увлеченіе проектомъ, основныя указанія для котораго даны были графомъ Муравьевымъ, перспектива поѣздки въ Петербургъ, замедлявшейся отъ противорѣчій, можно сказать, уклончивости отъ категорическаго разрѣшенія дѣла, каюсь, бѣсили меня, тѣмъ болѣе, что въ М. С. Корсаковѣ я не находилъ себѣ никакой, даже нравственной, поддержки. Онъ уклонялся отъ личнаго присутствія въ засѣданіяхъ, а своего мнѣнія не высказывалъ. Какъ докладчикъ, я далеко переступалъ предѣлы этой скромной роли, и хотя выигралъ дѣло и настоялъ, чтобы въ томъ или другомъ видѣ проекты прошли къ назначенному сроку, тѣмъ не менѣе я получилъ отъ Корсакова замѣчаніе въ томъ, что не умѣю себя держать.

Какъ бы то ни было, 1-го марта 1860 года, съ имениннаго вечера, бывшаго у И—хъ, я былъ полиціймейстеромъ Сухотинымъ доставленъ къ Корсакову, который вручилъ мнѣ необходимыя бумаги, посадилъ меня тутъ же на перекладную, при чемъ полиціймейстеръ получалъ приказаніе выпроводить меня за городъ. Это приказаніе не помѣшало намъ съ Сухотинымъ завернуть къ попутчику, котораго я нашелъ до Красноярска, отлично у него поужинать, пересѣсть съ нимъ не въ перекладную, а въ проходную повозку и выѣхать часа черезъ три, если не болѣе. Выѣхавъ 2-го марта, я 23-го сидѣлъ уже въ вагонѣ Николаевской желѣзной дороги (Нижегородской дороги въ то время еще не было), а 26-го марта явился уже къ графу Муравьеву съ бумагами.

Но онъ былъ уже на выѣздѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ принялъ отъ меня на второй или третій день докладъ и остался крайне доволенъ включеніемъ въ проектъ экспедицій.

— Это все мои старики,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Ну, дѣлать нечего: проектъ вы повезете назадъ и тамъ мы имъ займемся на свободѣ.

Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выпросить себѣ право пріѣхать назадъ не ранѣе іюня и, вмѣстѣ съ тѣмъ на случай, если я и въ послѣднее время буду занятъ разработкой той же темы, испросилъ себѣ подлежащій кредитъ на пріобрѣтеніе необходимыхъ по этой части книгъ, такъ какъ чувствовалъ себя недостаточно еще подготовленнымъ къ той дѣятельности, которая выпадала на мою

долю. Графъ Муравьевъ заговорилъ о командировкѣ за границу: я отклонился въ виду того, что изученіе тюремной системы не входило еще въ программу. Мечтать о постройкѣ пенитенціарныхъ тюремъ для каторжныхъ было не мыслимо. А для ссыльно-поселенцевъ онѣ были совершенно бесполезны.

Въ первыхъ числахъ іюня, я былъ уже въ Нижнеудинскѣ. Хотя я и слѣдовалъ обратно по курьерской подорожной, но везъ съ собою лишь одинъ конвертъ изъ азіатскаго департамента, вручая который меня предупредили, что онъ особеннаго значенія не имѣетъ и дается мнѣ для декорума.

Корсаковъ, утвержденный помощникомъ генераль-губернатора, былъ въ это время командированъ въ Петербургъ. Графъ Муравьевъ на этотъ разъ оставался въ Иркутскѣ, и мнѣ пришлось работать подъ непосредственнымъ его руководствомъ, при чемъ всѣ дополненія, придуманныя совѣтомъ главнаго управленія, и въ томъ числѣ пресловутыя экспедиціи были упразднены. Съ тѣмъ вмѣстѣ, графъ Муравьевъ призналъ необходимымъ сосредоточить въ моихъ рукахъ всю производившуюся по главному управленію переписку о ссыльныхъ, вслѣдствіе чего я и являлся по ней непосредственнымъ его докладчикомъ. Хотя подобныхъ докладовъ выпало на мою долю и не много, тѣмъ не менѣе, я сохранилъ о нихъ самое отрадное воспоминаніе. Какое сравненіе между ними и тѣми, которые, спустя нѣкоторое время, мнѣ пришлось имѣть у Корсакова. Одно было неудобство при докладахъ графу Муравьеву: это неувѣренность, когда докладъ начнется и когда кончится, такъ какъ у графа, хотя и существовало распределеніе времени, но оно никогда не соблюдалось. Доклады прерывались для приѣмовъ, для которыхъ опредѣленнаго времени не существовало. Придешь, бывало, къ 11 часамъ, надѣясь освободиться, самое большее, къ 12 часамъ. Не тутъ то было. Или докладъ примется передъ самымъ обѣдомъ или послѣ обѣда, въ томъ и другомъ случаѣ, приходилось обѣдать у Муравьева. Относительно обѣдовъ разницы не дѣлалось: былъ ли этотъ обѣдъ обыкновенный, или, экстраординарный, званый. Совсѣмъ другой системы держался Корсаковъ.

Какъ бы то ни было, въ концѣ осени, всѣ предварительныя работы мои были окончены, заготовлены подлежащія бумаги и пояснительныя записки, что составило порядочный фоліантъ, и я удостоился послѣдняго доклада у графа Муравьева. Живю помню этотъ докладъ. Я готовился поочередно читать графу все подготовленное. Онъ выслушалъ лишь препроводительную бумагу и, расчеркнувшись подъ нею, обратился ко мнѣ съ улыбкой, подмигивая на прочія бумаги.

— А ужъ это-то, — сказалъ онъ, — я подпишу, не читая... Вѣдь вы меня не подводите?!

— Помилуйте, ваше сіятельство.

— Знаю, знаю...—и, подписывая подаваемые ему бумаги, онъ продолжалъ:

— Сегодня я толковалъ о васъ съ Платономъ Петровичемъ. Я знаю, что переходомъ на службу въ Сибирь вы потеряли по чинопроизводству. (Старое начальство собиралось меня представить, но не могло этого выполнить за переходомъ моимъ въ Восточную Сибирь, а новое начальство было стѣснено обязательнымъ двухгодичнымъ срокомъ). Мнѣ хотѣлось по этому представить васъ разомъ къ двумъ чинамъ; но Платонъ Петровичъ уперся. Говорить—невозможно. Дѣлать нечего: въ долгу передъ вами я не останусь.

Удивленный, я пробормоталъ нѣсколько словъ благодарности. Окончивъ подписываніе, возвращая мнѣ бумаги и приказавъ лично сдать ихъ отправлявшемуся въ тотъ день курьеру, графъ Муравьевъ предуказалъ мнѣ, что, не дожидаясь утвержденія составленныхъ проектовъ, я долженъ продолжать разработывать и послѣдующіе, при чемъ живо была нарисована программа дальнѣйшихъ работъ.

— Я предупрежу о томъ Корсакова,—закончилъ графъ.

— Но,—возразилъ я,—по существу составленнаго проекта обязанность дальнѣйшей разработки вопроса лежитъ на вновь создаемомъ управленіи, по этому мои работы...

Графъ усмѣхнулся и, протягивая мнѣ на прощаніе руку, произнесъ:

— Прощайте, г. главный инспекторъ ссыльныхъ Восточной Сибири.

Я не успѣлъ возразить, такъ какъ графъ Муравьевъ обратился къ кому-то входившему съ кипой бумагъ и тѣмъ самымъ лишилъ меня возможности вызвать какія-нибудь дальнѣйшія объясненія..

Увы! обѣщанію графа Муравьева не суждено было осуществиться, и самый проектъ, если исключить распорядокъ употребленія каторжныхъ въ работы и управленія карійскими ссыльно-каторжными, остался не утвержденнымъ до сихъ поръ.

Я забѣгу впередъ и покончу съ вопросомъ о ссыльныхъ, чтобы не возвращаться къ нему.

Года черезъ два мнѣ пришлось быть опять въ Петербургѣ и ознакомиться съ докладомъ, при которомъ министерство внутреннихъ дѣлъ вносило все дѣло въ государственный совѣтъ. Въ докладѣ были изложены отзывы всѣхъ подлежащихъ вѣдомствъ, которыя, если и предлагали нѣкоторые измѣненія и дополненія противъ представленныхъ графомъ Муравьевымъ проектовъ, но въ общемъ ихъ одобряли. Столь же одобрительно о немъ отзывалось и министерство внутреннихъ дѣлъ. Мнѣ случилось тогда бесѣдовать съ однимъ изъ дѣятелей того времени, которому была прислана изъ совѣта печатная записка. Онъ отзывался о работѣ вполне сочувственно. Казалось бы, не могло быть сомнѣнія, что проектъ

пройдетъ. Съ этимъ ожиданіемъ я вернулся въ Сибирь, но тутъ меня ждалъ сюрпризъ.

Оказалось, что Корсаковъ по телеграммѣ, адресованной къ государственному секретарю, просилъ въ виду измѣнившихся обстоятельствъ и вновь обнаруженныхъ данныхъ, приостановить разсмотрѣніе въ государственномъ совѣтѣ проектовъ, представленныхъ графомъ Муравьевымъ, такъ какъ онъ, Корсаковъ, имѣетъ въ виду представить новыя соображенія, существенно измѣняющія первоначальныя. Желаніе Корсакова было исполнено. Разсмотрѣніе проекта въ законодательномъ порядкѣ было приостановлено.

Я засталъ дѣйствующимъ въ Иркутскѣ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ В. Д. Карпова, инициатора остановки, при чемъ меня не только не пригласили въ означенный комитетъ, хотя бы съ совѣщательнымъ голосомъ и изъ простой вѣжливости, но отобрали отъ меня бумаги, всѣ дѣла, которыя были въ производствѣ по этой части, и одновременно съ тѣмъ отчислили изъ чиновниковъ особыхъ порученій, утвердивъ въ должности товарища предсѣдателя губернскаго суда. Мало того: отъ меня лично работа комитета составляла какой-то секретъ, и только тогда, когда Карпову вздумалось полиберальничать и отпечатать новый проектъ и пояснительную записку, что составило порядочный фоліантъ, только тогда, и то благодаря Савинскому, мнѣ удалось ознакомиться съ нимъ. Къ тому времени мои личныя отношенія къ Корсакову существенно измѣнились. Но сама по себѣ взятая, эта перемѣна не могла бы повліять на дѣло, если бы не вмѣшательство Карпова.

Я зналъ Карпова за долго до пріѣзда въ Восточную Сибирь. Еще студентомъ, у меня была привычка, возвращаясь изъ университета, заходить къ Доминику съ товарищами. Эти посѣщенія продолжались и послѣ съ сослуживцами. Приходилось бывать у Доминика и по вечерамъ, послѣ театровъ. Засѣдали мы постоянно въ билліардной комнатѣ. Я самъ, если и игралъ на билліардѣ, то очень плохо, но въ вечернее время ресторанъ Доминика былъ театромъ игры и шулеровъ и лучшихъ билліардныхъ игроковъ того времени. Состязаніе послѣднихъ было очень интересно. Въ числѣ ихъ постоянно фигурировалъ и Карповъ, съ которымъ, встрѣчаясь чуть не ежедневно, волей не волей пришлось познакомиться, но лишь на столько, что я узналъ его фамилію и то, что онъ изъ университета, сколько помнится, Московскаго. Далѣе этого знакомство наше не шло. Затѣмъ я потерялъ Карпова изъ вида.

Каково же было мое удивленіе, когда зимой 1859 года Из—ій, приглашая меня обѣдать, между прочимъ, предупредилъ, что я встрѣчусь съ однимъ хорошимъ пріятелемъ и, на вопросъ мой съ кѣмъ—назвалъ мнѣ Карпова. Въ первую минуту эта фамилія мнѣ ничего не напомнила. Но, когда мы встрѣтились, я дѣйствительно узналъ своего ресторанныя и клубнаго знакома.

Надо сказать, что Карповъ обладалъ представительной фигурой,—и, въ Сибири, явился мнѣ держащимъ себя самоувѣренно, чтобы не сказать сильнѣе. Какъ онъ попалъ въ Восточ. Сибирь—я не знаю, но, пройдя должность чиновника особыхъ порученій при главномъ управленіи, онъ, въ моментъ нашей встрѣчи, былъ кяхтинскимъ пограничнымъ комиссаромъ. Въ Иркутскѣ онъ пользовался расположеніемъ общества.

Знакомство между нами возобновилось, но о дружбѣ не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что Карповъ наѣзжалъ въ Иркутскъ временами и предпочиталъ карточную компанію. Карты были страстью его. Онъ способенъ былъ просиживать за ними и дни, и ночи. Весьма естественно, что онъ велъ жизнь игрока. Сегодня — съ золотомъ, завтра—ни съ чѣмъ.

Въ тотъ моментъ, когда мы вновь встрѣтились съ нимъ, онъ, по милости Корсакова, былъ уже членомъ совѣта главнаго управленія отъ министерства государственныхъ имуществъ и управлялъ IV отдѣленіемъ, въ которомъ сосредоточена была и переписка о ссыльныхъ и вся проектная часть.

Было бы съ моей стороны непростительно умолчать, что Карповъ былъ человекъ безусловно способный, отличный работникъ, владѣвшій перомъ, такъ, что если при графѣ Муравьевѣ перомъ Восточной Сибири называли Кукеля, подъ перомъ котораго получили окончательную отдѣлку наиболѣе капитальныя работы и по гражданскому вѣдомству, хотя фактически Кукель былъ начальникомъ штаба, то при Корсаковѣ, въ особенности послѣ смерти Кукеля, эту роль пера могъ бы занять Карповъ. Но несчастная страсть къ картамъ, ставившая Карпова весьма часто въ матеріальномъ отношеніи въ безвыходное положеніе, самонадѣянность, соединенная съ умѣніемъ поддѣлываться къ людямъ выше стоящимъ и ему нужнымъ, а, по минованіи въ нихъ надобности, обращаться къ нимъ спиной, извѣстная доля честолюбія и въ то же время завистливости—обращали Карпова въ человека, не имѣвшаго никакихъ твердо установившихся нравственныхъ принциповъ и готовога вредить и дѣлу, и людямъ, коль скоро ему представлялось, что они становятся на его дорогѣ.

Обязанный Восточной Сибири своей карьерой, онъ въ послѣдствіи, служа въ Петербургѣ, при чемъ черезъ его руки проходили сибирскія дѣла, тщеславился тѣмъ, что такое-то представленіе провалилъ, а такое-то затянулъ и т. д. А его отношенія къ Корсакову? Тотъ ли не благодѣйствовалъ ему. Онъ былъ мученикомъ Карпова въ денежномъ отношеніи. Никто изъ сослуживцевъ его не умѣлъ такъ выманивать у послѣдняго денегъ. Между тѣмъ... онъ же дозволилъ себѣ дерзкія дѣйствія относительно Корсакова при свидѣтеляхъ, вынужденъ былъ уѣхать изъ Восточной Сибири черезъ годъ вновь сошелся съ Корсаковымъ, пользуясь отъ него

денежными субсидіями, за спиной—ругалъ его, а послѣ смерти—написалъ ему некрологъ. Кому бы, кромѣ Карпова, удалась такая продѣлка. Онъ убѣдилъ Корсакова въ необходимости обревизовать Якутскую область, получилъ это порученіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и не малозначительное денежное довольствіе на поѣздку; но вслѣдъ за тѣмъ, ревизія была отмѣнена, такъ что Карпову не пришлось выѣхать изъ Иркутска. Тѣмъ не менѣе полученные деньги онъ не возвратилъ.

При такихъ наклонностяхъ, мудрено ли, что Карповъ, заглянувъ въ проекты, представленные графомъ Муравьевымъ, усмотрѣлъ въ нихъ нѣкоторую почву для самообезпеченія. Обойти Корсакова было не трудно. Это было время, когда онъ въ порывѣ, должно быть, благодарности стряхивалъ съ себя вліяніе графа Муравьева и на скромныя напоминанія, что такъ дѣлалось при графѣ, самоувѣренно отвѣчалъ: «мнѣ графъ не указчикъ!»...

Не отстаивая нисколько своего проекта, тѣмъ болѣе, что своимъ въ немъ я могу считать единственно редакцію, я не считаю нужнымъ распространяться о существѣ Карповскаго проекта, удостоившагося полного одобренія Корсакова и полетѣвшаго въ Петербургъ, при эффектно расписанныхъ поясненіяхъ.

Мнѣ пришлось быть опять въ Петербургѣ въ тотъ самый моментъ, когда предстояло разсмотрѣніе новаго проекта въ государственномъ совѣтѣ. По письму ли Корсакова или самъ непосредственно, но графъ Муравьевъ выѣхалъ изъ-за границы, чтобы принять участіе въ разсмотрѣніи этого дѣла. Случай насъ свелъ: мы жили въ одной гостиницѣ Демута. И вотъ графъ Муравьевъ за два или за три дня до засѣданія приходитъ ко мнѣ и, передавая кипу печатныхъ бумагъ, проситъ разсмотрѣть и разъяснить ему въ чемъ дѣло. На этотъ разъ было передо мною опять заключеніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Врѣзались мнѣ въ память изъ него слѣдующія выраженія. Излагая исторію дѣла до того момента, когда Корсаковъ приостановилъ разсмотрѣніе въ государственномъ совѣтѣ первоначальнаго проекта и напоминая, что послѣдній, какъ вполне согласный съ высочайшими указаніями, былъ одобренъ подлежащими вѣдомствами, министерство выражало крайнее удивленіе, что могло побудить генераль-губернатора Восточной Сибири задержать, на нѣсколько лѣтъ, осуществленіе настоятельно требовавшейся мѣры, тѣмъ болѣе, что никакихъ новыхъ обстоятельствъ и данныхъ, кои оправдали бы подобную задержку, въ виду не оказывается. Затѣмъ слѣдовала безпощадная критика проекта.

Подобный отзывъ облегчилъ мнѣ исполненіе задачи передъ графомъ Муравьевымъ. Мнѣ осталось указать на него и дополнить это указаніе нѣкоторыми разъясненіями, такъ сказать, мѣстными.

Графъ Муравьевъ былъ пораженъ. На этотъ разъ онъ не выдержалъ своего характера. Отстаивать Корсаковскій проектъ было

бы не честно, да и невозможно: это бы значило противорѣчить самому себѣ. Вооружиться противъ проекта, значило бы выдать головой, если не творца его, то лицо, дозволившее обойти себя, а это лицо всѣмъ своимъ положеніемъ обязано было графу Муравьеву. Пришлось выскочить изъ этого положенія: обстоятельства помогли. Въ то время была рѣшена высылка въ Сибирь повстанцевъ. Въ виду этого новаго обстоятельства, т. е. поступленія въ Сибирь политическихъ ссыльныхъ и неудобства учрежденія двухъ управлений, признано было за лучшее приостановиться разсмотрѣніемъ вопроса о порядкѣ управленія ссыльными.

Оба проекта такимъ образомъ провалились, а съ тѣмъ вмѣстѣ исчезла надежда на упорядоченіе быта ссыльныхъ въ Сибири.

Съ того времени, къ которому относятся мои замѣтки, прошло уже 20 лѣтъ. Взглядъ на ссылку перемѣнился: и люди дѣла, или, по крайней мѣрѣ, считающіе себя за таковыхъ, и представители науки, и пресса по стопамъ послѣднихъ, и общественное мнѣніе, какъ стараются насъ убѣдить, хотя подобнаго мнѣнія въ Сибири и прежде не было, да и до сихъ поръ, не существуетъ, пришли къ единогласному убѣжденію: ссылка—язва Сибири; пока она существуетъ, пока Сибирь волей не волей должна принимать въ свою среду ссыльныхъ,—до тѣхъ поръ, она никогда не поднимется экономически и нравственно.

Съ теоретиками мы спорить не будемъ. Не признаемъ себя на столько компетентными, да, наконецъ, и задача, нами себѣ предпосланная, не даетъ намъ права вмѣшиваться въ подобные споры.

Что администрація готова отдѣлаться отъ ссыльныхъ — весьма понятно. Одной обузой меньше. По справедливости, слѣдовало бы спросить: сдѣлала ли что администрація для упорядоченія быта ссыльныхъ? Отвѣтять: да, производились опыты, чего не предпринималось? Все осталось безуспѣшнымъ; — но почему? Потому ли, что люди, надъ которыми производились эти опыты, дѣйствительно — отребіе человѣчества, — потому ли, что самые опыты въ существѣ — были безразсудные, потому ли, что производство этихъ опытовъ поручалось людямъ или совершенно къ подобнымъ экспериментамъ не подготовленнымъ, или пользовавшимся ими для набитія себѣ кармановъ.

Но, слѣдя за литературой вопроса, въ особенности мѣстной, за корреспонденціями, посвященными вопросу о ссыльныхъ, меня всегда поражали и поражаютъ два обстоятельства: одно — увѣренность, съ которой стараются трубить, что, благодаря ссыльнымъ, отсутствуетъ въ Сибири понятіе объ общественной безопасности, другое — что, въ экономическомъ отношеніи, ссыльные не помогли, а повредили Сибири.

Проживъ 15 лѣтъ въ краѣ, занимаясь не мало статистикой и, между прочимъ, криминальной, изучивъ бытъ ссыльныхъ и въ ка-

чествъ судьи и въ качествъ ревизора полицейскихъ и судебныхъ учреждений, при чемъ особенное вниманіе мое привлекали дѣла, въ которыхъ замѣшаны были ссыльные, такъ какъ участь ихъ рѣшается почти безконтрольно, имѣвъ дѣла съ ссыльными лично, при чемъ въ дѣлахъ этихъ были замѣшаны мои матеріальные интересы, зная множество частныхъ примѣровъ безусловнаго исправленія ихъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ и, сопоставляя, по газетнымъ хроникамъ, число преступленій совершаемыхъ въ Сибири и внѣ Сибири, хотя бы въ столицахъ, не говоря о провинціи, я рѣшительно недоумѣваю: гдѣ болѣе ограждена общественная безопасность? Живя 15 лѣтъ въ Иркутскѣ,—я сохранилъ въ памяти, едва ли ошибусь,—не болѣе пяти выдающихся преступленій, совершенныхъ ссыльными, да и то—не безъ участія лицъ честнаго имени. Что въ числѣ преступниковъ ссыльные преобладаютъ—это неоспоримо, но спрашиваемъ: что сдѣлано было для ссыльныхъ, чтобы удалить ихъ отъ зла. Прочтите дѣйствующій до сихъ поръ законъ о способахъ водворенія ссыльно-поселенцевъ. Поселенецъ, говоритъ этотъ законъ, получивъ землю отъ общества, долженъ водвориться на ней собственнымъ трудомъ, при чемъ забыты два обстоятельства,—что общество не очень-то податливо на надѣлъ землями поселенцевъ, и весьма естественно почему? Мы должны, говорятъ они, тѣсниться, между тѣмъ поселенцы не участвуютъ даже и въ мірскихъ повинностяхъ. Съ одной стороны—привилегированное положеніе, съ другой — отсутствіе всякихъ правъ. Но, кромѣ того, земля, голая земля, не даетъ поселенцу хлѣба: ее надо воздѣлать. А чѣмъ и какъ? Одними руками и волей, согласитесь, ничего не сдѣлаешь.

Дозволяю себѣ привести изъ тысячи два факта, бывшіе со мной. Въ 1860 году, я приобрѣлъ, на берегу Иркуты, отъ города участокъ земли въ полную собственность и предполагалъ устроить на немъ лѣтнее для себя жилище. Земля моя была расположена на горѣ и мнѣ предстояло проложить дорогу, устроить колодезь и выравнять мѣсто для постройки. Лѣтомъ 1860 года, я приступилъ къ работамъ, а чтобы наблюдать за ними, переѣхалъ самъ и поселился смежно съ своимъ участкомъ, при чемъ насъ жило двое: я и слуга мой. Рабочихъ я просилъ у полиціймейстера.

Возвращаясь я домой поздно вечеромъ. Застаю слугу въ крайне встревоженномъ состояніи.

— Что такое?..

— Привели, говоритъ, изъ полиціи восемнадцать каторжныхъ и сдали мнѣ.

— Ну, и что же? гдѣ они?

— Я ихъ помѣстилъ въ сараѣ.

— Накормилъ?

— Накормить-то накормилъ, а что хотите страшно. Что ни говори, а каторжные.

Съ трудомъ мнѣ удалось успокоить бѣднаго. На утро я вышелъ къ людямъ. Оказалось, что въ числѣ восемнадцати каторжныхъ было человѣка четыре, остальные были или ссыльно-поселенцы или водворяемо-работчіе. Нанелся между ними и мастеръ колодезнаго дѣла. Первое — я объяснилъ имъ, какой работы отъ нихъ требую, затѣмъ, сдавая эту работу на отрядъ, при моихъ инструментахъ и харчахъ, я договорился съ ними на счетъ платы и срока выполненія работъ, въ заключеніе сдѣлалъ имъ должную нотацію, какъ они должны себя вести.

И принялись они за дѣло. Работали молодецки. Передъ обѣдомъ и ужиномъ получали, сверхъ условія, по чаркѣ водки. Вечеромъ они потѣшали меня пѣснями. Вели себя наилучшимъ образомъ, такъ что мнѣ не пришлось ни разу дѣлать имъ внушеніе, между тѣмъ среди ихъ былъ одинъ, который, по собственному его сознанию, возвращался въ Иркутскъ третій разъ, при чемъ одинъ разъ бѣжалъ съ Амура. Подошло дѣло къ осени. Надо было переѣзжать въ городъ. Дорога, распланировка и огороженіе мѣста были окончены, продолжать рытье колодца, безъ техническихъ приспособленій, становилось опасно. Пришлось закончить работы. Наканунѣ какого-то праздничнаго дня, я рассчитался съ людьми и объявилъ имъ, что на завтра явится за ними конвой и отведетъ ихъ въ острогъ.

Они обратились ко мнѣ съ просьбой: отсрочить отправку ихъ на одинъ день, мотивируя это тѣмъ, что ихъ заподрякаютъ перетаскать съ берега бревна.

— А на счетъ конвоя—не извольте беспокоиться—послѣ завтра, къ 12 часамъ, придемъ въ острогъ сами.

Я съ удивленіемъ поглядѣлъ на нихъ. Тогда выступилъ впередъ Голубевъ (бѣжавшій уже три раза) и сказалъ мнѣ:

— Не извольте сомнѣваться: отъ васъ не убѣжимъ. Порукой—я. А что я васъ увижу опять—это такъ вѣрно, какъ то, что я говорю съ вами.

— Т. е. какъ увидишь?—переспросилъ я его.

— Куда бы меня не сослали... я сбѣгу и, проходя черезъ Иркутскъ, разыщу васъ и покажусь. Вотъ-те Христось,—добавилъ онъ, перекрестившись съ такой увѣренностью, что возражать было неумѣстно.

Дѣлать нечего, я согласился. Весьма понятно, что на послѣ завтра я былъ самъ не свой. Дождавшись 12-ти часовъ, ѣду въ острогъ. Ожидаю—тревоги. Смотритель встрѣчаетъ меня совершенно спокойно.

— Что мой?..—спрашиваю я его тихо и неуверенно.

— Пришли-съ.

— Всѣ?

— Всѣ до одинаго.

Я пожелалъ ихъ видѣть. Всѣ явились минута въ минуту.

Что же оказалось въ дѣйствительности? Никакихъ бревенъ не было. Они отпросились на гулянку и, какъ рассказывали, задали они трезвона сосѣдямъ. У меня осталось цѣло все: оставались запасные хлѣба. Они и ихъ не тронули.

Прошло послѣ этого нѣсколько лѣтъ. Я заарендовалъ вблизи города такъ называемую займку и занялся сельскимъ хозяйствомъ. Рабочихъ я получалъ то же изъ острога. Придетъ партія, отберутъ изъ нея подходящихъ, передадутъ мнѣ до причисленія къ волости, но эта оговорка, въ существѣ, ничего не значила. Такимъ образомъ, въ моихъ рукахъ перебывало не мало рабочихъ. На зимніе мѣсяца приходилось сокращать число ихъ, а слѣдовательно дѣлать строгій выборъ. Помню, въ одинъ годъ, въ числѣ лѣтнихъ рабочихъ выдѣлился одинъ. Чудо, а не работникъ, не пьющій, толковый, знающій, честный. Содержаніе отъ меня онъ получалъ хорошее. Я намѣтилъ его старшимъ на зиму и предполагалъ содержаніе ему удвоить. Къ величайшему изумленію не хочетъ.

— Почему, худо тебѣ что ли у меня?..

— Нѣтъ, но хочу самъ похозяйничать. Былъ на родинѣ самостоятеленъ, ко всякому крестьянскому труду гораздъ, есть деньги, обзаведусь, выпишу семью.

Не поощрить подобную рѣшимость было бы преступленіемъ. Я не только не задерживалъ, напротивъ сдѣлалъ все, что зависѣло, чтобы облегчить его положеніе. Его назначили въ хорошую волость... Потерялъ я человѣка изъ вида. Прошло года два или три. Ъду на почтовыхъ. Ямщикъ слегка пьяненькій... Смотрю, все поворачивается ко мнѣ, какъ бы заговорить хочетъ и не рѣшается. Наконецъ, не вытерпѣлъ.

— А вы меня, ваше благородіе, не узнаете?

— Нѣтъ.

— Я такой-то: помните работалъ у васъ на займкѣ. Не послушался васъ, не остался, ну...

— Неужели это ты? Какъ же ты попалъ въ ямщики?

— Гмъ, въ ямщики. Гдѣ я не перебывалъ, и на прискахъ былъ и...

— А хозяйство и семья...

Махнулъ только рукой. Исторія обыкновенная. Бился, бился, послѣднія деньги потратилъ, хозяйство обстановить не удалось, запьянствовалъ... и пошелъ блажить, какъ сотни ему подобныхъ.

Можно ли, послѣ подобнаго примѣра, а ихъ, повторяю, тысячи, ставить въ вину несчастнымъ, что они, и при доброй волѣ, при отсутствіи всякой попечительности о нихъ, не выдерживаютъ, сбиваются съ пути, проходятъ всѣ мытарства, включая присковую школу и, въ результатѣ, попадаютъ въ рецидивисты.

Но если, въ общемъ числѣ преступниковъ, ссыльнымъ принад-

лежитъ преобладающее мѣсто, то вывела ли статистика какой процентъ, къ общему числу ссыльныхъ, составляютъ преступники изъ нихъ. Конечно, нѣтъ, такъ какъ точнаго счета ссыльныхъ не велось и не ведется. Выкиньте изъ общаго числа преступленій квалифицированные бродяжество, побѣги,—много ли останется для прочихъ? Наконецъ, то обстоятельство, что изъ среды честнаго населенія гораздо менѣе преступниковъ, не свидѣтельствуетъ ли въ пользу того, что эта среда ссыльныхъ не на столько испорчена, чтобы воздѣйствовать на лицъ честнаго имени. Между тѣмъ, проповѣдывающіе противъ ссыльныхъ главнымъ аргументомъ выставляютъ тотъ, что ссыльные портятъ честныхъ. Каковъ же послѣ этого нравственный уровень честныхъ, если они, превышая ссыльныхъ числомъ, не только не могутъ воздѣйствовать на нихъ, но сами заражаются ими?

Что ссыльные не принесли въ экономическомъ отношеніи пользы краю—опровергается фактами: кто же соорудилъ дороги, которыми пользуется Сибирь,—хотя бы большой почтовый трактъ. Кто же даетъ возможность государству пріобрѣтать золото, которымъ оно пользуется? Неужели поборники свободной колонизаціи,—этой несбыточной пока мечты,—думаютъ, что въ будущемъ и эта отрасль промышленности перейдетъ всецѣло въ руки переселенцевъ. Хорошую экономическую будущность рисуютъ они краю? А нравственные послѣдствія!

По опыту и съ твердымъ убѣжденіемъ скажу, что ссыльные, въ хорошихъ рукахъ при соотвѣтственной обстановкѣ, были бы отличными рабочими. Надо только уметь воспользоваться ими и разъ навсегда разстаться съ фикціей, что человѣкъ, подвергнувшійся гражданской смерти, уже не живъ.

Но допустимъ, что ссылка будетъ прекращена, хотя до этого еще далеко,—развѣ остающіеся въ краѣ ссыльные не заслуживаютъ о себѣ никакихъ заботъ? А о послѣднихъ что-то не слышно! Инспекціи съ птичьяго полета, совершаемыя новыми дѣятелями, если и даютъ матеріалъ для высшихъ, политическихъ выводовъ, то на практикѣ не приводятъ ни къ чему благопріятному...

VI.

Назначеніе товарищемъ предсѣдателя губернскаго суда.—Дѣло о дуэли Неклюдова и Беклемишева.—Роль въ ней Петрашевскаго.—Мои отношенія къ Петрашевскому.—Ревизія сенатора Толстого и графъ Муравьевъ.—Враги послѣдняго въ Сибири.—«Навозники».

Я сказалъ въ предъидущей главѣ, что графъ Муравьевъ, по возвращеніи моемъ изъ первой поѣздки въ Петербургъ, оставался въ Иркутскѣ и что мнѣ приходилось бывать у него съ докладами и просто обѣдать.

Послѣ одного такого обѣда, въ іюлѣ, графъ Муравьевъ позвалъ меня въ кабинетъ и между нами произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Я хочу васъ просить объ особомъ для меня одолженіи.

— Что прикажете, ваше сіятельство?

— Я думаю, что работы, на васъ возложенныя, не на столько отнимаютъ у васъ время, чтобы вы не могли принять отъ меня еще одно порученіе...

Я спѣшилъ засвидѣтельствовать полную мою готовность принять всякую посильную работу.

— Въ губернской судъ передается надняхъ весьма важное дѣло по поводу извѣстной дуэли. Сенатъ, постановивъ окончательное рѣшеніе о виновныхъ, опредѣлилъ возбудить отвѣтственность судей, постановившихъ первый о нихъ приговоръ. Я, надо вамъ сказать, не довѣряю нынѣшнему составу суда, въ особенности предсѣдателю, который къ тому же страдаетъ болѣзнью — запоя. Мнѣ хотѣлось бы имѣть въ судѣ довѣреннаго человѣка, тѣмъ болѣе, что суду же придется произвести и слѣдствіе, а такъ какъ въ судѣ открылась вакансія товарища предсѣдателя, то, не замѣщая ее, я предложилъ бы вамъ исполнять эти обязанности. Вы сохраните свою теперешнюю должность, а такъ какъ два жалованья совмѣстить нельзя, то вы будете получать болѣе, т. е. по званію товарища. Позаняться въ судѣ будетъ вамъ не бесполезно, а когда надоѣстъ, вы заявите и васъ отчислятъ. Согласны вы?

— Конечно, ваше сіятельство,—отвѣчалъ я.

— Ну, и прекрасно... Я не требую, чтобы вы въ чемъ-либо уклонились отъ закона и внушеній совѣсти,—продолжалъ графъ.—Вникните и рѣшайте дѣло, какъ должно. Напрасно думаютъ, что я преслѣдую этихъ людей. Если бы они были осуждены, я готовъ употребить всѣ старанія, чтобы они были помилованы, но мнѣ хочется возстановить правду. Нельзя же играть судейскою обязанностью и безнаказанно относить молодыхъ людей, можетъ быть и виновныхъ, къ числу убійцъ.. Если я ошибаюсь, пусть будетъ такъ. Я требую безпристрастнаго и совѣстливаго разсмотрѣнія дѣла. Вы меня поняли?

— Понялъ, ваше сіятельство, и исполню на сколько это будетъ въ моихъ силахъ.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ соотвѣтственное предписа-
ніе и вступилъ въ новую должность, при чемъ, по исконному обы-
чаю, соблюдавшемуся въ судѣ, мнѣ, какъ исправляющему должность
товарища предсѣдателя, пришлось вступить въ управленіе вторымъ
отдѣленіемъ суда, въ которомъ сосредоточены были всѣ слѣдствен-
ныя дѣла, т. е. дѣла по преступленіямъ должности и, между про-
чимъ, дѣла рѣшаемыя губернскимъ судомъ, на правахъ суда пер-
вой инстанціи.

Предсѣдателемъ былъ Б—въ, старичекъ, служака старой
школы, звѣздъ съ неба не хватавшій и пороха не изобрѣтшій,
и вообще безобидный, если бы не несчастная болѣзнь, отрывавшая
его отъ дѣла на мѣсяцы и не установившаяся репутація лихоимца,
хотя, во все время пребыванія моего въ губернскомъ судѣ, я не
могъ понять: съ кого и за что можно было брать взятки? Пред-
ниственникъ мой былъ на ножахъ съ Б—мъ. Возможности подоб-
ной борьбы я тоже не понималъ, а потому во все время, что мы
служили съ Б—мъ, между нами не пробѣжало ни одного облачка.
Первымъ отдѣленіемъ управлялъ С—бъ, человѣкъ не глупый, знаю-
щій дѣло, но довольно упрямый. Третьимъ — М—ій, служившій
долго за Байкаломъ, университетскій, крайне симпатичный, но
мизантропъ. Наконецъ, четвертымъ отдѣленіемъ (гражданскимъ)
завѣдывалъ Бут—въ, личность прелестнѣйшая во всѣхъ отноше-
ніяхъ. Съ сослуживцами я сошелся, въ особенности же съ Бут—мъ.

Черезъ нѣсколько дней по моемъ вступленіи въ должность, по-
ступилъ знаменитый указъ сената, переданный въ мое отдѣленіе,
и мнѣ пришлось направлять слѣдствіе, къ которому были привле-
чены члены Иркутскаго и Верхотурскаго окружнаго суда (ихъ
было трое), постановившіе первый приговоръ о дуэлистахъ и об-
виненные сенатомъ въ неправосудіи.

Въ предъидущихъ главахъ я нѣсколько разъ упоминалъ о не-
доброжелателяхъ, которыхъ я создалъ себѣ совѣстливымъ ве-
деніемъ дѣла о Мейерѣ: съ ними не могло быть примиренія,
даже и при счастливомъ для меня исходѣ изъ этого дѣла. Эти
недоброжелатели, вертясь въ высшихъ слояхъ администраціи, въ
качествахъ заступниковъ за Г—ва, и въ низшихъ, были, если
хотите, опасны, потому что во время сказанный злобный на-
мекъ, могъ повредить моему служебному положенію. Но новое дѣло,
на меня возложенное, и которое я повелъ не по указаніямъ графа
Муравьева, а по закону и посовѣсти, создало мнѣ враговъ тѣмъ
болѣе опасныхъ, что они удары своей вражды направляли не на
служебное мое положеніе, а на репутацію какъ человѣка, задѣвая
личное самолюбіе и достоинство.

Приходится по этому остановиться по долѣе на этомъ эпизодѣ

моей служебной дѣятельности, тѣмъ болѣе, что это даетъ мнѣ поводъ объяснить и то раздраженіе, въ которое приведенъ былъ графъ Муравьевъ, побудившее его отнестись сурово къ иркутскому обществу. Считаю нужнымъ припомнить, что изъ лицъ, причастныхъ къ дѣлу дуэли, я близко сошелся лишь съ Шелеховымъ, съ прочими я былъ далеко не въ близкихъ отношеніяхъ, встрѣчаясь съ ними на службѣ, въ обществѣ, но не имѣя съ ними ничего общаго, въ виду хотя бы того, что средства мои не позволяли вести тотъ образъ жизни, который они вели, а лично—они не были мнѣ симпатичны.

16-го апрѣля 1859 г., возвратившись съ проводовъ графа, происходившихъ на берегу Байкала, Беклемишевъ, въ то время членъ совѣта главнаго управленія, и чиновникъ особыхъ порученій того же управленія Неклюдовъ нашли нужнымъ разсчитаться между собой посредствомъ поединка ¹⁾, который и произошелъ между ними, на пистолетахъ, при участіи въ качествѣ секундатовъ, со стороны Беклемишева—чиновниковъ особыхъ порученій Анненкова и Гурьева, а со стороны Неклюдова—Шелехова и Молчанова (моего предшественника по губернскому суду). Поединокомъ этотъ имѣлъ несчастный исходъ. Неклюдовъ былъ смертельно раненъ и, въ тотъ ли самый день или на другой, умеръ. Что подало поводъ къ поединку—исторія умалчиваетъ. Одни говорили—женщина, другіе ссылались на неблагоприятныя дѣйствія Неклюдова, въ которыхъ онъ былъ прямо обвиненъ Беклемишевымъ. Третьи указывали на рядъ неудовольствій, возникшихъ между Неклюдовымъ и сотоварищами его, неудовольствій, которыя копились мало по малу и должны были разразиться катастрофой. Фактъ, не подлежащій сомнѣнію, что Неклюдовъ не пользовался симпатіей товарищей и одинаково съ Беклемишевымъ и его секундатами—симпатіей общества.

Фактъ поединка, съ несчастнымъ исходомъ, вездѣ, гдѣ бы онъ не случился, не проходитъ безъ извѣстной сенсаціи въ обществѣ. Тѣмъ значительнѣе должна была быть сенсація, имъ произведенная въ Сибири, которая поединкомъ еще не знала, такъ какъ это былъ первый случай, происшедшій въ Восточной Сибири. Къ сожалѣнію, онъ сопровождался такимъ несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, которое не умалило неблагоприятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на общество, напротивъ—увеличило его.

Эти несчастныя обстоятельства были слѣдующія. Въ глазахъ

¹⁾ На сколько дуэль эта имѣла отголосокъ, можно судить потому, что въ «Сибирскомъ календарѣ» на 1885 г., т. е. на разстояніи четверти столѣтія, значится день ея, хотя многія болѣе знаменательныя для края событія, забыты. Въ литературу дуэль эта попала (сборникъ Любавскаго), но въ немъ изложено лишь опредѣленіе сената. Сверхъ того, въ «Искрѣ» была карикатура, изображавшая тогдашняго иркутскаго полиціймейстера, глядящаго на дуэль съ колокольни.

общества случившійся поединокъ съ тѣмъ несчастнымъ исходомъ, который онъ имѣлъ, ни чѣмъ не отличался отъ убійства, между тѣмъ, виновные не были даже арестованы; по крайней мѣрѣ въ самый день поединка, Беклемишевъ и секунданты его имѣли безтактность, хорошо ихъ характеризующую, — почти что публично, такъ какъ квартира Беклемишева была на Большой улицѣ, имѣла балконъ, выходившій на улицу,—кутить. Оргія ихъ происходила на балконѣ.

Высшая администрація знала о предстоящей дуэли и не приняла никакихъ мѣръ къ предупрежденію ея ¹⁾, такъ какъ фактъ нахожденія полиціймейстера во время ея на колокольнѣ, съ которой можно было видѣть мѣсто поединка, былъ констатированъ. Затѣмъ, хотя для производства слѣдствія и былъ назначенъ членъ совѣта главнаго управленія Успенскій, дѣятель Рупертовскаго времени, человѣкъ съ твердо сложившейся репутаціей, но и ему не довѣряли въ виду того, что, приступивъ къ слѣдствію, онъ ограничился мѣрой домашняго ареста для Беклемишева, тогда какъ «убійцъ сажаютъ обыкновенно въ острогъ», говорили иркутяне.

Пошелъ затѣмъ слухъ, что Неклюдовъ хотѣлъ избѣжать поединка и съ этой цѣлью, пользуясь разрѣшеннымъ ему отпускомъ, думалъ скрыться, но его удержали силой, что тѣ лица, которыхъ онъ хотѣлъ имѣть секундантами, не были допущены къ этому, а были ему навязаны другіе, которые не оградили, какъ слѣдуетъ, его личности во время поединка. Этотъ фактъ справедливъ только въ томъ отношеніи, что лица, къ которымъ обращался Неклюдовъ, дѣйствительно отказались быть его секундантами, согласился лишь Шелеховъ, къ которому онъ обратился къ послѣднему съ просьбой. Молчановъ же, лично не знакомый съ Неклюдовымъ, самъ предложилъ ему свои услуги, не желая допустить, чтобы со стороны Неклюдова былъ одинъ только секундантъ—обстоятельство, которое ставило въ затрудненіе и противную сторону.

Наконецъ, въ дѣло вмѣшался Петрашевскій. Присужденный, за извѣстное дѣло, въ качествѣ ссыльно-поселенца, онъ пребывалъ въ то время въ Иркутскѣ. Надо знать, что въ тѣ времена въ Иркутскѣ существовала частная библіотека, которая, по вечерамъ, замѣняла для извѣстныхъ лицъ клубъ. Въ этотъ клубъ собирались такъ

¹⁾ Фактъ этотъ объясняется рыцарскимъ характеромъ К. К. Венцеля, не допускавшимъ возможности помѣшать дуэлистамъ. При рассмотрѣніи этого дѣла въ сенатѣ, послѣдній имѣлъ въ виду переписку 3-го Отдѣленія собственной канцеляріи по доносу одного офицера, который явился жаловаться К. К. Венцелю на товарища, нанесшаго ему личное оскорбленіе. Онъ былъ принятъ Венцелемъ крайне непривѣтливо именно потому, что предпочелъ общепринятому способу востановленія своей чести — жалобу. Венцель имѣлъ неосторожность высказаться крайне рѣзко, вслѣдствіе чего доносики и писали, что Венцель обуянъ зловреднымъ духомъ дуэлизма.

называемыя интеллигентныя лица, которыя по чему бы то ни было имѣли зубокъ противъ администраціи, а подобныхъ лицъ было въ то время не мало. Къ этому клубу примыкали и вновь прибывающіе, не имѣющіе знакомствъ въ городѣ, чаящіе мѣсть. Первоприсутствующимъ въ клубѣ былъ, конечно, Петрашевскій ¹⁾, типъ агитатора. Какъ было пропустить ему удобный случай.

¹⁾ Я зналъ Петрашевскаго еще въ Петербургѣ, будучи студентомъ. На знаменитыхъ пятницахъ его я не бывалъ, хотя Петрашевскій и заманивалъ меня на нихъ. Встрѣчался я съ нимъ по понедѣльникамъ у нѣкоего Н—го, котораго Петрашевскій хотя и считалъ однимъ изъ своихъ, но тотъ, устраивая у себя вечера, преслѣдовалъ иную цѣль. У него происходила правильно организованная карточная игра, успѣхъ которой поддерживался чарами сожительницы Н—го, для глазокъ которой молодежь стекалась во множествѣ. За ужиномъ, конечно, происходили зловредные разговоры, но никто изъ насъ не придавалъ имъ особеннаго значенія. Не за долго до арестованія, въ одинъ изъ понедѣльниковъ, Петрашевскій особенно настойчиво приглашалъ меня къ себѣ, сознавшійся на этотъ разъ, что у него, будто, дѣло на мази. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы спросить Петрашевскаго: какія же идеи онъ преслѣдуетъ, подъ какимъ знаменемъ придется дѣйствовать его единомышленникамъ и какъ предполагаетъ онъ отнестись къ крѣпостнымъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ какую-то чепуху, а относительно послѣдняго вопроса: «подождать». Тогда я высказался прямо, чтобы онъ на мое участіе не рассчитывалъ. Тѣмъ не менѣе, означенныя пятницы меня заинтересовали и на одну изъ нихъ я, было, собрался идти, но Провидѣніе меня спасло. Я обѣдалъ въ эту пятницу у замужней сестры своей и она, уже неизвѣстно почему, отговаривала меня. Я стоялъ упорно на своемъ. Вдругъ съ сестрой дѣлается обморокъ, а такъ какъ я былъ съ нею одинъ, то пришлось послать за докторомъ, а потомъ просидѣть у постели сестры до половины ночи. Такъ визитъ мой не состоялся. Это была чуть ли не предпослѣдняя пятница. О предполагавшемся арестѣ говорилось въ обществѣ гораздо ранѣе. Изъ соучастниковъ Петрашевскаго, мнѣ приходилось встрѣчаться съ Плещеевымъ и Спѣшневымъ, но особенно близокъ я былъ съ Толлемъ, потому что младшій братъ его—былъ мнѣ товарищемъ не только по университету, но и по гимназій. Я часто бывалъ у нихъ въ семействѣ, жившемъ въ такъ называемомъ іезуитскомъ домѣ. Густавъ Толль жилъ отдѣльно, если не ошибаюсь, въ Басковомъ переулкѣ. Разъ, вечеромъ, зашелъ я къ нему и застаю его во фракѣ, готовымъ идти куда-то. Оказалось—пятница. Я сталъ отговаривать Толля, но онъ, на всѣ приводимые мною доводы, отвѣчалъ одно, что въ эту пятницу ему необходимо идти, такъ какъ имъ приготовленъ для прочтенія рефератъ о Богородицѣ и что они вообще ничего не боятся, такъ какъ въ числѣ завсегдатаевъ у нихъ В—въ, кому не извѣстный въ то время жандармскій дѣятель. Было ли это обстоятельство передано Толлемъ Петрашевскому—не знаю, но послѣдній попытался запутать меня въ дѣло, давъ показаніе, что я будто бы предупреждалъ ихъ о предстоящей опасности, за что онъ, Петрашевскій, обозвалъ меня шпиономъ. Подобнаго факта никогда не было, тѣмъ не менѣе дѣломъ 1848 года, когда я былъ въ Гельсингфорсѣ, ко мнѣ являлись и допрашивали человека и дворниковъ о томъ, какъ я живу, многихъ ли принимаю и какъ обхожусь съ прислугой. Сестра моя въ то время жила въ Сергіевской улицѣ. Прислуга ея, въ день ареста, знала о предстоящемъ заарестованіи изъ разговоронъ, происходившихъ въ мелочной лавочкѣ, возбужденныхъ наймомъ въ 3 Отдѣленіи Собственной Канцеляріи, къ ночи этого дня, значительнаго числа каретъ.

И вотъ онъ является къ Карлу Карловичу Венцелю съ смиренной просьбой: не дозволить ли его превосходительство напечатать пригласительные билеты на погребеніе Неклюдова. Подалъ... Дѣйствительно пригласительный билетъ. Добродушнѣйшему Венцелю и не вдомѣкъ было спросить Петрашевскаго: «да вамъ-то что въ этомъ дѣлѣ? Родственникъ вы что ли Неклюдова? Другъ его?» Онъ подмахнулъ разрѣшеніе, не спросивъ даже въ сколькихъ экземплярахъ оно будетъ печататься.

И дивное для Иркутска совершилось дѣло. Пригласительные билеты, съ разрѣшительной надписью К. К. Венцеля, появились афишированными на всѣхъ перекресткахъ, ихъ разсылали по домамъ, всовывали въ руки проходящимъ. Даже нейтральная часть населенія подумала, что это официальный призывъ. И воздали же послѣдній долгъ Неклюдову по заслугамъ. Цѣлый городъ шелъ за его гробомъ. Власти, было, показались, но предпочли ретироваться. И надъ могилой раздалась рѣчь того же Петрашевскаго и въ первый разъ публично произнесены слова: «измѣнническое убійство». Всѣ перечисленные мною обстоятельства слились въ одномъ: представился случай нанести Муравьеву ударъ прямо въ сердце. Вѣдь преступниками были люди ему близкіе, люди, которыхъ онъ отличалъ и приближалъ къ себѣ, люди—его выбора.

Въ Иркутскѣ, какъ было сказано, я пріѣхалъ 3-го іюля того же 1859 года. Еще по дорогѣ въ Иркутскъ, отъ проѣзжающихъ, случалось слышать цѣлыя легенды о поединкѣ. Тяжелѣе всего было мнѣ прослушать этотъ разсказъ отъ встрѣтившагося офицера, съ которымъ послѣ приходилось встрѣчаться въ Иркутскѣ.

— И вы вѣрите тому, что рассказываете?—спросилъ я его, хотя вовсе не зналъ людей, о которыхъ говорилось.

Онъ сконфузился.

— Конечно, я не былъ на мѣстѣ, но весь городъ...

Я промолчалъ.

Слѣдствіе, самымъ добросовѣстнымъ образомъ произведенное, вступило въ Иркутскій и Верхоленскій окружный судъ. Что же дѣлаетъ съ этимъ слѣдствіемъ послѣдній?

Онъ пользуется не слѣдствіемъ, произведеннымъ опытнымъ юристомъ и человѣкомъ, стоявшимъ въ такомъ положеніи, что онъ не задумался бы высказать правду прямо, безъ обиняковъ. Судъ призналъ измѣнническій поединокъ, основавъ свое рѣшеніе на экспертизѣ, но кѣмъ и при какихъ условіяхъ произведенной? Экспертизу эту производилъ Петрашевскій. Она производилась гласно, при свидѣтеляхъ, въ числѣ которыхъ былъ и членъ суда, на обязанности котораго лежалъ докладъ дѣла. Цѣлью экспертизы было доказать, что рана, причинившая смерть, была нанесена въ спину. Чтобъ констатировать это, непризванный экспертъ стрѣлялъ въ доску, поставленную плашмя. И убѣдительно, и вѣрно!

При обыскѣ у члена-докладчика, нашелся не только актъ этой экспертизы, но и выводы изъ нея, написанные рукой Петрашевскаго, которые вошли цѣликомъ и безъ измѣненій въ ту часть приговора, въ которой излагались соображенія о виновности. И такъ судьба людей рѣшилась даже не судомъ...

Что въ данномъ случаѣ судьями руководили не корыстные виды,—несомнѣнно; но законъ (ст. 366 уложенія о наказаніяхъ) требуетъ не однихъ корыстныхъ побужденій. Онъ допускаетъ и личные виды... Приговоръ первой инстанціи былъ, конечно, измѣненъ въ губернскомъ судѣ, но нашелся членъ, который подалъ особое мнѣніе, написанное въ духѣ приговора. Этотъ господинъ, по развитію, стоялъ нѣсколько выше гг. Дороеева, Образцова и Петрова—членовъ окружнаго суда. Онъ принадлежалъ къ числу той же мнимой интеллигенціи, которая муссировала дѣло и, потерявъ, какъ и слѣдовало, мѣсто судьи, прослылъ чуть не мученикомъ за правду.

Объектомъ дѣла, подлежащаго разсмотрѣнію губернскаго суда, въ силу указа сената, было выяснить: доказанъ ли фактъ неправо-судія?

Выше я уже упомянулъ, что приговоръ былъ основанъ на экспертизѣ, не имѣющей смысла, на соображеніяхъ, большая часть которыхъ была продиктована Петрашевскимъ. Обстоятельства самаго поединка авторитетнымъ слѣдствіемъ были выяснены вполне. Объ измѣнническомъ убійствѣ не могло быть и рѣчи уже по одному тому, что какими бы ни были нравственными уродами участники поединка, они были слишкомъ молоды, чтобы сдѣлаться умышленно убійцами. Участіе въ дѣлѣ Шелехова, старшаго возрастомъ, бывшаго студента, студента старыхъ временъ, принявшаго участіе въ поединкѣ по необходимости, отстраняло всякую возможность подозрѣнія.

Фактъ постановленія приговора, не соответствующаго обстоятельствамъ дѣла и постановленнаго при условіяхъ, лишающихъ его всякаго юридическаго смысла, былъ налицо. Оставалось констатировать присутствіе личныхъ видовъ. Но прежде чѣмъ пояснить въ чемъ послѣдніе могли заключаться, позволю себѣ нѣкоторую оговорку.

Оправданіемъ судей могъ служить безспорно идіотизмъ двухъ изъ нихъ, что и было признано въ приговорѣ губернскаго суда. На сколько простирался этотъ идіотизмъ, можно судить по тому, что бывший предсѣдателемъ суда пришелъ благодарить меня за то, что, желая облегчить ему наказаніе, мы сослались на 4 п. ст. 134 уложенія, предусматривающей слабоуміе и глупость обвиняемаго. Другой изъ участвовавшихъ въ рѣшеніи дѣла, до поступленія въ судъ, служилъ въ общемъ губернскомъ управленіи столона-

чальникомъ и добродушнѣйшимъ Карломъ Карловичемъ Венцелемъ былъ смѣненъ, какъ это значилось въ формулярѣ, по неспособности, что не помѣшало, однако, черезъ два или три мѣсяца, опредѣлить его засѣдателемъ въ судъ. Третій членъ, онъ же и докладчикъ, духовнаго происхожденія, получившій воспитаніе чуть ли не въ академіи, былъ, какъ говорится, съ гвоздемъ въ головѣ, что не помѣшало ему, однако, вліять на сотоварищей: онъ орудовалъ всѣмъ дѣломъ.

Ставили въ упрекъ Муравьеву, что онъ повліялъ на рѣшеніе сената. Дѣло темное; но если бы и дѣйствительно было такъ, то могъ ли онъ поступить иначе. Дѣло было обставлено такими побочными декораціями, что впечатлѣніе, ими произведенное, должно было быть изглажено, хотя бы и крутой мѣрой. Авторитетъ власти необходимо было возстановить.

Говорили: было бы человѣчнѣе и проще погнать въ шею подобныхъ судей, но сдѣлай это Муравьевъ, тѣ же проповѣдники завопили бы объ административномъ произволѣ... Онъ предпочелъ дать людямъ возможность оправдаться.

Чтобы объяснить: какіе могли имѣть въ данномъ случаѣ личные виды судьи, пора же наконецъ снять завѣсу съ таинственнаго дѣла и высказать горькую правду.

Судьи, о которыхъ идетъ рѣчь, жили подъ вліяніемъ мѣстнаго тогдашняго общества, которое, ненавидя графа Муравьева, пользовалось, какъ мы сказали, несчастнымъ случаемъ, чтобы вымѣстить на немъ всю злобу, которая накопилась въ душѣ и выхода для которой долго не представлялось удобнаго повода.

Это мѣстное общество состояло съ одной стороны изъ эксплуататоровъ прежняго времени, стиснутыхъ Муравьевымъ въ извѣстныя рамки: они не могли позабыть о старомъ Рупертовскомъ времени, когда въ ихъ рукахъ была вся Сибирь. Съ другой стороны, въ составъ этой враждебной партіи входило мѣстное чиновничество, которое будто бы было оттиснуто Муравьевымъ на задній планъ. Эти лица, потерявшія свое преобладающее значеніе, очевидно не могли помириться съ вновь созданнымъ имъ положеніемъ.

Кто, подобно мнѣ, имѣлъ случай ознакомиться съ драгоценными матеріалами ревизій Восточной Сибири сенатора Толстого по подлиннымъ документамъ—а за ревизіей этой послѣдовало назначеніе Муравьева генераль-губернаторомъ, тотъ пойметъ: на сколько дѣятельность послѣдняго, направленная вначалѣ исключительно на подъемъ матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія народа, могла придтись по вкусу современному, сибирскому обществу. Оговариваюсь вначалѣ, потому что эта симпатическая дѣятельность, такъ сказать внутренняя, эта непрестанная борьба съ эксплуатацией и злоупотребленіями, свившими себѣ гнѣздо въ Восточной Сибири, эта непрерывная попечительность объ интересахъ народа, со

стороны Муравьева продолжались до тѣхъ поръ, пока его не увлекли политическія соображенія вообще и Амуръ въ частности. Этимъ-то и объясняется возможность фактовъ, описанныхъ мною во второй и третьей главахъ. Въ началѣ управленія Муравьева они были бы не мыслимы. Человѣкъ того времени, съ умомъ государственнымъ и проникательнымъ, одаренный энергіей и въ то же время увлекающійся, Муравьевъ велъ выпавшую на его долю борьбу такими способами, которые, при современныхъ понятіяхъ, могутъ показаться не сообразными. Но государственнаго человѣка надо судить съ точки зрѣнія не современныхъ понятій, а тѣхъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ жилъ. На сколько борьба эта была сурова, на сколько она шла въ разладъ съ понятіями общества, которому пришлось выносить ее на своихъ плечахъ, можно судить по тому, что, на разстояніи 25 лѣтъ, насъ раздѣляющихъ, находятся еще современники ея, пострадавшіе и стоявшіе въ сторонѣ, — которые, подъ вліяніемъ духа времени и ихъ коснувшагося, хотя и не отвергаютъ, что Муравьевъ былъ воодушевленъ благими намѣреніями, тѣмъ не менѣе не могутъ говорить хладнокровно о способахъ, употреблявшихся имъ для борьбы. Лучшимъ способомъ оцѣнки въ этомъ случаѣ мы признаемъ результатъ. Достигъ ли Муравьевъ желаемого? Въ извѣстной мѣрѣ—да. Если исключить частные случаи, какъ очевидно, служившій при Муравьевѣ сравнительно не много, сравнивая то, что я засталъ съ тѣмъ, что было записано сенаторомъ Толстымъ, я не усумнюсь удостовѣрить, что Сибирь 1859 года далеко ушла впередъ. Одна Енисейская губернія сохраняла слѣды Рупертовскаго періода. Это была язва, которую нельзя было залѣчить, что и побуждало Муравьева желать отдѣлаться отъ нея, какъ можно скорѣе.

О борьбѣ съ эксплуатаціей едва ли нужно распространяться. Что она порождала массу враговъ—несомнѣнно. Что вражда не могла, да и не можетъ до сихъ поръ успокоиться—столь же понятно. Но графъ Муравьевъ создалъ себѣ враговъ въ мѣстномъ чиновничествѣ: эта вражда имѣла болѣе серьезный характеръ, между тѣмъ она была неизбежна, а Муравьевъ—не могъ же дѣйствовать одинъ. Ему нужны были сотрудники. Но могли ли быть этими сотрудниками тѣ, которые были воротилами въ Рупертовское и предшествовавшее ему время. Очевидно нѣтъ. Въ ближайшее время, мы были свидѣтелями борьбы другого лица, одареннаго не меньшей энергіей, воодушевленнаго столь же благими намѣреніями и державшагося противоположной системы въ выборѣ сотрудниковъ: онъ мнилъ въ старые мѣха влить свѣжее вино. И не добился цѣли. Что же оставалось дѣлать Муравьеву?

Смѣнить однихъ и поискать на мѣстѣ—другихъ. Но надо припомнить, что въ тѣ времена, при отсутствіи способовъ къ мѣстному образованію (на всю Сибирь существовала одна гимназія), доступъ

къ среднему, не говоримъ высшему образованію, даже въ Европейской Россіи былъ не мыслимъ. Да и сила прежняго чиновничества заключалась не въ образованіи.

Прямимъ послѣдствіемъ такого положенія было то, что Муравьеву не оставалось ничего болѣе, какъ искать себѣ сотрудниковъ внѣ Сибири. Это-то создало ему враговъ. Хотя я и не скрываю, что, не смотря на кратковременность своего служенія при графѣ Муравьевѣ, я многимъ ему обязанъ, тѣмъ не менѣе, вѣрный предпосланной себѣ задачѣ—относиться къ фактамъ, заносимымъ въ воспоминанія, съ полнымъ безпристрастіемъ, свидѣтельствую, что обвиненіе графа Муравьева въ систематическомъ преслѣдованіи мѣстныхъ чиновниковъ преувеличено, такъ какъ я могу перечестъ не одинъ десятокъ дѣятелей стараго времени, не только усидѣвшихъ на своихъ мѣстахъ, но пользовавшихся и при графѣ авторитетомъ. Я признаю въ то же время, что выборъ свѣжихъ силъ былъ не всегда удаченъ, и что Муравьевъ въ силу характера своего, способнаго на безграничное увлеченіе и слѣпое довѣріе, не умѣлъ или не хотѣлъ держать своихъ новыхъ сотрудниковъ какъ слѣдуетъ.

Историческая кличка «навозные», преслѣдовавшая эти свѣжія силы, ко многимъ изъ нихъ примѣнялась вполнѣ справедливо. Не будемъ распространяться о выходящихъ изъ ряда случаевъ, какъ напримѣръ, о князѣ Л., нагло обманувшемъ довѣріе графа, но спросимъ: многіе ли изъ этихъ свѣжихъ силъ оставили по себѣ въ краѣ не только благодарную, но хоть какую-нибудь сносную память. Большинство такъ называемой золотой молодежи, окружавшей графа Муравьева, пользовавшейся его довѣріемъ и снисходительностью, если даже и допустить, что они дѣлали свое дѣло и были, въ смыслѣ чиновничества, честными, держали себя на столько высокомерно по отношенію къ мѣстному обществу, на столько нагло, жизнь внѣ служебную проводили на столько не соотвѣтственно, что могли сдѣлаться притчей во языцѣхъ и въ болѣе развитомъ обществѣ. Они создали Муравьеву не малое количество враговъ, совершенно лишнихъ. Къ сожалѣнію, онъ ихъ отстаивалъ... Въ комъ нѣтъ слабостей, а въ людяхъ съ высшими стремленіями, самой судьбой выдвигаемыхъ на первый планъ, подобныя слабости проявляются сильнѣе.

Самая дуэль, о которой идетъ рѣчь, должна ли была имѣть мѣсто, если бы личности, состряпавшія ее, относились къ графу Муравьеву, имъ благодѣтельствовавшему, съ должной степенью благодарности и уваженія. Возникшая, изъ-за серьезныхъ поводовъ или изъ-за пустяковъ, между лицами, про которыхъ можно бы было сказать: одинъ другого лучше, развѣ она не могла быть отстранена, а если была неизбежна, то, въ силу чувства приличія, нельзя развѣ было разыграть ее внѣ Сибири?

Если присоединить къ указаннымъ нами враждебнымъ элементамъ—случайный, явившійся въ лицѣ Петрашевскаго, то весьма понятными станутъ тѣ послѣдствія, которыя имѣла пресловутая дуэль, а равно и то, что подкладкой этихъ послѣдствій было нѣчто болѣе серьезное, требовавшее принятія мѣръ энергическихъ. Отъ искры—пожары бываютъ сокрушительные.

Замѣтимъ, что при всей очевидной виновности Петрашевскаго противъ него не было принято никакихъ мѣръ. Честь обузданія этого несчастнаго человѣка выпала на долю Корсакова.

Говорю это съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что на совѣсти этого человѣка лежало совращеніе съ пути нѣсколькихъ юношей, пріѣхавшихъ одновременно со мной, о которыхъ я говорилъ выше.

Графъ Муравьевъ, какъ извѣстно, не довѣрялъ университетскому образованію. Онъ предпочиталъ въ особенности лицейство. Корсаковъ хотя и сказалъ мнѣ, что онъ принимаетъ меня на службу, на личную свою отвѣтственность, тѣмъ не менѣе оказалось, что онъ, кромѣ меня, завербовалъ еще нѣсколько молодыхъ людей и, въ томъ числѣ, студентовъ. Между нами была та существенная разница, что я появился въ Сибири послѣ восьмилѣтней службы, они же—прямо съ университетской скамьи, что я привезъ рекомендательное письмо, а они не были снабжены ни какимъ. За мое время въ Сибири была одна скверная черта. Стоило пріѣхать военному, хотя бы съ замараннымъ хвостомъ, чтобы быть принятымъ начальствомъ съ распростертыми объятіями, а по стопамъ начальства шло и интеллигентное общество. Военные *de facto* содѣлывались членами высшего общества, ихъ носили чуть не на рукахъ и соответственно выдвигали. Совершенно въ другомъ положеніи стояла гражданская молодежь. Оффиціальныи пріемъ, сухое слово «ждите»... и затѣмъ ни малѣйшей заботливости объ юношахъ, не имѣющихъ ни знакомства, ни средствъ къ жизни. То же самое случилось и съ той молодежью, о которой я повелъ рѣчь. Исключая двухъ, прибывшихъ одновременно со мною, лицейство, одного, хотя и университетскаго, но бывшаго въ родственныя отношенія съ Деспотъ-Зеновичемъ, тогдашнимъ кяхтинскимъ градоначальникомъ, что оставалось дѣлать прочимъ, заброшеннымъ въ Иркутскъ въ теченіе 6 или 7 мѣсяцевъ томительнаго ожиданія. Правда, въ числѣ ихъ были и виноватые. Имъ предлагали мѣста столоначальниковъ, даже въ губернскихъ мѣстахъ, но они, съ неумѣстной гордостью, отвергли эти предложенія, объявивъ, что помирятся лишь съ назначеніемъ ихъ въ чиновники особыхъ порученій. Какъ бы то ни было, брошенная на произволъ судьбы молодежь ухватилась, какъ за якорь спасенія, за бібліотеку, о которой я говорилъ. Тутъ ихъ ждалъ и учитель. Результатъ—оппозиція противъ администраціи, глупыя и неумѣстныя выходки, а эпилогъ—сцена, о которой я упоминалъ выше. Одинъ изъ этой молодежи, послѣ пріема, какъ говорятъ, ушелъ

пѣшкомъ изъ Восточной Сибири. Одинъ—пристроился въ Западной Сибири, гдѣ у него были родственники.

Резюмируя все сказанное, мы должны придти къ положительному заключенію, что судьи, постановлявшіе явно неправосудный приговоръ надъ людьми, хотя и виновными, при прежней осторожности судовъ, предпочитавшихъ, по завѣту Екатерины, отпустить десять виновныхъ осужденію одного невиннаго, дѣйствовали очевидно изъ личныхъ видовъ. Имъ надо было наложить извѣстное клеймо на людей, которыхъ они не долюбливали.

Столь же естественно, что, мы, призванные судить ихъ, установивъ фактъ неправосудія, не могли погладить виновныхъ по головкѣ, а потому, признавъ всѣ возможныя уменьшительныя обстоятельства, приложили къ нимъ законъ во всей строгости. Сенатъ, сколько помнится, смягчилъ нашъ приговоръ, однако не коснулся существа его. Это опредѣленіе состоялось, когда графъ Муравьевъ не былъ уже генералъ-губернаторомъ и былъ за границей, слѣдовательно, повліять онъ не могъ.

Хотя окончательное рѣшеніе коснулось только трехъ лицъ, но очевидно, оно задѣло массу оставшихся въ сторонѣ лицъ, прямо или косвенно содѣйствовавшихъ осужденнымъ.

Весьма естественно, что они не могли принять этотъ приговоръ благосклонно. Графа Муравьева уже не было. На комъ же было излить безсильную злобу?

Конечно на мнѣ. Замѣчу въ заключеніе, что предсѣдатель губернскаго суда, какъ истый сибирякъ, успѣлъ во время захворать и приговоръ пришлось подписать мнѣ.

VII.

Зинаида Ивановна Трапезникова. — Моя общественная дѣятельность. — Первая женская воскресная школа въ Восточной Сибири. — И. И. Базановъ. — Николай Павловичъ Игнатьевъ въ Иркутскѣ. — Бакунинъ въ Восточной Сибири. — Полиціймейстеръ Сухотинъ. — Его бѣдственная кончина. — Закатилась зорька Восточной Сибири.

Съ зимы 1860 года началась, и моя общественная дѣятельность.

Въ этомъ году послѣдовало открытіе перваго разсадника женскаго образованія въ Иркутскѣ—если не считать института, сиропитательнаго дома и пріюта,—второразряднаго женскаго училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, типа, преподаннаго А. В. Головиннымъ. Во главѣ этого училища долженъ былъ стоять попечительный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ предводителя дво-

рянства, а за неимѣніемъ таковыхъ въ Сибири—предсѣдателя губернскаго правленія, двухъ членовъ отъ дворянъ и двухъ отъ городского общества. Такъ какъ дворянскихъ выборовъ у насъ не существовало, то, по приглашенію начальника губерніи. Из—го, я былъ удостоенъ чести быть назначеннымъ въ совѣтъ представителемъ отъ дворянства: со стороны городского общества однимъ изъ представителей, по званію городского головы, былъ И. С. Хаминовъ. Училище обязано своимъ открытіемъ его инициативѣ. Городское общество ассигновало опредѣленную ему субсидію и отвело даровое помѣщеніе. Помню, какъ едва-едва, при содѣйствіи полиціи, ко дню открытія училища, удалось собрать въ него семь ученицъ. Фактъ этотъ характеризуетъ уровень умственного развитія тогдашняго общества, того самаго, которое брало на себя судъ надъ государственнымъ дѣятелемъ. Купечество познатѣе лѣзло въ институтъ, мелочники же довольствовались для дочерей и домашнимъ образованіемъ. Въ теченіе 14 лѣтъ, почти что непрерывной дѣятельности моей по училищу, послѣдовательно преобразовавшемуся изъ второразряднаго въ перворазрядное и затѣмъ въ гимназію, при чемъ мнѣ пришлось независимо отъ членства въ совѣтѣ и завѣдыванія всѣмъ дѣлопроизводствомъ его, быть одновременно преподавателемъ въ училищѣ, а затѣмъ предсѣдателемъ попечительнаго совѣта его, это малое зерно разрослось до того, что въ спискахъ гимназіи числилось уже не семь, а болѣе 200 ученицъ, мнѣ же, какъ гласному иркутской городской думы, по новому положенію, выпало на долю возбудить вопросъ о необходимости учрежденія особой прогимназіи, такъ какъ впослѣдствіи пожертвованный для училища Хаминовымъ домъ оказывался тѣснымъ. Предположеніе это осуществилось послѣ моего отъѣзда изъ Сибири.

Выше я попытался охарактеризовать Хаминова, какъ жертвователя. На училищѣ характеръ его вполне обрисовался. Ни къ селу, ни къ городу—онъ жертвуетъ училищу домъ, за что, конечно, получаетъ соотвѣтственную награду, но не заботится о томъ, чтобы общество увеличило назначенную имъ субсидію. Съ перваго же года владѣнія домомъ въ смѣту училища вносятся новыя статьи: страхованіе, отопленіе, ремонтъ его, статьи, которыхъ мы не знали прежде, помѣщаясь въ общественномъ зданіи. Но слѣдую правилу: даровому коню въ зубы не смотрять, Хаминовъ, приобрѣтая домъ по случаю, отремонтировалъ его лишь для вида. Общество въ прибавкѣ средствъ отказывается, приходится или кланяться, или приносить въ жертву излишнему комфорту болѣе важные интересы.

Если такимъ образомъ по отношенію къ пожертвованіямъ на училище и гимназію, Хаминовъ держался поговорки: «на тебѣ, Боже, что мнѣ не гоже», то, понятво, что онъ былъ не выносимъ, когда дѣло шло о какомъ-нибудь серьезномъ улучшеніи, о расширеніи программы курса, о послѣдовательномъ преобразованіи.

— И того, что есть, довольно. Нашимъ дочерямъ бѣльшаго не нужно. Вы ихъ переучите...

Вотъ фразы, которыми онъ оспаривалъ всякое предложеніе объ улучшеніи, даже если его предполагалось совершить безъ посягательства на его карманъ.

Первой попечительницей училища была А. О. Изв—ая, первой начальницей—А. А. Пф—съ, дама, о педагогической подготовленности которой къ этому званію, не могло быть и спора. Она была вполне на своемъ мѣстѣ. Мы только не могли сойтись съ ней въ одномъ—въ проведеніи опредѣленной грани между тѣмъ, что принадлежитъ училищу и что ей.

По отъѣздѣ Из—хъ, мы избрали попечительницей Зинаиду Ивановну Трапезникову, женщину (ея уже нѣтъ въ живыхъ), къ которой, сравнительно, Иркутскъ относился незаслуженно холодно. Она дѣлала столько добра и вообще, и спеціально для училища и гимназій, что, на поприщѣ пожертвованій едва ли не перещеголяла многихъ акробатовъ благотворительности; правда, какъ женщину, ее невозможно было обвѣшивать орденами. Покойная Зинаида Ивановна и не нуждалась въ суетныхъ отличіяхъ. Она имѣла свои взгляды на предметы, была не безъ причудъ, свойственныхъ и старости, и нѣмецкой натурѣ, объяснявшихся, кромѣ того, и тяжелой жизнью, которая выпала на ея долю, во время замужества, но какъ женщина, и женщина воспитанная, она сочувственнѣе отзывалась ко всякому несчастію, ко всякой нуждѣ. И надо было видѣть, какъ умѣлъ ее эксплуатировать тотъ же Хаминъ. И смѣшно было порой, и грустно. Если въ программу засѣданія попечительнаго совѣта входило что-либо такое, что могло бы привести къ вопросу о пожертвованіи, то Хаминъ всегда упрашивалъ, чтобы засѣданіе происходило у З. И. Трапезниковой, или, чтобы она присутствовала въ засѣданіи сама. Дойдетъ дѣло до щекотливаго вопроса. Хаминъ прикидывается крайне заинтересованнымъ и заявляетъ готовность пожертвовать. Стоитъ только Зинаидѣ Ивановнѣ услышать это, тотчасъ же между ею и Хаминовымъ возникаетъ препирательство.

— Нѣтъ, Иванъ Степановичъ,—говоритъ она,—этого нельзя, вы ужъ такъ много жертвовали и жертвуете... этотъ расходъ я приму на себя.

— Что вы, что вы, матушка Зинаида Ивановна, не считаться же намъ въ мелочахъ. Вы и то тратитесь. Нѣтъ, нѣтъ,—обращается онъ къ секретарю,—такъ и запишите, что этотъ расходъ я принимаю на себя.

И дойдетъ это препирательство до того, что, играя роль вѣжливаго кавалера, Хаминъ уступитъ, увѣряя, что это въ послѣдній разъ, или сама Зинаида Ивановна вынесетъ требуемую сумму и выложитъ на столъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, Хаминъ совершаетъ лобызаніе руки у Трапезниковой, а иногда заявить претен-

зію на бутылочку, которая тутъ же и распивается. А за дверьми тотъ же Хаминовъ похваляется: «каково, молъ, обработалъ. И всегда такъ будетъ, коли захочу».

Но, отстраняя въ сторону эти мелочные факты, я долженъ сказать, что, при сотрудничествѣ такихъ людей, какъ покойный Бобановскій, предсѣдательствовавшій, по званію директора мужской гимназіи, въ педагогическомъ совѣтѣ, и всего педагогическаго персонала училища, дѣло у насъ шло. Училище послѣдовательно развивалось, приобрѣтало все большее и большее довѣріе и сдѣлалось необходимою для Иркутска.

21-го ноября 1860 года, на собранныя пожертвованія, мною была открыта въ Иркутскѣ женская воскресная школа — первая въ Восточной Сибири. Просуществовала она до 1864 года и закрылась одновременно со всѣми прочими.

По приглашенію того же начальника губерніи, я вступилъ директоромъ въ мѣстный тюремный комитетъ. Эта дѣятельность привела меня въ столкновеніе съ личностью, которая въ то время была терпима, впоследствии же играла и не малую роль въ Иркутскѣ. Не помню для чего, образована была по тюремному комитету особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя казенной палаты, П. И. Какуева, при участіи моемъ, совѣтника казенной палаты Яковенко, казначея комитета П. О. Катышевцева и купца И. И. Вазанова. Комиссія собиралась у меня, по вечерамъ, и, послѣ трудовъ праведныхъ, подавалась закусочка. Вотъ послѣ одной изъ такихъ закусокъ, г. Базановъ увлекся и, не прощенный, сталъ намъ рассказывать, представляя въ лицахъ, какъ онъ устраивалъ въ Западной Сибири двѣ или три несостоятельности, какъ онъ одѣвался въ грязные хламы, какъ заманивалъ кредиторовъ къ себѣ, валялся въ ногахъ у нихъ, заставлялъ дѣлать то же жену свою, какъ они его сперва ругали, какъ потомъ, подъ вліяніемъ водочки, становились мягче и мягче, и какъ, наконецъ, соглашались отпустить его на всѣ четыре стороны, взявъ 5-ти или 10-ти копѣечную дань. Рассказъ этотъ былъ до того циниченъ, что слушать было противно, а между тѣмъ этотъ же Базановъ, котораго отлично умѣлъ доить генераль-губернаторъ Синельниковъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, сдѣлался миллионеромъ и умеръ, оставивъ мужу своей дочери состояніе, равняющееся чуть не Шереметьевскому. Думалъ ли и самъ Сиверсъ, будучи чиновникомъ особыхъ порученій, и завѣдуя мастерски театромъ, что лѣтъ черезъ десять онъ женится на дочери того же Базанова, похоронитъ и ребенка и жену, переживетъ сына своего тестя и послѣ смерти его наследуетъ все громадное состояніе. Поневолѣ придетъ въ голову изреченіе: «родись не умнѣй, не пригожѣ, а счастливѣ», или извѣстный куплетъ:

«Жизнь—комедія, гдѣ случай

«Людымъ роли раздаетъ» .

А сколько Базановъ пустилъ по міру? Сколько, будучи уже богачемъ, онъ обсчиталъ? Разсчитаться честно, копѣйка въ копѣйку,—было не въ природѣ этого господина. Надо было всегда поторговаться, позатынать дѣло, не уступить ли съ гривны — алтынъ. Живо помню слѣдующій случай. Былъ Базановъ участникомъ въ парокходствѣ по Ленѣ. Пришлось ему быть по очереди распорядителемъ. Капитаномъ былъ аккуратный шведъ; жалованье, условленное по контракту, онъ не проживалъ, сберегая его для отъѣзда на родину. Прошло условленное время, получилъ онъ совершенно чистую квитанцію отъ мѣстной конторы и пріѣхалъ въ Иркутскъ, разсчитывая получить удовлетвореніе отъ самого Ив. Ив. Базанова и немедленно отправиться на родину. Не тутъ то было. Ив. Ив. Базановъ повертѣлъ квитанцію въ рукахъ, нашелъ какія-то сомнѣнія, надо, говоритъ, спросить мѣстную контору. Шведъ удивился, но промолчалъ. Пошла переписка. Разстояніе не близкое. Получается вполнѣ удовлетворительный для капитана отвѣтъ. Является онъ опять къ Базанову.

— Я, говоритъ, затрудняюсь: какъ ты могъ сберечь такую сумму. Вѣдь тебѣ надо было кормиться, одѣваться, чай, на родину посылалъ; значить, ты меня обворывалъ... Наконецъ, мѣстная контора можетъ быть въ заговорѣ съ тобой. Вотъ, поѣду лѣтомъ, обривизую...

Но шведъ погрозилъ судомъ.

— Ну, получай половину и останься еще на годъ.

— Служить не хочу, деньги отдавай всѣ, да въ придачу заплати за все, что я проѣлъ и пропилъ въ Иркутскѣ, въ ожиданіи расчета.

Дѣло дошло до полицейскаго разбирательства. Поставленный въ необходимость удовлетворить навязчиваго капитана, Базановъ попытался и тутъ пустить фортель. Расчетъ приходился съ копѣйками.

— Мелочи, говоритъ, нѣтъ, останется за мною.

— Давайте рублевку,—отвѣчаетъ капитанъ,—сдачи дамъ,—и отваливаетъ миллионеру мѣдяками.

— Вотъ народецъ-то,—жаловался Базановъ...

Если Базановъ распоряжался такимъ образомъ съ своими служащими и въ домашней обстановкѣ отказывалъ себѣ во всемъ, то, по части служенія Эроту, онъ былъ ловокъ, и сколько на этой амурной струнѣ надъ нимъ продѣлывали грязныхъ штукъ, даже мальчишки! Онъ сдѣлался въ Иркутскѣ—притчей во языцѣхъ. Къ благотворительности, которою ознаменовалъ себя Базановъ въ концѣ жизни, его подтолкнулъ генералъ-губернаторъ Синельниковъ, довольно оригинальнымъ способомъ, а потомъ — тщеславное желаніе перегнать въ почестяхъ Хаминова. Онъ, дѣйствительно, перегналъ послѣдняго на дорогѣ къ кладбищу. За то нашлись въ Петербургѣ

поклонники, которые служили по Базановѣ панихиды, а память Хаминова не почтили ею даже и тѣ, которые, при жизни, объѣдали его!

Благодаря присутствію въ Иркутскѣ графа Муравьева и измѣнившимся отношеніямъ его къ обществу, зимній сезонъ 1860 года прошелъ весьма оживленно. Графъ Муравьевъ обладалъ драгоценнымъ даромъ оживлять всякое общество, въ которомъ онъ показывался. Государственныя заботы, личныя думы — откидывались въ сторону. Пріятнѣйшій собесѣдникъ, ровный со всѣми, онъ не стѣснялъ никого, не нагонялъ гробового молчанія, не принуждалъ сосредоточиваться около него и слушать только его.

Этой же неоцѣненной способностью вносить миръ и спокойствіе обладала и другая личность въ Иркутскѣ, но тотъ достигалъ этой цѣли добродушнѣйшей фizioноміей и характеромъ. Говоримъ о начальникѣ артиллеріи, покойномъ В. П. Кондратьевѣ. Альминскій герой, обладающій болѣе чѣмъ почтенной репутаціей, во взглядахъ и убѣжденіяхъ скромнѣйшій человекъ, онъ вселялъ во всѣхъ искреннѣйшее къ себѣ уваженіе и даже болѣе теплыя чувства. Бывало войдетъ онъ, взглянешь на его спокойное лицо, и всякая душевная буря невольно уляжется. За то въ картахъ онъ былъ не выносимъ. Зналъ я и испыталъ не спокойныхъ партнеровъ, Изв—го, Шел—ва, доктора Грж—аго, типа въ своемъ родѣ, но тѣ, по крайней мѣрѣ, были врагами лишь во время игры. Кончится она и все забыто. Кондратьевъ же не только явилъ васъ за сдѣланную ошибку игры, но онъ не забывалъ ея: онъ попрекалъ ею и на завтра и спустя недѣлю, мѣсяцъ, при каждой встрѣчѣ, въ особенности же, если вы сажались играть съ нимъ. Такимъ же характеромъ не возмутимаго добродушія, котораго не могло взволновать ничто, и который къ самымъ серьезнымъ катастрофамъ относился съ неизмѣнной улыбкой, былъ И. А. Федченко, «милый коммерсантъ», какъ мы его называли. На какія партіи не дѣлилось иркутское общество, онъ былъ принятъ во всѣхъ и одинаково цѣнимъ всѣми. Коммерсантъ, ведшій разнообразнѣйшія дѣла, въ то время, какъ изъ сотоварищей его рѣдкій не имѣлъ замараннаго хвоста по поводу ли происхожденія капитала, по поводу ли способа веденія дѣлъ, онъ пользовался безупречною репутаціей, безусловнымъ довѣріемъ. Конечно, онъ и не обладалъ значительными капиталами, какъ его товарищи,—не умѣлъ составить ихъ!

Сезонъ, о которомъ я намѣренъ говорить, былъ съ одной стороны блестящимъ, съ другой — изобиловалъ и нѣкоторыми драматическими эпизодами.

Начало зимняго сезона ознаменовалось проѣздомъ черезъ Иркутскъ нашего посла въ Китай Н. П. Игнатьева, послѣ заключенія имъ знаменитаго трактата. Графъ Муравьевъ, воздавая должное заслугамъ его, устроилъ ему, если не торжественную, то глу-

боко сочувственную встрѣчу. Встрѣтивъ его лично на перевозѣ, графъ Муравьевъ провелъ его въ залу, гдѣ городское общество поднесло гостю хлѣбъ-соль; затѣмъ, въ другой залѣ, ожидало главное управленіе, т. е. совѣтъ и мы, чиновники особыхъ порученій. «Это, сказалъ графъ Муравьевъ, мои ближайшіе совѣтники и товарищи. Они, какъ и я, высоко цѣнятъ заслугу, которую ты оказалъ Россіи и въ частности Сибири». Затѣмъ послѣдовали обѣды, литературный вечеръ, любительскій спектакль, въ которомъ и я фигурировалъ, сопровождавшійся ужиномъ для участниковъ, даннымъ гостемъ, наконецъ проводы, устроенные по подпискѣ, которые никогда не изгладятся изъ моей памяти. Мнѣ приходилось видѣть графа Муравьева въ многочисленныхъ, такъ сказать, открытыхъ собраніяхъ. Впечатлѣніе, имъ производившееся, я описалъ. На проводахъ Н. П. Игнатьева мнѣ пришлось видѣть того же графа Муравьева, хотя и въ не малочисленномъ кружкѣ лицъ, разнообразныхъ, начиная съ членовъ совѣта главнаго управленія, кончая юношами, но въ кружкѣ замкнутомъ, и графъ Муравьевъ привелъ меня въ восхищеніе. Проводы происходили въ загородномъ домѣ. Началось съ чиннаго обѣда и съ не менѣе чинныхъ спичей. Но потомъ все перемѣшалось: пошли спичи другого рода, началось пѣніе, закончилось пляской... Графъ Муравьевъ былъ неизмѣнно ровень, веселъ. Его присутствіе не стѣсняло никого. Помню, что я произнесъ забористый спичъ и заключилъ его воззваніемъ «выпить за народъ».

Принявъ участіе въ этомъ тостѣ, графъ Муравьевъ сказалъ мнѣ съ улыбкой:

— Я не подозрѣвалъ, что вы такой народникъ.

— Онъ, кажется, доказалъ это на дѣлѣ, — сказалъ кто-то изъ близко стоящихъ...

— И совѣтую вамъ, — сказалъ мнѣ графъ, — не отвлекаться отъ этого направленія. Служите народу: онъ заслуживаетъ жертвъ!..

На ряду съ официальными празднествами, конечно, продолжались и картежная игра (не въ вистъ только) и частные кутежи, пріобрѣтшіе большее развитіе и заканчивавшіеся не разъ хожденіемъ по ночамъ съ музыкой по улицамъ, въ чемъ начальство не стѣсняло.

Съ политической точки зрѣнія общество, хотя и продолжало будировать начальство, но нѣсколько спокойнѣе. За высылкой Петрашевскаго ¹⁾, на сцену выступилъ Бакунинъ, но онъ не прикасался

¹⁾ Когда, отправленный въ 1860 г. курьеромъ въ Петербургъ къ Муравьеву, я явился къ государственному секретарю В. П. Буткову (управлявшему и дѣлами сибирскаго комитета), то первый вопросъ его былъ: «Опять убійство или драка?» Я отвѣчалъ: «Богъ миловалъ». Когда же онъ вскрылъ привезенные мною конверты и прочелъ донесеніе Корсакова о переселеніи Петрашевскаго въ Минусинскій округъ, то воскликнулъ: «Молодецъ Корсаковъ!»

черни. Онъ плавалъ по верхушкамъ и былъ очень хорошо принятъ у Из—хъ. Держалъ онъ себя въ политическомъ отношеніи очень скромно; хотя за нимъ, за учителемъ, и ходило нѣсколько лицъ изъ молодежи, но я подозреваю по отношенію къ нѣкоторымъ, умыселъ у нихъ былъ иной: пользуясь близостью Бакунина и къ графу Муравьеву, и къ Изв—му, заручиться карьерой, чего, черезъ послѣдняго, они и достигали. Помню бывшіе у Бакунина вечера: квартира не топлённая, грязно содержимая. Приходилось сидѣть въ верхней одеждѣ, согрѣваться чаемъ. Денежныя средства у Бакунина были плохи: ученики доставляли къ чаю коньякъ. А рѣчи лились потоками изъ устъ краснорѣчиваго хозяина. Впрочемъ, онъ пропагандировалъ мало, болѣе всего рассказывалъ о своихъ подвигахъ. Оттого ли, что онъ остерегался, изъ уваженія къ графу Муравьеву, или къ тому времени онъ выдохся, но, лично на меня, Бакунинъ ни какого впечатлѣнія не произвелъ, а послѣдовавшая затѣмъ женитьба его, совершившаяся крайне грязно, и подлая продѣлка его съ Корсаковымъ, внушала къ нему полнѣйшее отвращеніе.

Я уже упоминалъ о полиціймейстерѣ Сухотинѣ. Гусаръ старыхъ временъ, пожившій на своемъ вѣку, гремѣвшій когда-то въ Москвѣ, сѣвшій большее состоянье и разошедшійся съ женой, я уже не знаю, какъ онъ попалъ въ Сибирь. Я засталъ его полиціймейстеромъ, при чемъ между нимъ и графомъ Муравьевымъ существовали самыя близкія отношенія. Графъ Муравьевъ говорилъ, что онъ спитъ спокойно лишь при полиціймейстерѣ Сухотинѣ. Сухотинъ же питалъ къ графу какую-то собачью привязанность. Его слово для Сухотина было закономъ. Онъ готовъ былъ идти за Муравьева въ огонь и воду. Все остальное начальство онъ не ставилъ ни въ грошъ: въ особенности онъ не долюблялъ Из—скаго и былъ крайне недоволенъ, какъ бы лично обиженъ назначеніемъ послѣдняго губернаторомъ. «Поклоняться сопликамъ»,—твердилъ онъ часто. Вообще, человѣкъ преклоннаго возраста, сохранившій еще гусарскія манеры, *bon vivant*, онъ, при всѣхъ странностяхъ своихъ, былъ душа-человѣкъ, честнѣйшихъ правилъ, радужнѣйшій и добрѣйшій. Другого такого полиціймейстера Иркутску не приходилось имѣть. Говорю это на основаніи фактовъ, хотя бы того, что, въ теченіе многихъ лѣтъ его полиціймейстерства, на него не было подано ни одной жалобы. Дѣла у него шли гладко, все общество, безъ исключенія, его любило; одинъ Из—кій, благодаря не воздержности языка Сухотина, косился на него и жилъ съ нимъ не въ ладахъ. Много еще было юношескаго жара въ старикѣ. Приведу два факта: гдѣ бы мы ни кутили, но, поздно ночью, подкатывалъ къ мѣсту гулянки Сухотинъ въ традиціонномъ своемъ фазтонѣ. Его привѣтствовали всегда съ распростертыми объятіями, угощали и т. д. Но цѣль его посѣщенія была высоко охранитель-

ная: онъ развозилъ по домамъ подкутившихъ. Заберетъ онъ, бывало, человѣкъ пять, какъ уже онъ ихъ усадить въ свой фэтонъ—это составляло его тайну, и не успокоится до тѣхъ поръ, пока не доставить каждого въ свой домъ, не уложить въ постель.

Съ Сухотинымъ я познакомился у Савинскихъ въ первый же годъ своего приѣзда, но въ то время отношенія наши не были близки. По возвращеніи изъ Петербурга, мнѣ пришлось поселиться у Сухотина. Городской домъ, который онъ занималъ, былъ громадный, а потому Сухотинъ имѣлъ полную возможность принимать къ себѣ приѣзжавшихъ въ Иркутскъ, по дѣламъ службы, знакомыхъ, такъ что по временамъ домъ его представлялся какъ бы заѣзжимъ дворомъ. Одни уѣзжали, другіе приѣзжали. Къ концу 1860 года, я сталъ замѣчать въ Сухотинѣ громадную нравственную перемѣну. Перемѣна эта выражалась не въ томъ, что старикъ закутилъ, онъ и прежде былъ не прочь кутнуть, но кутежи эти приняты безобразный характеръ. Къ несчастію, оргіи эти въ особенности отзывались на мнѣ. Въ то время я страдалъ грудью и мнѣ было строго запрещено какое бы то ни было излишество. Возвратившись откуда-нибудь вечеромъ, дымъ коромысломъ,—гремѣть военная музыка, или хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ,—смотришь: Сухотинъ кутить съ какимъ-нибудь купцомъ вдвоемъ,—случалось встрѣчать его съ такими лицами, которымъ онъ въ прежнее нормальное время и руки не подалъ бы.

Какъ не добивался и я, и ближе знавшіе Сухотина, въ чемъ дѣло—добиться истины не могли. Кто говорилъ, что онъ потерялъ казенныя деньги, но графъ Муравьевъ такъ любилъ Сухотина, не говорю уже объ обществѣ, что его вывели бы изъ затрудненія. Толковали о несчастной любви и семейныхъ обстоятельствахъ, но Сухотинъ былъ въ такомъ возрастѣ, что былъ застрахованъ отъ первой, а къ разлукѣ съ женой онъ уже привыкъ.

Графъ Муравьевъ не могъ не знать этихъ продѣлокъ, но такъ какъ по службѣ Сухотинъ продолжалъ быть исправнымъ, то онъ и не обращалъ вниманія.

Между тѣмъ, дѣла пошли хуже. Фактъ безпримѣрный—появилась жалоба: она попала въ руки Изв—го. Тотъ придалъ ей особенное значеніе. Потребовали объясненія. Это раздражило еще болѣе Сухотина. Я сталъ опасаться серьезнаго столкновенія, тѣмъ болѣе, что оба, при всемъ добродушіи своемъ, были горячи и вспыльчивы; но судьбѣ угодно было покончить съ Сухотинымъ иначе.

Открывалъ новую гостиницу пресловутый Краузе, который въ послѣдствіи игралъ не малую роль въ Иркутскѣ. Въ то время, онъ только-что показался на горизонтѣ. Послѣ обычнаго молебна и обильнаго завтрака, на который приглашены были избранные, Сухотинъ съ кѣмъ-то изъ своей компаніи остался допивать вино. Является Бакунинъ съ своей компаніей и въ томъ числѣ аптекаръ

Ш—ъ, всѣ подъ рядъ ненавидимые Сухотинымъ. Садятся за отдѣльный столъ. Приходить на мысль этой послѣдней компаніи предложить Сухотину бокаль вина. Порученіе это принимаетъ на себя Ш—ъ. Сухотинъ отвѣчаетъ, что онъ пьетъ всегда свое вино, тѣмъ менѣе способенъ принимать его отъ іерусалимскихъ дворянъ. Намекъ относился прямо къ Ш—у. Сотоварищи за него заступаются. Начинается перебранка, слово за слово... потомъ рукопашная. Кто первый началъ послѣднюю, конечно, неизвѣстно.

Утромъ рано къ Сухотину явились секунданты, кто долженъ былъ драться уже не знаю, только не Бакунинъ; поѣхали, но, увы, на мѣстѣ... оказались жандармы. Сухотина возвратили назадъ, поставили караулъ, а черезъ нѣсколько времени пришло ему предписание: сдать должность старшему по себѣ и выѣхать до ночи за Байкалъ, гдѣ и принять казачій полкъ.

— Не то обидно, что арестовали, что отрѣшили, что понизили, — лепеталъ Сухотинъ, — это все достойно и праведно. Не пьянствуй, старый дуракъ. Обидно то, что не хочетъ меня видѣть, хоть бы проститься далъ съ собой...

Я посовѣтовалъ написать письмо графу, предложилъ даже самъ отвезти его, но Сухотинъ не согласился и послалъ его съ кѣмъ-то.

Не прошло часа, адъютантъ привозитъ записку. Что въ ней заключалось... не знаю, но, прочитавъ, Сухотинъ расцѣловалъ ее, набожно перекрестился, спряталъ... и повеселѣлъ.

Между тѣмъ, въ городѣ происшествіе разнеслось, узнали и о послѣдовавшихъ распоряженіяхъ. И что за помпезные проводы выпали на долю Сухотина. Въ теченіе цѣлаго дня, начиная съ членовъ совѣта, поочередно навѣстившихъ его, кончая послѣднимъ гражданиномъ города и лицами, подавшими на него жалобы и въ наивности своей воображавшими, что паденіе Сухотина вызвано этими жалобами, всѣ посѣтили его, прощались искренно, иные со слезами. Что эта трогательная манифестація была искренна, доказывается тѣмъ, что кто же и что побуждали къ ней. Духъ оппозиціи? — но въ данномъ случаѣ, въ чемъ онъ могъ проявиться. Справедливость и неминуемость кары сознавали всѣ. Шли проститься съ Сухотинымъ, какъ съ человѣкомъ, котораго привыкли любить и уважать.

Командованіе полкомъ было назначеніемъ фиктивнымъ. Сухотинъ былъ тотчасъ же назначенъ начальникомъ амурскихъ сплавовъ. Года черезъ два мнѣ пришлось свидѣться съ нимъ въ Читѣ... Но уже это былъ не тотъ Сухотинъ. Прошло еще нѣсколько времени... и онъ окончилъ жизнь самоубійствомъ. Стоустая молва, Богъ знаетъ, что говорила объ этомъ послѣднемъ, исполненномъ трагизма, актѣ. Несомнѣннымъ осталось то, что, ко дню смерти, бывшія на рукахъ Сухотина суммы, счетоводство, дѣла... все было въ порядкѣ.

Миръ же праху твоему и вѣчная память, достойный и честный труженикъ!..

Заговоривъ о частныхъ эпизодахъ, ознаменовавшихъ зиму 1860 года, не могу не рассказать пассажа, случившагося съ Хаминовымъ.

30-го августа былъ офиціальный обѣдъ у графа Муравьева. Столъ былъ накрытъ покоемъ. За главнымъ столомъ сидѣли высшіе міра, на угловыхъ, съ одной стороны, мы, а съ другой—представители городского общества съ Хаминовымъ во главѣ. Расположила его судьба сѣсть прямо противъ меня. Послѣ перваго обыкновеннаго тоста, всталъ архіерей Евсеій, что-то прошепталъ себѣ поды, только близъ сидѣвшіе слышали. Оказалось: былъ предложенъ тостъ за графа Муравьева. Насъ взорвало, тѣмъ болѣе, что мы имѣли основаніе заподозрить, что архіерей сдѣлалъ это нарочно; онъ былъ не въ ладахъ съ Муравьевымъ. Я подбѣжалъ къ Изв—му депутатомъ съ приглашеніемъ возобновить тостъ, онъ сослался на Кукеля, какъ начальника штаба, Кукель въ свою очередь мигнулъ на губернатора, словомъ, пошла въ ходъ дипломатія. Взбѣшенный, я иду на свое мѣсто, взглянулъ и вижу умильное лицо Хаминова. Подбѣгаю къ нему.

— Предложите,—говорю ему,—тостъ за графа.

— Да хорошо ли будетъ?

— Чего тутъ хорошо, вы голова.

Не успѣлъ я вернуться на свое мѣсто... Хаминовъ встаетъ.

— Здравье графа Муравьева-Амурскаго... покорно прошу.

Тостъ былъ принятъ восторженно. Графъ посмотрѣлъ на Хаминова, да уже кстати и на нашу половину, понявъ очень хорошо, откуда шелъ вѣтеръ.

Кончился обѣдъ; Хаминовъ подходитъ ко мнѣ.

— Ну, теперь на гауптвахту.

— За что же? арестовываютъ провинившихся, а вы чѣмъ провинились?

Прощаясь со мной, графъ спросилъ:

— Это вы научили Хаминова?

— Я.

Онъ улыбнулся и погрозилъ мнѣ пальцемъ.

Передо мной за нѣсколько дней прибыла въ Иркутскъ съ Кавказа чета Вакульскихъ, мужъ, жена и сестра мужа. По какимъ-то соображеніямъ, это тріо было заботливо удалено графомъ Муравьевымъ изъ Иркутска. Къ возвращенію своему изъ Петербурга, графу Муравьеву предстоялъ сюрпризъ. Тріо очутилось опять въ Иркутскѣ: мужу дали мѣсто начальника военной прогимназіи. Графъ поморщился, но исправить дѣло было невозможно.

Въ концѣ декабря, 29-го или 30-го, не помню, графъ сдалъ должность своему помощнику. Надо же было, чтобы на другой день случился пожаръ театра. Самъ по себѣ пожаръ этотъ не пред-

ставлялъ никакой опасности. Театръ стоялъ на площади. Что спасти его было нельзя—это было несомнѣнно съ самаго начала. Надо было отстаивать, окаймлявшія площадь, деревянные зданія.

Въ моемъ распоряженіи было одно таковое зданіе, которое я и отстаивалъ. Послѣ Сухотина полиціймейстеромъ былъ назначенъ, П—въ, человѣкъ прекраснѣйшій, честный, человѣкъ дѣла, но, увы! для наружной полиціи онъ не годился. За присутственнымъ столомъ—онъ былъ у мѣста. Но на пожарѣ, хотя бы на томъ, о которомъ я говорю, и при отсутствіи надобности суетиться, П—въ представлялъ комическую картину.

За то Вакульскій дѣлалъ свое дѣло. Куда Корсаковъ, туда и онъ. Онъ лѣзъ изъ кожи, бросался то туда, то сюда—мозолилъ глаза. Пожаръ уже кончался, когда пробѣжалъ мимо меня адъютантъ съ словами:

— Михаилъ Семеновичъ приказалъ васъ предупредить, что полиціймейстеромъ уже не П—въ, а Вакульскій.

«А мнѣ какое дѣло»,—подумалъ я.

Въ то время мнѣ не пришло и въ голову, какое громадное значеніе будетъ имѣть для меня это, въ существѣ, ничтожное перемѣщеніе. Вакульскій и П—въ помѣнялись мѣстами. Оба остались довольны.

Поморщился вновь, какъ я слышалъ, графъ Муравьевъ, но онъ былъ уже не у дѣлъ.

Насталъ день окончательнаго отъѣзда Муравьева. Ни для кого не было тайной, что онъ уѣзжаетъ навсегда. Отъѣзду предшествовали обѣды, въ томъ числѣ и отъ совѣта главнаго управленія. Сперва насъ, чиновниковъ особыхъ порученій, не хотѣли допустить на этотъ обѣдъ, потомъ рѣшили принять въ качествѣ гостей. Когда мы протестовали, допустили на равномъ съ членами положеніи. Обѣдомъ распоряжался присяжный въ то время устроитель, членъ совѣта Сельскій, а помогалъ ему докторъ Персинъ. Обѣдъ обошелся въ 75 рублей съ лица. Ужъ это одно говорить, что онъ долженъ былъ быть задуманъ на славу; говорились искренніе или не искренніе спичи. И избушка Хаминова на этотъ разъ не осталась въ сторонѣ, и въ ней совершилось кормленіе.

Но всему бываетъ конецъ. Назначенный для отъѣзда день начался въ соборѣ, въ которомъ, при архіерейскомъ служеніи, графъ Муравьевъ, окруженный обществомъ, отстоялъ напутственный молебенъ. Площадь, или, лучше сказать, рядъ площадей, окаймлявшихъ соборъ, кишѣли народомъ. Послѣ молебна, всѣ, имѣвшіе на то право, бросились въ близъ лежавшее собраніе. Графъ Муравьевъ дошелъ до него пѣшкомъ; народъ тѣснился около него; слышались прощальные крики. Графу приходилось останавливаться, выслушивать прощальныя напутствія. Наконецъ, онъ въ собраніи. Громадная зала послѣдняго, прилегающія комнаты кишѣли публикой.

Тутъ были и мундиры, и ремесленники съ значками, и фраки, и сюртуки, и крестьяне, прибывшіе изъ сосѣднихъ деревень, и иногородные, и казаки. Я внимательно слѣдилъ за графомъ Муравьевымъ. Не было, кажется, человѣка, которому бы онъ не сказалъ слова. Смотрю: говоритъ съ Баркѣ-Петровскимъ. Протискиваюсь. Словъ не слышу. Вижу, Баркѣ-Петровскій плачетъ. Растроганъ. Кончилось это прощаніе. Въ городскихъ экипажахъ, кто только могъ, поѣхали въ Иннокентіевскій монастырь. Казалось, что туда придутъ только избранные, но пока шелъ молебень надъ мощами святителя, пока продолжался завтракъ у настоятеля, площадка передъ монастыремъ наполнялась народомъ, буквально прибѣжавшимъ. Мы вынесли, по сибирскому обычаю, на рукахъ графа Муравьева, но только показались въ толпѣ, какъ моментально были отброшены въ сторону, а графъ очутился на рукахъ сперва крестьянъ, а потомъ инородцевъ, такъ же поспѣшно выхватившихъ его у первыхъ. Имъ выпало на долю сказать и послѣднее «прости»... Когда я протискался сквозь толпу и подошелъ къ экипажу графа, я слышалъ только слѣдующія слова, произнесенныя инородцами:

— Мы тебя, графъ, не забудемъ, не забудь ты насъ!..

— Не забудь насъ!—подхватилъ народъ.

Тронулись повозки; всѣ стояли безъ шапокъ; кто бѣжалъ сзади, кто обратился къ монастырю и крестился, кто набожно благословлялъ отъѣзжающаго.

Шибче и шибче двинулись повозки. Народъ долго еще стоялъ безъ шапокъ, слѣдя за ними.

Стоялъ и я! Невольно пришло въ голову: закатывается зорька Восточной Сибири!

И, дѣйствительно, она закатилась... На долго ли?

В. Милютинъ.

